

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации
Свидетельство
о регистрации
№ 0110347
от 27 октября 1993 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю.И.ИГРИЦКИЙ
кандидат исторических наук,
член-корреспондент МАИ,
главный редактор

Л.Н.ВЕРЧЕНОВ
кандидат философских наук

В.И.ГЕРАСИМОВ
кандидат филологических
наук, член-корреспондент
МАИ, зам. главного
редактора

Л.П.ДЕЛЮСИН
доктор исторических
наук, профессор

Е.Б.КАЛОЕВА
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

А.Д.НЕКИПЕЛОВ
доктор экономических
наук, академик РАН

Б.С.ОРЛОВ
доктор исторических
наук, профессор

Т.Г.ПАРХАЛИНА
кандидат исторических наук

Ю.С.ПИВОВАРОВ
доктор политических наук,
академик РАН

Л.В.СКВОРЦОВ
доктор философских наук,
профессор, академик МАИ

Б.А.ХЕЙФЕЦ
доктор экономических наук

Л.Н.ШАНШИЕВА
кандидат философских наук

В.М.ШЕВЫРИН
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

Ответственный секретарь
А.А.ХАЛАТОВ

Редактор-консультант
И.Л.БЕЛЕНЬКИЙ

Литературный редактор
Д.А.СЕМЕНОВА

Художник обложки
Г.И.КОЗУБОВ

© ИНИОН РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ и современный мир

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

3(56)

In This Issue:

90 лет назад: Империя, смута, Гражданская война

90 Years Ago: The Empire, Civil Disorder and Civil War

Постмодернизм как явление культуры

Postmodernism as a Cultural Phenomenon

Цивилизационные судьбы России

Russia's Civilizational Destinies

Российская экономика: Стратегия развития

Russian Economy: A Strategy of Development

Академик Ландау и власть

Academician Landau and the State Authorities

МОСКВА
2007

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ. 1917.
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.
БОЛЬШЕВИЗМ

В. П. Булдаков
Империя и смута:
К переосмыслению истории рус-
ской революции 5

И. В. Михайлов
Современная историография
Гражданской войны в России 28

Е. Г. Плимак, В. С. Антонов
Октябрь 1917 года
и «большевистский
эксперимент» в России 47

РОССИЯ И МИР
В XXI ВЕКЕ

Л. В. Скворцов
Постмодернизм
как явление культуры 58

Е. Б. Рашковский
Цивилизационные
судьбы России 83

РОССИЯ ВЧЕРА.
СЕГОДНЯ. ЗАВТРА

ВЛАСТЬ, ЭКОНОМИКА,
БИЗНЕС

С. Ю. Глазьев
О стратегии развития
российской экономики 103

RUSSIA. 1917.
CIVIL WAR.
BOLSHEVISM

V. P. Buldakov
The Empire and the Great Mess:
Rethinking History of the Russian
Revolution

I. V. Mikhaylov
Current Historiography
of the Civil War in Russia

Ye. G. Plimak, V. S. Antonov
The October 1917
and the «Bolshevik
Experiment» in Russia

RUSSIA AND THE WORLD IN
THE 21ST CENTURY

L. V. Skvortsov
Postmodernism as a Cultural Phe-
nomenon

Ye. B. Rashkovsky
Russia's Civilizational
Destinies

RUSSIA YESTERDAY.
TODAY. TOMORROW

AUTHORITIES, ECONOMY,
BUSINESS

S. Yu. Glazyev
On the Strategy of Russian
Economic Development

Е. Я. Виттенберг Социальная ответственность бизнеса: Широкий взгляд	124	Ye. Ya. Wittenberg Social Responsibility of Business: An Overall View
---	-----	---

М. Е. Борисов Средний и малый бизнес и государственная власть в РФ: Институциональное взаимодействие	142	M. Ye. Borisov Middle and Small Business and the State Authorities in the Russian Federation: An Institutional Interaction
--	-----	--

Е. В. Попова Стабилизационный фонд: Возможности для будущего	152	Ye. V. Popova The Stabilization Fund: Future Possibilities
--	-----	--

РАЗМЫШЛЕНИЯ.
СООБЩЕНИЯ.
КОММЕНТАРИИ

REFLECTIONS.
COMMUNICATIONS.
COMMENTS

М. Н. Арбатская Голосование в зарубежных странах и непризнанных государствах: Нормы и практика	165	M. N. Arbatskaya Voting in Foreign Countries and Non-Recognized States: Norms and Practices
--	-----	---

А. Б. Докторович Социальный потенциал как предмет системного исследования	179	A. B. Doctorovich Social Potential as a Subject of System Studies
--	-----	--

Д. З. Хамдохов Социальное самочувствие населения (на примере Кабардино-Балкарии)	190	D. Z. Khamdokhov Social Self-Awareness of the Population (case of Kabardino-Balkaria)
---	-----	--

Н. В. Соленикова Политический Интернет в российских избирательных кампаниях: Тенденции развития	199	N. V. Solenikova Political Internet in the Russian Electoral Campaigns: Tendencies of Development
---	-----	---

В. В. Залужский Социальные сети как формат общения – альтернатива СМИ?	211	V. V. Zaluzhsky Social Networks as a Means of Communication – an Alternative to Mass Media?
---	-----	--

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ

В. М. Шевырин
«Пробудить чувства добрые»
(Графиня С.В. Панина) 218

Б. С. Горобец
Академик Ландау
и власть 240

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Н. К. Меден
Германский исторический
институт в Москве 249

О. В. Белова
Международный
исследовательский
центр российского
и восточноевропейского
еврейства 254

FACTS. EVENTS. PEOPLE

V. M. Shevyrin
«To Wake Good Sentiments»
(Countess S.V. Panina)

B. S. Gorobets
Academician Landau
and the State Authorities

SCHOLARLY AND CULTURAL LIFE

N. K. Meden
Deutsches Historisches
Institut Moskau

O. V. Belova
The International
Research Center
of Russian
and East-European
Jewry

РОССИЯ, 1917. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА. БОЛЬШЕВИЗМ

В. П. Булдаков

ИМПЕРИЯ И СМУТА: К ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЮ
ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Булдаков Владимир Прохорович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, главный редактор журнала «Soviet and Post-Soviet Review».

В феврале 2007 г. российские обществоведы оказались в более чем двусмысленном положении. Волей-неволей им пришлось реагировать на статью о Февральской революции 25-летней давности, написанную отнюдь не профессионалом, но зато Нобелевским лауреатом¹. Будущему историку предстоит поразиться тому, как в очередной раз российская элита продемонстрировала запредельную умозрительность и способность трактовать историю соответственно химерам собственного воображения², однако постоянно оглядываясь при этом на власть предрежащих. Налицо диковинная форма нарциссизма: любой шанс используется для того, чтобы показать себя в «выгодном» свете на фоне «дурного» прошлого безотносительно к поискам истины.

Солженицын на сей раз увидел причину революции в отказе самодержавного правителя от применения насилия против своих неразумных подданных. Некоторые представители нынешней элиты поддержали его с поистине холуйской поспешностью. Это факт.

Я не собираюсь, однако, ни предаваться морализированию по этому поводу, ни сетовать на тяготы профессии историка, которого в очередной раз ставят в ситуацию «непредсказуемости прошлого». В сущности А. Солженицын

1. См.: Солженицын А.И. Размышления о Февральской революции // Российская газета. 2007. – 27 февраля.

2. Кажется невероятным, но никто из них не вспоминает о фундаментальном исследовании Э.Н. Бурджалова о Февральской революции, которому до сих пор нет равных по объему использованного материала. См.: Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; его же. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971.

совершил полезную провокацию. А поскольку в России-то знать не желают собственной истории, подменяя ее какой-нибудь доктриной, то доверяют высказать «решающее» суждение о ней дилетантам, остается только высказаться *pro domo sua*.

О забытых предпосылках революции

В основе марксистско-ленинской парадигмы восприятия революции лежало представление об исторической неотвратимости ее пришествия. Соответственно, поиск предпосылок революции превращался в задачу № 1 для советских историков. На первый план, конечно, выдвигались «объективные» предпосылки революции – российская история должна была предстать центральной частью **истории всемирного прогресса**, которому надлежало поклоняться, как божеству. Поэтому Россия изображалась страной капиталистической экономики, основательно отягощенной, однако, «феодальными пережитками», причем противоречия ее, как и положено, «резко обострились» в эпоху империализма. Разумеется, это не могло не сказаться на трудящихся – отсюда возникал «субъективный фактор» в лице поначалу «стихийных», а затем «сознательных» революционных сил. И, разумеется, в авангарде прогресса оказывалась партия большевиков, ставшая Властью.

Некоторые современные политологи уверены: никаких предпосылок революции не было³. Строго говоря, действие объективных предпосылок в 1917 г. визуально не просматривалось. А потому после краха СССР они моментально были забыты за ненадобностью. Некоторые авторы стали даже доказывать, что системный кризис империи – это миф, выдуманный большевиками⁴. Более того, в обществе распространились представления об утерянном в неразберихе революции социально-экономическом рае. В этих условиях оказались востребованы «субъективные» факторы совершенно иного – главным образом конспирологического – ряда. Солженицын вроде бы со временем преодолел соблазны шпиономании. Теперь он сделал упор на «ошибках» власти, конкретно Николая II.

Представляется, что нет смысла обсуждать проблему падения самодержавия в России вне контекста **кризиса империи**. Я имею в виду не простую констатацию исторической нежизнеспособности «традиционных» («сухопутных») империй (Австро-Венгрии, Турции, России) в новейшую эпоху. Этот момент, кстати сказать, подметил еще великий революционный разрушитель – Ленин.

3. Никонов В. Крушение империи. Почему за несколько дней была разрушена российская государственность // Российская газета. 2007. – 16 марта.

4. Булдаков В.П. Россия или мифы о ней? По поводу статьи Бориса Миронова «Униженные и оскорбленные: "Кризис самодержавия – миф, придуманный большевиками"» (Родина. 2006. – № 1) // Родина. 2006. – № 8. – С. 7–9.

Сегодня исходить из идеи предопределенности кризиса – значит подвергать себя риску односторонней интерпретации фактов.

По современным понятиям, главное в империи – ее полиэтнический характер. Исходя из этого, считается, что историческая функция империи – обеспечить рождение наций. На деле историческая империя безотносительна к принципу этничности – это просто **культура гегемонии над культурами**. В принципе она может включать в себя этносы, пользующиеся исторически сложившимися формами самоуправления и не нуждающиеся в легитимизации их в рамках какой-либо автономии.

В связи с этим стоило бы обратить внимание не просто на предпосылки, а на некоторые «генетические» изъяны российского имперского организма, которые способны напомнить о себе в форс-мажорных исторических обстоятельствах. Ныне считается, что империя – это «дурное прошлое». Думается, это обычное для нашего времени самообольщение. Исходить полезнее из противоположного: империя – не исключение, а **правило** всемирной истории⁵.

Прежде чем проклинать, империей восхищаются. Во-первых, имперская структура соответствует онтологически-иерархичным мироощущениям людей. Во-вторых, она отвечает всеобщим религиозным представлениям о соотношении небесного и земного «порядка». В-третьих, только империя органично корреспондирует с архаичными, восходящими к доисторическим временам патерналистскими представлениями о системе власти-подчинения (что проявляется в импульсах периодически активизирующегося исторического подсознания). Наконец, империя с ее непременными взлетами и падениями – это принципиальная составляющая культурной динамики человечества. Исторически империя – продукт пассионарной стадии развития той или иной культуры, которой стало тесно в рамках породившей ее социальной среды, в силу чего она стремится обуздать окружающий ее «хаос» и навязать свою волю соседям. Правда, Российская империя существовала с оглядкой на византийский образец, т.е. можно сказать, что в духовном отношении она скорее стремилась «законсервировать» внутреннее и внешнее социальное пространство, нежели придать ей необходимую динамику.

Исходя из сказанного, империю можно представить как систему внутренних исторически сложившихся функциональных иерархий, которые должны под-

5. См.: Булдаков В.П. XX век в истории России: Имперский алгоритм? // Межнациональные отношения в России и СНГ. М., 1994; его же. Первая мировая война и имперство // Первая мировая война: Пролог XX в. М., 1998; его же. Война империй и кризис имперства: К социокультурному переосмыслению // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999; Buldakov V.P. The Imperial Mentality and Psychology in the USSR and its Consequences // Ethnic and National Issues in Russian and East European History. Ed. by J. Morison. MacMillan Press. Basingstoke, 2000.

держиваться в состоянии динамического равновесия. Причем осуществляется это не столько в результате их взаимной притирки, сколько посредством управленческих импульсов, исходящих из единого центра. Разумеется, облик имперства меняется. Как известно, протоимперские (протогосударственные) системы были теократическими, раннеимперские – милитократическими, позднеимперские – бюрократическими. Попросту говоря, исторически жрецов сменяли полководцы, полководцев – бюрократы. Эпоха первоначального накопления добавила к этому олигархический компонент. Речь идет не просто об определенных сословиях (стратах), а именно о иерархических структурах, не механически сменяющих друг друга, а сосуществующих в силу своей относительной изоморфности – таково естественное условие эволюционного имперского существования. В любом случае в православной империи, восходящей к «застойным» византийским образцам, духовное начало обязано органично соотноситься с другими управленческими иерархиями, причем поддерживать это равновесие призвана Власть.

В Российской империи к началу XX в. наблюдался полный разноречивый в основных системообразующих иерархиях. Духовная иерархия пребывала в наиболее плачевном состоянии: раскол XVII в., синодальное правление, «безбожный» XVIII в., финансовые трудности – все это вело к деградации основных «идеологов» империи и бюрократическому выхолащиванию православной веры. Во всяком случае, в официальной триаде «православие-самодержавие-народность» первый компонент влачил весьма жалкое существование даже сравнительно с другими конфессиями⁶. В военной иерархии сохранялись свои недуги: прежде всего, «немецкий» облик высших чинов⁷ далеко не соответствовал народным представлениям о «своем» боевом генерале. При этом военное управление (система генерал-губернаторств) даже в мирное время плохо стыковалось с гражданским. В годы Первой мировой войны (когда, между прочим, Петроград управлялся военными, а Москва гражданскими лицами) здесь обнаружилась вопиющая несовместимость, обернувшаяся настоящей «войной ведомств». Несомненно, бюрократия сама по себе испокон века была фактором десакрализации властного начала. Что касается российского инокультурного, иноэтничного и масонствующего чиновничества, то, начиная с XIX в., его можно считать псевдорационалистичным социокультурным вызовом православным основаниям империи. Во всяком случае, паранойя поиска «внутреннего немца», обострившаяся в годы Первой мировой войны, не случайно направилась против «германизированных» генералов и бюрократии.

6. См.: Леонтьева Т.Г. *Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002.*

7. См.: Меленберг А.А. *Немцы в российской армии накануне Первой мировой войны // Вопросы истории. 1998. – № 10. – С. 128–129.*

В новейшее время противоречие между традицией и инновацией наиболее болезненно стало ощущаться именно империями традиционного типа. Попросту говоря, управленческие структуры Российской империи должны были органично взаимодействовать не только с жизнеобеспечивающими, но и инновационными (в самом широком смысле слова) иерархиями. Увы, даже некоторые современные экономисты имеют обыкновение обольщаться относительно высоких темпов роста промышленности и глубокомысленно кивать на то, что накануне революции Россия «кормила пол-Европы»⁸. Увы, существует другая сторона медали. В промышленности непропорционально значительное место занимал либо иностранный (или автохтонно-инославный)⁹, либо старообрядческий капитал¹⁰ – органичного встраивания буржуазных отношений в православное социальное пространство не было. Более того, уместно говорить и о том, что западный капитал в тяжелой промышленности проявлял себя в социальной сфере как антисистемный квазиинновационный элемент¹¹. Конечно, для России с ее известными климатическими особенностями особое значение имела транспортная система. Между тем совершенствование инфраструктуры, несмотря на «железнодорожный бум», не поспевало за потребностями объективно необходимой ускоренной модернизации.

В аграрной сфере положение было еще более сложным: дворянство представляло собой хозяйственно скудеющее сословие; абсолютное большинство крестьянского населения жило по законам производительно-потребительского баланса, не ведая о конкуренции. Товарное зерновое хозяйство существовало изолированно от моря крестьянских хозяйств, балансировавших на грани природного выживания – отсюда особо опасный для империи феномен «оскудения центра»¹², обернувшийся, по мнению некоторых авторов, истощением ее этнического ядра¹³. Даже поставки зерна на экспорт были связаны с региональной специализацией земледелия, географически привязанной к оптимальным путям вывоза, причем экспорт осуществлялся преимущественно торговцами нерусского происхождения. При этом низкокачественное российское зерно

8. Периодические голодовки были обычными для предреволюционной России. См.: Шингарев А. Вымирающая деревня. М., 1902; Пругавин А. Голодающее крестьянство. СПб., 1906; Панкратов А. Без хлеба. СПб., 1913.

9. См.: Ананьич Б.В. Банкирские дома в России, 1861–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991.

10. См.: Керров В.В. «Се человек и дело его...». Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004.

11. Булдаков В.П. Раковая опухоль экономического роста // Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы. Вып. 14. М., 2001. – С. 27–30.

12. См.: Вронский О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: Структура управления, поземельные отношения, правопорядок. Тула, 1999.

13. Соловей В.Д. Русская история: Новое прочтение. М., 2005. – С. 120.

(обойденный агрономической помощью крестьянин не имел представления о его сортности) покупалось западными странами преимущественно для реэкспорта в колонии, что позволяло им модернизировать собственное сельское хозяйство. А между тем состояние российских финансов зависело от хлебного экспорта не менее основательно, чем от печально знаменитого «пьяного бюджета». В результате в условиях мировой войны правительство не смогло переориентировать продовольственные грузопотоки с юга на запад (для снабжения армии), а «сухой закон» еще более усилил финансовую зависимость России от Запада.

Производственно-технологические структуры в любой динамичной системе должны быть состыкованы с информационно-управленческими. В России многообразие образовательных, научных, судебных, военных иерархий чрезвычайно причудливо (и вполне бессистемно в модернизационном смысле) наложилось на географическую карту империи. Военные иерархии особо сложно переплелись с административно-управленческими. Наука существовала вполне изолированно от отечественного производства – многие виды сырья оставались неразработанными и ввозились из-за границы; российские ученые считали естественным результатом своих исследований соответствующую публикацию в немецких университетских журналах. А между тем все производственно-инновационные структуры должны были быть объединены общепонятной иерархией смыслов и ценностных устремлений, позволяющих не только удерживать систему в состоянии динамического равновесия, но и направлять ее ускоренное развитие.

В значительной степени развал имперской иерархии стал возможным благодаря действию антисистемных элементов – имеются в виду не просто личности диссипативного склада («свободные радикалы»), а феномен интеллигенции – социального слоя, которому до сих пор не находится аналога на Западе. Не приходится сомневаться, что если слой образованных людей не находит естественного применения своим способностям к лидерству и управлению, то рано или поздно из него сложится антисистемное сообщество, руководствующееся постулатами, изначально противными оттолкнувшей их государственности. И поскольку подобный слой изначально отрицает язык патерналистской власти, то рано или поздно его доктринальные установки начнут резонировать с народными утопиями и предрассудками.

Примечательно, что атеистичная русская интеллигенция действовала по схеме: «Не согрешишь – не покаешься». Идеи «Вех» можно было бы признать здравыми, если бы в их основе не лежала психология «нашкодившего холуя». Примечательно, что идеи, которые можно назвать неовеховскими, оказываются востребованными в современной России.

Реформы 1860–1880-х годов, придав системе некоторый производственный динамизм, вместе с тем еще больше нарушили внутримперский баланс, что, с одной стороны, стимулировало интеллигентскую оппозиционность, с другой –

болезненно отразилось на социальной сфере. Освобождение крестьян при сохранении помещичьего землевладения обострило аграрный вопрос; сохранение общины усилило их изоляцию от «городских» сословий; новые центры гражданской консолидации в лице внесословного прихода не были воссозданы; органы самоуправления оказались отчуждены от крестьянского большинства; система всеобщего образования не была создана; единой судебной системы не существовало, а правовое воспитание населения отсутствовало; усиливающиеся миграционные процессы вели к маргинализации устарелой сословной структуры. Но главное в другом: о необходимости перевоспитания подданных империи в самостоятельных граждан правящие верхи «забыли».

Управлять можно посредством либо традиции, либо насилия. В предреволюционной России традиция и власть все более расходились. Для поддержания внутриимперского баланса требовалась несравненно более четкая работа центрального аппарата, нежели в условиях демократии, с ее относительно «плоской» социальной структурой, более основательным самоуправленческим (подсистемным) потенциалом и «диктатурой закона». В Российской империи достичь этого никогда не удавалось. Как ни парадоксально, до поры до времени «спасала» империю людская вера в ее бытийственное предназначение. Но в условиях тотальной войны не сработала даже она – тем более, что волевые импульсы власти оказались ослаблены. Последовала обвальная десакрализация власти – то, что никогда не проходит бесследно.

Очевидно, что либо самоуправленческие элементы демократии начинают органично встраиваться в империю, либо она рано или поздно становится жертвой нравственного, а затем и управленческого коллапса. К слову сказать, реставрация Мэйдзи, которая сделала возможной военную победу Японии над Россией, проводилась по сценарию прямо противоположному российскому: крестьяне наделялись землей, было введено всеобщее начальное обучение, осуществлялась мощная государственная поддержка синтоистской религии, развернулась модернизация армии, затем последовало открытие парламента. И если через десяток лет после начала российских Великих реформ стало известно, что франко-прусскую войну «выиграл школьный учитель», то стоило бы задуматься о том, что в современную эпоху всякие инновации должны быть направлены на человека – последовательное высвобождение и планомерную переориентацию его творческой энергии на все более высокие цели и задачи.

Произошло нечто противоположное: российские реформы проводились для удобства управления подданными¹⁴, а отнюдь не для привития им новых, инно-

14. См.: Леонтьева Т.Г. Российское реформаторство: Генетический изъян? // Россия и современный мир. 2004. – № 4 (45).

вационно востребованных социокультурных качеств¹⁵. Как результат, мировая война подтолкнула империю к системному кризису – произошел настоящий организационный коллапс. Его породило сложное взаимодействие целого ряда неконтролируемых факторов: разделение сферы управления на военную и гражданскую; мощные депортационные и миграционные процессы; возникновение и деятельность Земского и Городского союзов; попытки перевести промышленность на военные рельсы; кризис транспортной инфраструктуры; производственные трудности, связанные с прошлой технологической зависимостью от Германии; «губернаторские войны» из-за продовольствия; курс на продовольственную диктатуру; маргинализация социального пространства; растущая психологическая усталость людей от «непонятной» войны; нарастание тотального дефицита и т.д., и т.п. Впрочем, возможно, главную роль сыграло растущее неверие во власть, проникшее в толщу народных низов. Вместо необходимой общенародной мобилизации на войну обострилось противостояние «консервативной» бюрократии и «либеральной» общественности, которая и представила основным и единственным источником народных бедствий царскую чету. Можно сказать, что главной причиной Февральской революции стала десакрализация существующей власти, обусловленная внутренними противоречиями и социальными тяготами.

На разрушительной стадии системного кризиса можно условно выделить отдельные «уровни» его протекания: этический, идеологический, политический, наконец, организационный¹⁶, которые и довершили разрушение имперских иерархий. На психологическом уровне происходящее можно свести к проблеме «верхов» и «низов», оказавшихся в разных культурных измерениях, но сходным образом выпадающих из организационного пространства империи. При этом культурные верхи, усвоившие этику демонстративного народолюбия, ничуть не сознавали степени своей бытийственной отчужденности от низов – это повлекло за собой состояние революционной беззаботности новых элит. Бифуркационным апогеем кризиса, безусловно, стала Февральская революция.

Всякая революция, даже направленная на разрушение откровенно мертвящей имперски-бюрократической иерархии, на деле непременно окажется ударом по сложившейся иерархии культуры. Те, кто «был ничем», освободятся от сдерживающих табу и цивилизационно корректирующих комплексов и ринутся творить «новый» (на деле суррогатный или архаичный) мир, адаптированный под собственное невежество.

15. См.: Булдаков В.П. *Российская революционность в контексте неудачливого реформаторства // Революции и реформы в России: Исторический контекст и современное содержание. М., 1999.*

16. Булдаков В.П. *Системные кризисы в России: Сравнительное исследование массовой психологии 1904-1921 и 1985-2002 годов // Acta Slavica Iaponica. Tomus XXII. 2005. – С. 98-99.*

Вместе с тем, говоря о внутренних предпосылках русской смуты, нельзя забывать, что мировая война уже была смутой глобального масштаба, в ходе которой на грань революции была поставлена не одна страна. В этом смысле русская революция была лишь частью колоссальных потрясений всей Европы. При этом следует заметить, что события Февральской революции сразу же вызвали колоссальный резонанс во всем мире.

Лицо Февраля

Февральскую революцию было принято именовать не только буржуазно-демократической, но и просто демократической и даже «общенародной». Ни первая, ни вторая характеристики не выдерживают критики. «Общенародной» революцией ее можно назвать лишь в том смысле, что императора не поддержал никто. Однако и «верхи», и «низы» руководствовались при этом различными целями и установками. На деле мы имеем дело не с революцией, не с переворотом, а с саморазрушением имперской системы. Фактически это была стихийная «революция без революционеров» – самодержавие на деле никто не свергал, имперская система развалилась сама собой (в чем фактически признался Миллюков).

Некоторые современные авторы именуют Февральскую революцию «бархатной»¹⁷ – это от вопиющего незнания исторических реалий и столь же поразительной готовности подвергать прошлое к упрощенно воспринимаемым современным процессам. Реальный Февраль совершенно не укладывается в плоские политологические теории. И дело даже не в количестве его жертв, а в его стихийной мощи и политической необузданности. Падение самодержавия, как и Французская революция, высвободило бесчисленных «фурий», еще более зверевших от взаимного сопротивления и соперничества непонятных идей¹⁸.

Трудно даже сказать, что больше всего взбудоражило общественность накануне революции: думская речь Миллюкова от 1 ноября 1916 г. о «глупости или измене» в правительственных верхах или последующее выступление Пуришкевича, прямо указывающее на «немецкую партию», обосновавшуюся у трона. Во всяком случае, последующее развитие событий пошло не по политическому сценарию – в революционизировании общества колоссальную роль сыграли слухи о всевозможных заговорах и покушениях на царствующих особ¹⁹. Сегодня все это приписывается злокозненной интеллигенции, Земгору и «внешним си-

17. Андреев Д. *Формула Февраля. Из-за чего в России может произойти «бархатная революция»* // *Политический класс*. 2007. – № 2 (26). – С. 24.

18. Mayer A. *The Furies: Violence and Terror in the French and Russian Revolutions*. Princeton, N.J., 2000. – P. 23.

19. Булдаков В.П. *Красная смута: Природа и последствия революционного насилия*. М., 1997. – С. 53–54.

лам», опорочившим и Николая II – «умного, мужественного человека», и его супругу – «крупнейшего организатора санитарного дела в России»²⁰. Нетрудно вообразить, как бы хохотали современники февральских событий, узнай они о подобных «открытиях», принадлежащих внуку известного революционера и сталинского соратника.

Последний император менее всего соответствовал задачам (как охранительным, так и инновационным), стоящим перед Россией²¹. Создается впечатление, что он фаталистично шел к своему концу. Возможно, в соответствии с византийской традицией он жил под тяжестью грядущего воздаяния за «грехи» своего царствования – в их ряд можно поставить и «Ходынку», и «Кровавое воскресенье». Поразительно, однако, не то, как он легко сдал власть, отметив, что повсюду «предательство и обман», а то, что никто не встал на защиту трехсотлетней династии – ни православная церковь, которую он формально возглавлял, ни дворянская корпорация, считавшаяся его естественной опорой, ни даже генералитет, которому сам Бог вроде бы повелевал поддерживать своего главнокомандующего²². Случившееся уместнее трактовать не как революцию, а как начало окончательного развала прежних иерархий на манер Смутного времени XVII в. Для той и другой смуты были характерны одни и те же базовые элементы: своего рода династический надлом (об этом, как ни странно, мимоходом высказался сам Ленин), неспособность власти накормить народ в эпоху лихолетья. В общем сложилась стандартная ситуация древнейших времен, когда правитель приносился в жертву во имя спасения народа. Разочарование во власти наступает тогда, когда в ней перестают видеть Власть. И вот тогда с ней могут расправиться столь же жестоко, с какой варвары наказывают не оправдавших надежд идолов.

Война – это всегда испытание на историческую жизнеспособность власти. Для определенной, возможно подавляющей, части населения в лице крестьянства необходимость участия в войне связывалась с «царской» волей, т.е. в конечном счете с императивом неких высших сил. Но если «помазанник Божий», он же верховный главнокомандующий, добровольно отказывается от власти, данной свыше, то война лишается своего сакрального ореола и предстает неким корыстным делом, затеянным с недоброй для страны целью ее скрытыми недругами. Можно с полным основанием говорить о том, что с отречением Николая II значительная часть населения свыклась с мыслью не просто о

20. Никонов В. Указ соч.

21. Булдаков В.П. «Щупленький офицерик»: Николай II и съевшие его гие-ны // Независимая газета. 2000. – 27 июля.

22. См.: Леонтьева Т.Г. Православное духовенство и русская революция // К истории русских революций: События, мнения, оценки. Памяти И.И. Минца. М., 2007. С. 582–621; Айрапетов О.А. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М., 2003.

проигранной, но проигранной в силу несправедности войне. Продолжать ее казалось делом преступным. Напротив, либеральная часть общества полагала, что именно избавление от династии обеспечит исторически необходимую победу в жизненно важной для России войне. Налицо был аксиологический и психоментальный раскол общества, который с продолжением войны мог только углубляться.

Самое поразительное, что революцию предсказывали представители самых различных общественно-политических кругов (достаточно вспомнить П.Н. Дурново и А. Парвуса). Исходя из опыта 1905 г. было известно, как она будет разворачиваться в случае войны. Тем не менее крах самодержавия оказался совершенно неожиданным для тогдашних политиков. А если такое случается, то значит вся система «обратной связи» в империи давно перестала работать.

Поразительно, но этот глубинный раскол смысла и духа имперского существования был интерпретирован (и интерпретируется до сих пор) в выхолощенных терминах современной политики. Представление о Феврале как о политическом перевороте связано с механической экстраполяцией современных представлений о политике и демократии в качественно иной социально-исторический контекст. В России начала XX в. современных форм демократии не могло, естественно, возникнуть в принципе.

В литературе многократно писалось, что демократия в буквальном смысле слова (власть народа) практически невозможна. Во-первых, само ее историческое происхождение связано с «искусственной» полисной средой, из которой к тому же были исключены все «неграждане», т.е. изначально «народовластия», объединяющего все население, не существовало. Во-вторых, теоретически «прямая» демократия (об иных ее формах говорить нет смысла) возможна в локально ограниченных сообществах, вроде швейцарских внутрикантонных общин, где допустима ситуация неразделенности законодательных и исполнительных функций. В-третьих, усложнение общественных систем требует профессионализации управляющих, что автоматически влечет за собой существование управляемых, т.е. людей отчужденных от власти. Наконец, в критические моменты истории то, что ныне именуется демократией, достойно самое себя лишь в силу способности к самоограничению: европейская политическая мысль – от Франсуа Гизо до Карла Шмитта – не случайно постоянно возвращалась к идее «демократического» единства правителей и управляемых, что само по себе является отрицанием изначального принципа демократии. В России в результате Февраля параллельно возникли **квазидемократические** институты (Временное правительство, губернские исполнительные комитеты) и **протодемократические** представительства (Советы, фабзавкомы, крестьянские комитеты и т.п.). Они по-своему систематизировали культурно-политическую гете-

рогенность российского общества, которая рано или поздно должна была напомнить о себе.

Как известно, к настоящему времени актуализировалось множество экзотических «теорий» Февральской революции. Я не буду комментировать различного рода конспирологические версии – они, как правило, порождены общественной паранойей. Стоит остановиться на «теории раскола», выступающей как в научной, так и в мифологической ипостаси. Согласно первой (А.С. Ахиезер), для России характерно практически перманентное состояние «расколотости», связанное не просто с историческим Расколом, а с невозможностью выработать «срединную» культуру и создать «средний» социальный слой, социокультурно консолидирующий все сословия и страты²³. В том, что имперское социальное пространство включало в себя различные исторические «этажи» культуры (включая политическую культуру), что потенциально было чревато системным кризисом империи, сомневаться не приходится. Но точнее было бы говорить о периодически кризисной неустойчивости общеимперской иерархии, оборачивающейся время от времени антисистемной поляризацией, нежели о перманентной ее расколотости.

Что касается буквальной интерпретации идеи раскола (частично поддерживаемой современными старообрядцами), то она базируется на представлении о том, что «старая вера» – это и есть исконно народная форма «русскости», гонения на которую спровоцировали все последующие беды России. Есть даже «концепция» исторической «мести» старообрядчества романовской имперской системе – ее правомерно отнести к числу тех обычных «метаисторических» фантазий, которыми столь богата современность. Известно, что революционные агитаторы встречали особое понимание у раскольников; справедливо, что к началу XX в. все большая часть верующих бежала от «казенного» православия во всевозможные секты; несомненно, что указ о веротерпимости (апрель 1905 г.) мог активизировать старообрядчество, – но роста антиправительственных настроений «староверов» или сектантов, выходящих за рамки их прежнего духовно-изоляционистского отторжения от «антихристов-Романовых», не было заметно. В действительности значительной и активной антимонархистской силы, за пределами левых партий, в России не существовало.

В связи с этим возникает традиционный вопрос о «движущих силах» Февральской революции. То, что антиправительственные «голодные» демонстрации были начаты рабочими, точнее работницами, не подлежит сомнению. Иного и

23. См.: Ахиезер А.С. Специфика исторического опыта России: Трудности обобщения // *Pro et Contra*. 2000. – Т. 5. – № 4; Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск, 2002.

быть не могло: запредельная сконцентрированность в столице такого числа предприятий-гигантов сама по себе была внутренним вызовом имперской иерархии. Но стоило бы обратить внимание на «революционно-гендерный» аспект проблемы: волнения на текстильных («женских») фабриках активизировали рабочих-металлистов (мужчин) – это по-своему перекликается с волной «бабьих бунтов» из-за дефицита, прокатившихся весной-осенью 1916 г. по Югу России. Февральская революция, безусловно, носила городской, даже столичный характер, что лишний раз подтверждает, что в ее основе лежал обвал прежних имперских иерархий. Несомненно, однако, что ее победа была невозможна без присоединения к восставшим солдат-новобранцев непомерно раздутого столичного гарнизона, а также казаков. Вместе с тем обращает на себя внимание еще один момент. Если исходить из списков убитых, то поражает незначительное количество рабочих, преобладание солдат, а также непомерно большое количество выходцев из Прибалтики (особенно латышей из Курляндии). Можно предположить, что тела рабочих сразу же забрали родственники, а в больничные морги наряду с солдатами попали наводнившие столицу беженцы-латыши. Авторы «контрреволюционных» воспоминаний постоянно отмечали, что в толпах восставших было много еврейских и «кавказских» лиц – в списках убитых и те, и другие практически незаметны. В любом случае трудно сомневаться, что революция не носила выражено «классового» характера – ее «движущей силой» выступали озлобленные маргиналы и городские люмпены.

В целом в Февральской революции было очень много иррациональной истерии, нагнетаемой всевозможными слухами об «измене» и/или «подмене» (от царствующих особ до денег), характерной для средневековых бунтов.

Характер революционных расправ в феврале-марте 1917 г. показывает, что массами двигала иррациональная ненависть. С диким ожесточением срывались «царские» гербы, с живыми олицетворениями империи расправлялись не менее яростно. Жандармы обычно погибали от рубленых и огнестрельных ран головы, штыковых ран в область живота и груди²⁴. Еще большим зверством были отмечены насилия над флотскими офицерами в Гельсингфорсе и Кронштадте – то, что пафосно попытался изобразить А.И. Солженицын, было лишь бледной тенью действительности. В Твери солдаты расправились с губернатором фон Бюнтингом – скорее всего из-за немецкой фамилии. В сохранившихся в архивах воспоминаниях стихийных революционеров (позднее ставших большевиками) нет и тени сомнения в «справедливости» этой акции.

Общее число убитых и раненых подсчитать невозможно. Несомненно, однако, что счет шел на сотни убитых. Парадоксально, что революция тут же была объявлена не только славной, но и «бескровной». Похоже, что в это про-

24. ГА РФ. Ф. 6992. Оп. 1. Д. 4. Л. 2, 4, 5, 8-11, 13, 15-17, 19-23, 25-26, 28.

должали верить и после того, как 23 марта на Марсовом поле в присутствии полумиллиона человек было опущено в могилу 184 гроба. Победившая революция всегда создает «атмосферу миража» – этим следует либо воспользоваться, либо быть готовым к тому, чтобы оказаться у разбитого корыта.

Хаос и власть

Сложившуюся в Феврале ситуацию А.И. Солженицын охарактеризовал как «хаос с невидимым стержнем». В общем, получился литературный парафраз основного постулата теории динамического хаоса или синергетики, что, разумеется, делает честь писателю. Дело, однако, в том, что этот «стержень» был в 1917 г. вполне различим – его контуры проступали в народных требованиях мира и земли, что видели очень многие политики, но чем отважился воспользоваться только Ленин. Нравится нам это сегодня или нет, но «властный стержень» русской смуты ухватил именно он. Перехватить у него инициативу преодоления хаоса никто не рискнул, хотя в принципе это было возможно.

С точки зрения теории динамического хаоса, шансы на утверждение демократии в России были невелики. Демократию вообще можно назвать искусственным растением, выращенным в перепаханной насилием и энергетически истощенной социальной среде. Предупреждение о постоянной опасности перерождения демократии в охлократию, а затем в «демагогократию» содержится уже у Платона – таков стандартный итог социальной турбулентности в политически неразвитом социальном пространстве. В послефевральской России, похоже, создались наилучшие условия для реализации этого пессимистического сценария. «В демократии народ подчинен своей собственной воле, а это очень тяжелый вид рабства», – писал еще в 1906 г. Максимилиан Волошин. Но признавали ли российские элиты возникающую в связи с этим опасность?

Несомненно, что пришедшие во власть люди, зная о подстерегающих их опасностях теоретически, оставаясь крайними либеральными и социалистическими доктринерами, совершенно не признавали ни возможностей, ни опасностей переживаемого момента. Более того, они были заражены эйфорией всеобщего освобождения, блокировавшей инстинкт элементарного самосохранения. С другой стороны, ощущая себя людьми «приглашенными на праздник», они, как и все, жили ожиданием «чуда истории» – патерналистская система воспитала (или законсервировала) в Homo Rossicus'е именно эту черту. Впрочем, и Ленин считал, что Россия стала «самой свободной страной в мире», но воспользовался этим совершенно по-своему, опираясь на «революционное творчество масс», т.е. на охлократию, предполагавшую традиционалистский путь выхода из кризиса.

Возникает вопрос: действительно ли в России восторжествовали самые совершенные в мире демократические институты? Увы, они были провозглашены, но не создавались, да и в принципе не могли действовать. Теоретически после Февраля необходимо было решить стандартную для России задачу оптимального соединения традиции и инновации. Верхи российского общества вели себя так, словно ожидали, что демократическая политическая система возникнет сама собой и полностью вытеснит «предрассудки» традиционализма. С таким настроением они обложились текстами всех тогдашних «передовых» европейских конституций, чтобы создать нечто еще более «совершенное». Между тем основная масса населения понимала долгожданную «волю», как «республику с хорошим царем»²⁵. Теоретически найти некоторое внешнее соответствие этому идеалу можно было в результате своевременного созыва Всероссийского Учредительного собрания, заранее прозванного в народе отнюдь не попарламентски – «Хозяином Земли Русской». Кстати, все известные в мире революции осуществляли это не позднее трех месяцев со времени своей победы – Временное правительство запоздало с легитимизацией демократических институтов, чем не использовала единственный серьезный шанс блокировать охлократические призывы левых лидеров.

Представляется, что в связи с этим не следует преувеличивать институционального значения так называемого двоевластия. Фактически оно существовало короткое время лишь на столичном уровне. На местах Советы повсеместно входили в губернские исполнительные комитеты как одна из разновидностей многочисленных общественных организаций, нацеленных на сотрудничество в их рамках. Деструктивной силой они (точнее их большевизированные исполнительные комитеты) стали лишь осенью 1917 г. При этом следует иметь в виду, что Ленин даже тогда не считал их единственным органом подготовки восстания – он готов был отдать предпочтение фабзавкомам и Красной гвардии. Для умеренных политических элит того времени реальное значение имело не двоевластие, а страх распада власти как таковой. В любом случае следует иметь в виду, что после Февраля вся Россия оказалась во власти иллюзорного, а не реального: в сознании верхов преобладал доктринальный момент, в представлениях низов – утопический.

С точки зрения западной политической культуры, новые российские верхи действовали совершенно логично: надо было сначала построить «правильные» органы самоуправления, стабилизировать власть на местах и лишь после этого произвести выборы и созвать Учредительное собрание. Но по законам российской политической культуры от новой власти (которая в принципе не мог-

25. См.: Колоницкий Б.И. «Демократия» как идентификация: К изучению политического сознания Февральской революции // Февральская революция: От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. – С. 114–115.

ла быть «временной») ждали поистине магических жестов и действий. Демократические институты следовало по мере возможностей насаждать сверху, причем быстро, иначе их захлестнут охлократические организации – что и произошло позднее. Несомненно, своевременно созданное на основе всеобщего, прямого, равного, тайного избирательного права, да еще и с участием солдат Учредительное собрание первым делом решило бы проблемы прекращения войны и «черного передела», что было чревато серьезными социальными потрясениями. Но, как показали последующие события, выбора не оставалось – военные договоренности с союзниками для народной стихии ничего не значили. К тому же сохранялся шанс на то, что и демобилизация армии, и ликвидация помещичьего и «кулацкого» землевладения произойдут более организованно, чем это случилось позднее, а промышленность сможет переориентироваться на преодоление дефицита. В любом случае власти не пришлось бы противостоять социальной революции и охлократии в откровенно репрессивной форме.

Другой серьезной ошибкой новой власти стал отказ от сотрудничества с Русской православной церковью, которая безоговорочно, практически *in corpore*, поддержала новую власть. Первоначально Временное правительство пыталось строить взаимоотношения с РПЦ по синодальной модели, затем ударились в другую крайность – скорейшую реализацию идеи отделения церкви от государства, осуществляемого чисто механически. Необходимое и неизбежное отделение конфессий от государства фактически приняло характер разрушения исторически сложившейся духовной иерархии, т.е. тотального отрицания народной веры, причем это произошло в наименее подходящее время – в условиях войны. В любом случае государству следовало бы поддержать тенденцию к «демократизации церкви» (фактически стихийное воссоздание соборности), выразившуюся в невиданной активизации мирян, и, главное, в попытках укрепления приходской жизни, способной реально противостоять охлократии.

Непонимание властью психосоциального состояния народной массы обернулось разворачиванием социальных войн, вполне обозначившихся еще в 1905 г. Для империи, более 2/3 населения которой принадлежало к крестьянскому сословию, базовое значение имел аграрный вопрос. При этом в условиях тотальной войны он по-своему преломился в психологии солдатских масс (маргинализированной и радикализированной части крестьянства): нежелание воевать увязывалось с перспективой «окончательного» решения вопроса о земле силовым путем. Как бы то ни было, решающее значение в 1917 г. приобрела «солдатская революция», что прослеживается как в поведении городской ох-

лократии, так и в инспирировании солдатами-отпускниками аграрных погромов²⁶.

В основе аграрного движения в 1917 г. лежало не просто стремление к «черному переделу», но и тенденция к стихийной консолидации крестьянской массы в рамках традиционных деревенских структур в целях самовыживания. Это движение справедливо отождествляют с «общинной» (в широком смысле слова) революцией, противостоящей «враждебному» внешнему миру²⁷. Действительно, в сельской местности и так называемыми крестьянскими, и земельными, и продовольственными комитетами, и даже волостным земством фактически заправляла община – точнее ее оклократический суррогат в лице непомерно воинственного, разбавленного всевозможными маргиналами и откровенно хулиганствующими элементами сельского схода. «Общинная революция» имела свой аналог в «рабочей революции», направленной на установление своих порядков на предприятиях с помощью фабрично-заводских комитетов. На предприятиях также хватало своих диссипативных элементов, зачастую объединенных в заводскую милицию и красную гвардию. И тем не менее как «городская», так и «деревенская» революции носили не наступательный, а социально-оборонительный характер – другое дело, что объективно они были направлены против прежних иерархий, что было использовано большевиками и прочими экстремистами для разрушения остатков исторической государственности.

Как ни парадоксально, так называемые национальные революции (национально-освободительные движения по прежней терминологии) также носили оборонительный этноконсолидационный, а не «сепаратистский» и/или сецессионистский характер. По мере разрушения имперских иерархий в массах нерусских народов создавалось впечатление, что «своя» власть сможет оперативнее и эффективнее решить острые социальные вопросы. Этим воспользовались всевозможные «националистические» лидеры, рассчитывавшие на обретение их этносами статуса автономии в рамках Российской демократической федеративной республики. При этом широко использовалась демагогия: украинские эсеры, к примеру, убеждали, что «самые плодородные» украинские земли не должны достаться «москалям». Откровенными сецессионистами выступили только финляндские социал-демократы, польские и литовские политические лидеры. Внутри иных «национальных» элит откровенные сепаратисты составля-

26. Buldakov V.P. *Soldiers and Changes in the Psychology of the Peasantry and Legal and Political Consciousness in Russia, 1914-23* // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2000. – Vol. 27. – Nos. 2-3.

27. См.: Люкшин Д.И. *Вторая русская смута: Крестьянское измерение*. М., 2006.

ли ничтожное меньшинство, активизировавшееся и имевшее некоторый успех только после победы большевиков.

В процесс тотальной деструкции имперского организма вписывались и другие «революции», вроде «женской» или «юношеской». Идейным знаменем подобных движений обычно выступал социализм – известны лозунги «коммунального» и даже «детского» социализма. Рост социальной агрессивности был повсеместно связан с дефицитом: в городах имели место не только продовольственные и винные погромы, но и «галлошные» бунты. Параллельно росли ксенофобские и этнофобские настроения, направленные не только против евреев, но и цыган, китайцев и вообще всех «чужих».

Разумеется, всего этого послефевральские доктринеры не замечали. «...Мания рациональных объяснений... укоренена в нашем страхе перед метафизикой... Посему любая неожиданность, надвигающаяся на нас из тьмы, представляется нам... как галлюцинация, то есть нечто ложное», – писал в свое время К.-Г. Юнг²⁸. Наступило время «состязания утопий».

Партийно-политическое противоборство существовало словно поверх реальных социально-революционных процессов²⁹, что, разумеется, не мешало политикам использовать ложно интерпретированные лозунги низов для подкрепления собственных доктринальных установок. До сентября 1917 г. реальные перспективы «политики» фактически сконцентрировались вокруг одного вопроса: обуздать или развязать хаос? Последнему основательно помогли своим межеумочным поведением меньшевики и эсеры: с одной стороны, в соответствии с доктриной они делали все, чтобы сохранить коалицию с «буржуазией» (фактически с либералами, представленными кадетами), с другой – как социалисты не могли не поддерживать радикальных лозунгов масс, исключавших продолжение войны и планомерное решение аграрного вопроса. Поэтому не удивительно, что всякое радикальное движение в низах подталкивало интеллигентов-политиков к неадекватным применительно к логике социального хаоса действиям. Так, кадеты «обиделись» на своих социалистических коллег-министров в связи с их уступками лидерам Украинской Центральной рады и поспешили выйти из правительственного кабинета. Это ускорило так называемый июльский кризис, в результате которого столица на время оказалась в руках взбунтовавшихся солдат, не желавших отправляться на фронт. Организация выступления была приписана лидерам большевиков, хотя в отличие от своих стихийных сторонников, не говоря уже о всевозможных анархистах и максималистах, они стремились действовать довольно осторожно, дожидаясь своего часа.

28. Юнг К.-Г. О современных мифах. М., 1994. – С. 220.

29. См.: Булдаков В.П. За фасадом радикальных доктрин: Абсурд революционной повседневности, 1917–1918 гг. // Задавая вопросы прошлому. М., 2006.

Ничто так не помогло большевикам, как выступление генерала Корнилова: оказавшись вытолкнутыми из официального поля политического противоборства, они были востребованы массами – на сей раз для борьбы с генеральской «контрреволюцией». Ситуация контрреволюционного «мятежа» показательна для динамики падения «временной» власти в нескольких отношениях. Во-первых, выступление Корнилова невольно спровоцировал сам премьер Керенский, давно вынашивавший планы наведения «революционного» порядка, вписывающегося в представление об упорядоченной Февральской революции. Во-вторых, Корнилов, который в действительности был одним из немногих «розовых», преданных идеалам демократии, генералов, по воле случая оказался в совершенно неожиданном для себя амплуа контрреволюционера. В-третьих, неразбериха в стане «партии порядка» оказалась на руку «партии хаоса» – большевикам, ухитрившимся предстать в совершенно невероятной, казалось бы, для них роли защитников существующей власти. Наконец, теперь у большевиков, получивших большинство в Петроградском и Московском Советах, появилась возможность придать социально-оборонительным движениям агрессивно-антиправительственный характер. В общем, это совершенно естественно для синергетического процесса, в ходе которого в роли невольных разрушителей выступают «силы порядка» и те, кто вовсе не помышляет о перевороте.

К октябрю о собственно политических ориентациях можно было говорить разве что применительно к городской «буржуазной» среде, открыто ориентировавшейся на «партию порядка» в лице кадетов, и солдатской массе, которая, впрочем, в вопросе о мире ориентировалась на большевиков, а в вопросе о земле – на эсеров. В этой связи «приватизацию» Лениным «эсеровской», точнее общекрестьянской, аграрной программы можно оценивать как своего рода «метapolитический» акт, перечеркнувший всю интеллигентскую квазиполитику. Трудно сказать, до какой степени это повлияло на результаты выборов в Учредительное собрание – большевики, конечно, мечтали иметь в нем абсолютное большинство. В любом случае, им удалось завоевать свыше 20% сторонников – вдвое больше количества, достаточного для вооруженного завоевания и удержания власти.

Уже после Гражданской войны Д. Пасманик, кадет, сионист и одновременно сторонник российского великодержавия (случалось и такое!), писал: «Корни большевизма – не социологические, а психологические. Он представляет собой сардонический “красный смех”, вызванный стоном миллионов людей, погибших на крови пропитанных полях Западного и Восточного фронтов»³⁰. Этот был психоментальный надлом целой эпохи.

30. Пасманик Д.С. Русская война и еврейство. (Большевизм и иудаизм). Париж, 1923. – С. 20.

Октябрьская революция не была ни просто переворотом, ни банальным «захватом власти». Напротив, формальная власть в очередной раз «повисла в воздухе», ее осталось только объявить низложенной. Но это лишь одна сторона медали: нравится нам это или нет, но только большевики ухитрились придать российскому хаосу совершенно неожиданный возвышенный смысл³¹. Понятно, что это стало возможным не в силу реалистичности их программ, а напротив, по причине того, что их наукообразная утопия сомкнулась с примитивными народными упованиями на чудо воцарения справедливости. После этого оставалось только внушить изумленным массам, что перед ними не возрожденная имперская государственность, а новый «социалистический» общественный строй.

Февраль и современная смута

Не стоит обманывать себя иллюзией, что в «наше время» все происходит «по-другому». Такой подход противоречит принципам социально-исторической антропологии. Мне приходилось сопоставлять «красную смуту» с событиями 1980–1990-х годов, и должен заметить, что на «человеческом» уровне в них больше общего, нежели несходного. Прежде всего, следовало бы иметь в виду однотипность процесса десакрализации власти и нагнетания психопатологии общества. Общим является также доктринерство «верхов» и утопии «низов». В целом, разновременные события происходили в рамках крайне архаичной политической культуры.

Новейшую российскую революцию не раз сравнивали с Февральской, но при этом так и не смогли дать ей адекватной характеристики. А поскольку со временем термин «демократ» трансформировался в ругательное определение, то она была названа «антитоталитарной». Разумеется, и этот термин вовсе не отражает ее смысла. Иногда новейшую революцию вписывают в «большой революционный цикл», начатый в феврале 1917 г. – эта конструкция смотрится логичной, но только под углом зрения той самой интеллигентски-политической логики, с которой, как отмечалось, логика российского хаоса не имеет точек соприкосновения.

Конечно, сравнение 1917 и 1991 гг. как **революций** не может не вызвать некоторого недоумения, хотя этим занимались исследователи на Западе с более отстраненных от наших страстей позиций³². В свое время я назвал собы-

31. Некоторые авторы даже считают их «имперостроителями», что не лишено известных оснований. См.: Багдасарян В.Э. Большевики как имперостроители // К истории русских революций. События, мнения, оценки. М., 2007.

32. Kotkin S. 1991 and the Russian Revolution: Sources, Conceptual Categories, Analytical Frameworks // The Journal of Modern History. 1998. – N 70.

тия 90-х годов «вялотекущей» революцией³³ вовсе не потому, что ее «творцы» больше походили на шизофреников. Тогда случилась «революция поневоле», а не пресловутый «транзит». Лично для меня «транзитологи» были и остаются революционерами образца 1917 г. – их, ко всему, выдает нищепанская «любовь к дальнему» при неумении ощущать боль ближних.

Новейшую российскую революцию, однако, проще было бы описать в терминах саморазвала российских иерархий или системного кризиса империи, попросту говоря, – псевдосовременной смуты, обладающей теми же внутренними синергетическими закономерностями, что и Смутное время XVII в. Вновь «революционерами» (внутренними оппозиционерами системы) становились буквально все (ситуация «верхов» и «низов»). Как и при самодержавии, в СССР эпохи застоя даже находящийся на государственной службе образованный человек по причинам «избыточной» эмоциональности мог выступить в двух ипостасях: чиновника-охранителя в выполнении своих служебных обязанностей; либеральной «жертвы режима» в неформальном общении с себе подобными.

Этический компонент кризиса, несомненно, стимулировала хрущёвская авантюра построения коммунизма. А поскольку нравственность была замешана на служении не только государству, но и коммунистической идее, громадную роль сыграло «разоблачение» так называемого сталинского террора. Неслучайно появление квази-Радищева – А.И. Солженицына, призвавшего «жить не во лжи». Со временем советские люди окончательно уверовали в безнравственность «слуг народа» – возможно, при этом реактуализировалась архаичная дихотомия «должного – сущего», укорененная в их умах. Информационные связи приобрели биполярный (официоз-пародия) характер и стали работать на разрушение системы – антисоветские анекдоты услужливо пересказывались генсекам. Положение дел в правящей партии выглядело особенно удручающе. Как известно, М.С. Горбачёв откровенно называл секретарей обкомов и горкомов «шкурниками»³⁴. Естественно, что он, привыкший опираться на аппарат, а не на массы, потерял социально-политические ориентиры.

Подобно большевикам новейшие либералы практиковали обличительство на религиозный манер. А поскольку массе населения были давно безразличны ценности «развитого социализма», то возврат к домарксистским и/или антимарксистским (но отнюдь не либеральным) представлениям был неизбежен.

Несомненно, марксизм, как квазирелигия, адресованная массам, носил в себе элементы и доисторических поверий, и мессианских надежд, и эсхатологически-хилиастических ожиданий. В любом случае он соответствовал структуре перевозбужденного синкретического сознания. Но поставить магическое на постоянную службу бюрократии вряд ли было возможно в принципе. Вовсе

33. См.: Булдаков В.П. Красная смута. С. 362.

34. Черняев А.С. Бесконечность женщины. М., 2000. – С. 286.

не случайно, что крайне недолговечная вера в капитализм и рынок приобрела характер прорыва к «утаенной правде».

В конце перестройки и первые постперестроечные годы в России еще продолжали восхищаться демократическими «транзитологами», которые к тому времени уже получили на Западе прозвища «бастардов монетаризма» и «рыночных большевиков». Впрочем, следуя за людскими настроениями, многие «перестройщики» поначалу обнаружили, перефразируя Ленина, все симптомы «детской болезни правизны в антикоммунизме», а со временем ухитрились наподобие флюгера обернуться вокруг некоей оси, имя которой власть. Сегодня критиковать их стало модным занятием.

Новая демократическая революция, в отличие от Февраля, все же создала некое подобие законодательной власти. Однако думский парламентаризм, начиная с 90-х годов, все больше напоминает о бессилии старой Государственной думы – вновь идет штемпелевание законопроектов, спущенных сверху. Но поскольку степень развращенности современных политиков несравненно выше, исполнительная власть на этом фоне приобретает даже некий ореол сакральности. А в общем подтверждается, что назначение российской «политики» – в соответствующий исторический момент устраивать псевдопарламентские пляски вокруг принципа авторитаризма, ничуть не отменяя его.

Примечательно, что такого рода многопартийность упорно отвергается традиционной политической культурой. Представления о том, что российские оппозиционные и революционные партии финансируются и управляются извне, не случайно. «Неполитическое» большинство заранее готово поверить в «немецкие», «еврейские», «американские» деньги – таков современный вариант старых как мир представлений об inferнальной нечисти, призванной искушать человека. Зарубежные политики в свое время действительно не только консультировали российских лидеров, но и расходовали средства на их обучение. Однако численность лиц, на которых так или иначе воздействовали «учителя» из США, по весьма объективным подсчетам составляла всего 4,5 тыс. человек³⁵ – это вдвое меньше количества большевиков накануне падения самодержавия. Да и не деньги делают политических лидеров, напротив, они сами притягивают их.

Существует мнение, что «антикоммунистическая революция» в России существенно отличалась от «коммунистической». При этом ссылаются на то, что значительная часть современной элиты – это выходцы из советской номенклатуры. Но разница не покажется столь значительной, если вспомнить, что в свое время большевистские канцелярии заполнили безработные представители «бывших» (других чиновников неоткуда было взять), а советские номенкла-

35. Сулакшин С.С. *Современная российская многопартийность: Видимость и сущность. Свидетельство не со стороны.* М., 2003. – С. 75.

турные сферы были переполнены «оборотнями системы», готовыми без колебаний разменять власть на собственность. Из них и выросли современные «догматики», «паяцы», «болтуны» и прочие разновидности идейных перевертышей³⁶ – таковых хватало и в 1917 г. В том и другом случае уместнее говорить о пресловутой циркуляции элит, нежели о реальном социально-классовом наполнении политического переворота.

Как бы то ни было, вялотекущая революция 1991 г. вновь, как 90 лет назад в феврале 1917 г., произошла без революционеров, но зато при избытке квазиреволюционеров и псевдореволюционеров. Опыт писания политическими вилами по мутной воде российской истории продолжился.

36. См.: Тарасов А.Н. *Революция не всерьез: Штудии по теории и истории квазиреволюционных движений*. Екатеринбург, 2005. – С. 5–6.

И.В.Михайлов

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

**Михайлов Игорь Васильевич – кандидат исторических наук, доцент
Московского государственного института международных отношений.**

Переломные моменты истории всегда притягивают историков, и не только их. Проблематика гражданских войн имеет обыкновение периодически актуализироваться в связи с современной политикой. Классический пример такого рода представляет ситуация в российской историографии последних 10–15 лет – события Гражданской войны в России предстали в совершенно ином, но отнюдь не адекватном свете¹.

Автор не претендует на охват всего массива публикаций, общее число которых составляет несколько сотен, речь пойдет о наиболее общих тенденциях анализа событий гражданской войны.

В последние годы о Гражданской войне пишут довольно много, появилось немало и историографических работ. Но составить из них сколь-либо цельное представление о путях эскалации революционного насилия практически невозможно². В общем, преобладают работы по частным проблемам Гражданской вой-

1. См.: Поликарпов В.Д. В чужом пиру похмелье // К истории русских революций: События, мнения, оценки. Памяти И.И. Минца. – М., 2007.

2. Голдин В.И. Россия в Гражданской войне: Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы. – Архангельск, 2000; Верещагин А.С. Отечественная историография Гражданской войны на Урале (1917–1921 гг.). – Уфа, 2001; Buldakov V.P. Scholarly Passions around the Myth of «Great October»: Results of the Past Decade // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. – Maryland, USA, 2001. – Vol. 2. N 2. Однако одни историографические работы отмечены откровенной некомпетентностью (Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: Идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. – М., 1998), другие невозможно принять всерьез в силу искусственности темы – они посвящаются вопросам, практически не нашедшим отражения в современной историографии (Скипина И.В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: Историография проблемы. – Тюмень, 2003).

ны невысокого теоретического уровня³. Строго говоря, серьезная историография должна начинаться с анализа источниковой базы, но авторы, придерживающиеся этого принципа, встречаются редко⁴.

Вопрос о происхождении и характере Гражданской войны оказался серьезно запутанным в связи с развернувшейся апологетикой белых⁵, хотя еще в советское время было показано, что ее начало следует вести с момента победы большевиков в октябре 1917 г.⁶ В 90-е годы некоторые авторы приписывали белогвардейцам все мыслимые политические и нравственные добродетели демократического характера⁷, хотя в их собственных мемуарах они предстают далеко не рыцарями без страха и упрека. Есть исследователи, заявляющие, что «вся Гражданская война – это противостояние между Февралем и Октябрем»⁸. Идея не нова: меньшевики в свое время пребывали в убеждении, что гражданская война была борьбой сил внутри демократии⁹. Белогвардейцы, однако, думали иначе и в большинстве своем готовы были уничтожить всех социали-

3. Об этом см.: Михайлов И.В. Белое дело: Зигзаги, тупики и перспективы историографического осмысления // Академик П.В. Волобуев: Неопубликованные работы, воспоминания, статьи. – М., 2000; его же. Гражданская война в современной историографии: Виден ли свет в конце тоннеля? // Гражданская война в России: События, мнения, оценки. – М., 2002; его же. У истоков советской системы: Современные историографические споры о революции и Гражданской войне в России // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2004. – Vol. 31. – N 1.

4. Цветков В.Ж. Новые источники и историографические подходы к изучению Белого движения в России // Гражданская война на Востоке России. – М., 2003.

5. К примеру, некоторые авторы доказывают, что, поскольку один из лидеров Белого движения генерал М.В. Алексеев прибыл в Новочеркасск 2 ноября 1917 г., и это событие было отмечено особой медалью, выпущенной через 50 лет в Париже, то с этой даты и следует вести начало Гражданской войны. См.: Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. – Указ. соч. – С. 206–207.

6. См.: Поликарпов В.Д. Пролог Гражданской войны в России. Октябрь 1917 – февраль 1918 г. – М., 1976; его же. Военная контрреволюция в России. 1905–1917. – М., 1990. Работы Поликарпова вызвали крайнее недовольство сторонников официальной точки зрения, по старой сталинской модели связывавших начало Гражданской войны с «походами Антанты».

7. Устинкин С.В. Власть и общество в условиях Гражданской войны // Отечественная история. – 1998. – № 3. – С. 93.

8. Кулешов С.В. Историк О.В. Волобуев: Штрихи к творческому портрету. – М., 2001. – С. 83.

9. Партийное совещание РСДРП. 27 декабря 1918. – 1 января 1919 г. Резолюции. – М., 1919. – С. 4.

стов, а заодно и любых политиков вообще¹⁰. Однако их лидеры придерживались позиции непредреждения «воли народа» (которая, однако, не должна была повторять результаты выборов в Учредительное собрание).

С другой стороны, проявляет себя стремление механически выводить террористические реалии Октября, а затем и всей сталинской системы из марксистской доктрины¹¹. Некоторые авторы, некритически соединив доктрину тоталитаризма с ленинскими идеями превращения Советской России в «единый военный лагерь», не учитывают исторических реалий. А в данном случае они были связаны с разрушением старых имперских связей и воссозданием их подобия силовым путем, что вызывало сопротивление на местах. Доктринальный порыв большевиков упирался в хозяйственные реалии¹². Западные авторы отмечают, что деятельность местных большевиков была отмечена сепаратистскими тенденциями, хотя их местничество отнюдь не угрожало ни центру, ни партийному диктату¹³. В любом случае соотношение доктринального и прагматичного было не столь простым, как это кажется некоторым российским авторам, привыкшим замечать только действия столичных верхов. Ведущие западные историки вообще склонны усматривать преобладание традиционного начала над марксистско-доктринальным в жизнедеятельности советской системы¹⁴.

В принципе, в оценке Гражданской войны исследователи всегда колебались относительно того, в какие рамки вписывать ее события – политические, военные, военно-политические. Западные историки всегда предпочитали первое, и по традиции в одной из недавних работ ее начало связывается с разгоном большевиками Учредительного собрания¹⁵. Советские историки вслед за большевистскими вождями (стремившимися к мировой революции, но культивировавшими в массах ощущение «жертв интервенции» и «классового наси-

10. См.: Абинякин Р.М. Добровольческая армия: Офицеры первопоходники // Актуальные проблемы гуманитарных наук. – Орел, 1996; его же. Вооруженные силы на Юге России в Орловской губернии // Рюриков. Исторические статьи и публикации. – Орел, 2003.

11. См.: Леонов С.В. Рождение советской империи: Государство и идеология, 1917–1922 гг. – М., 1997.

12. Телицын В.Л. Сквозь тернии «военного коммунизма»: Крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг. – М., 1998; Хазиев Р.Х. Государственное администрирование экономики и рынок на Урале в 1917–1921 гг. – Уфа, 2000.

13. Raleigh D. Experienced Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922. – Princeton, 2002. – P. 94, 105.

14. См.: Service R. A History of Twentieth-Century Russia. – L., 1998; Suny R.G. The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successor States. – N.Y., 1998.

15. Wade R.A. The Russian Revolution, 1917. – Cambridge (Mass), 2000. – P. 297–298.

лия»), напротив, изначально связывали ход Гражданской войны с агрессией извне – сначала германских, а затем и антантовских империалистов. Отголоски подобных установок просматриваются и в современной литературе.

Исследователи в своем большинстве забывают, что антибольшевистское движение выросло из мировой войны, которая сопровождалась разложением, а затем и развалом Российской империи¹⁶. Этому соответствовало психопатологическое состояние общества, характерные проявления которого стали предметом исследований лишь в недавнее время¹⁷. Поэтому лагерь противников большевиков оказался слишком пестрым, а Белое движение разрывалось противоречиями, связанными, с одной стороны, с поиском «главного врага» (германцы, большевики, евреи, «сепаратисты»), с другой – союзников (Антанта, казачество, местные националисты). При этом белогвардейцы унаследовали пороки старой армии. «Эгоистичность и безразличие офицеров, которые вошли в поговорку и всегда являлись частью старой имперской системы, никогда не обеспечивали даже лучшим из них непоколебимую верность их солдат, многие из которых стали бы отличными солдатами, если бы имели хороших офицеров», – писал о белогвардейцах английский офицер, воевавший на их стороне. «Командование на всех уровнях было действительно жутким, и при плохих примерах, подаваемых своими офицерами, солдаты не имели смелости воевать с соотечественниками»¹⁸, – добавлял он. Массу аналогичных мнений высказывали в свое время некоторые белые генералы, разочаровавшиеся в возможностях военной победы над большевизмом. С другой стороны, белые армии были поражены «атаманщиной», связанной с непризнанием молодежью старых авторитетов, и героизацией авантюристических способов ведения войны¹⁹.

16. См.: Булдаков В.П. *Война империй и кризис имперства: К социокультурному переосмыслению // Россия и Первая мировая война. Материалы Международного коллоквиума.* – СПб., 1999.

17. См.: Павлюченков С.А. *Веселие Руси: Революция и самогон // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль.* – М., 1997; Булдаков В.П. *Революционная наркотизация: Параметры проблемы // Историческая наука и образование на рубеже веков.* – М., 2004; *Веселие Руси. XX век. Градус новейшей Российской истории: От «пьяного бюджета» до «сухого закона».* – М., 2007. – С. 151–201; Ильхов А.А. *Борьба с пьянством и погромами в Петрограде в 1917 г. // К истории русских революций: События, мнения, оценки.* – М., 2007.

18. Уильямсон Х. *Прощание с Доном: Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919–1920.* – М., 2007. – С. 85.

19. Чуракова О.В. *Проблема политического авантюризма: Игры антигероев революции // Россия, 1917: Взгляд сквозь годы.* – Архангельск, 1998.

Тем не менее современная литература о лидерах «белого дела» отмечена нерассуждающей агиографичностью – исключения редки²⁰.

У красных положение было во многом сходное: здесь помимо «идейных» большевиков и «интернационалистов» (венгров, латышей, китайцев и т.п., которым попросту некуда было деться и потому они исполняли роль нерассуждающих наемников) хватало всевозможных анархизирующих «народных вождей» и «батек», а основу армий составляли мобилизованные крестьяне, которые вообще не желали воевать за пределами своих уездов. Этнические конфликты предыдущего периода стали перерастать в военные столкновения и погромы²¹.

А между тем Гражданская война в настоящее время исследуется почти исключительно в ракурсе действий противников большевизма²² – примерно так, как в советские времена ее исследовали исключительно как войну «красных». Изложение событий Гражданской войны как противоборства военных и политических сил – большая редкость²³. Историографы, пытающиеся вернуться к изучению войны в ракурсе действий большевиков, вольно или невольно констатируют, что особых новаций, да и количественных приращений здесь незаметно²⁴. Один из исследователей поставил такой диагноз современному состоянию историографии Гражданской войны: «...историки предпочитают уступать эту честь дилетантам, ну а они-то, как известно, стесняться не привыкли»²⁵. Типичный пример: автор обобщающего историографического труда увидел главное «достижение» новейших работ в «восстановлении единой историографии» Белого движения, которая была «искусственно разъединена на изолированные

20. Заметно выделяется лишь одна, блестяще написанная работа. См.: Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. – М., 2006.

21. См.: Булдаков В.П. К вопросу о природе и масштабах этнических конфликтов в 1917–1918 гг. // Власть и общество: Национальная политика и межнациональные отношения (исторический опыт и современность). 1906–2006. – Краснодар, 2006.

22. Исследования, посвященные «красным», становятся все большей редкостью. Отметим интереснейшую работу: Поликарпов В.Д. Другая сторона буденовской легенды // Гражданская война в России. События, мнения, оценки.

23. См.: Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. – Томск, 1995; Московкин В.В. Противоборство политических сил на Урале и Западной Сибири в период революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.). – Тюмень, 1999; Скрябин В.С. Уральский театр военных действий (1918–1919) // Гражданская война в России. События, мнения, оценки.

24. См.: Полторацкая С.Н. О некоторых тенденциях в изучении Гражданской войны в России и деятельности РККА в так называемый межвоенный период // Клио. – СПб., 1999. – № 2.

25. Федюк В.П. Современные тенденции в изучении истории Гражданской войны // Гражданская война в России и на Русском Севере: Проблемы истории и историографии. – Архангельск, 1999. – С. 35.

исследовательские потоки»²⁶. Во-первых, в действительности такое разъединение было столь же естественным, сколь естественными были разрозненные действия самих белых в Гражданской войне. Во-вторых, автор не представляет себе состояния современной западной историографии, которая никогда не была ни искусственно цельной, ни искусственно разъединенной. В-третьих, в современной российской историографии также отнюдь не достигнуто «единства» относительно Белого движения. Наконец, в единообразии подходов к изучению действий белых не больше достоинств, чем в единообразии изучения действий красных.

И все же из ряда работ последних 10–15 лет²⁷ видно, что большевикам противостояли не просто «белые», а вся прежняя, весьма многоликая разрушающаяся старая система. Обозначились и новые перспективные направления изучения событий того времени в антибольшевистском лагере²⁸.

В прошлом тон в изучении Белого движения задавали авторы, первыми добравшиеся до хранящихся в спецхранах воспоминаний белогвардейцев и «закрытых» фондов в центральных архивах. Судя по всему, это время прошло. Во всяком случае, издания «перестроечной» волны на общем фоне издающейся литературы выглядят уже несолидно. Так, С.В. Смолин²⁹ показал, что задачи и

26. Ушаков А.И. Современная российская историография антибольшевистского движения в годы Гражданской войны. – М., 2004. – С. 93.

27. См.: Гражданов Ю.Д., Зимина В.Д. Союз орлов. Белое дело России и германская интервенция в 1917–1920 гг. – Волгоград, 1997; Медведев В.Г. Белый режим под красным флагом (Комуч). – Ульяновск, 1998; Российская провинция в годы революций и Гражданской войны. 1917–1922. – Нижний Новгород, 1998; Бутаков Я.А. Белое движение на Юге России: Концепция и практика государственного строительства (конец 1917 – начало 1920 г.) – М., 2000; и др.

28. Константинов С.И. Вооруженные формирования противоборствующих правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. Екатеринбург, 1997; Некрасова Л.В. Органы власти восточной контрреволюции в период колчаковщины // Власть и общество в Сибири в XX веке. – Вып. 1. Новосибирск, 1997; Михеева Г.В. Листовки «белой» России (по фондам Российской национальной библиотеки) // Клио. – СПб., 1998. № 3; Федюк В.П. Кубань и Добровольческая армия: Истоки и сущность конфликта // Там же; Бутаков Я.А. Русские крайние правые и Белое движение на Юге России в 1919 г. // Там же; Михайлов И.В. Малоизвестные страницы деятельности правительства гетмана П.П. Скоропадского // Там же; Цветков В.Ж. Забытый фронт. Из истории Белого движения в Туркестане 1918–1920 гг. // Там же; Симонов Д.Г. Военное строительство в тыловых округах Российской армии адмирала А.В. Колчака (1919 г.) // Толерантность и взаимодействие в переходных обществах. Материалы региональной научной конференции. Новосибирск, 19 мая 2003 г. – Новосибирск, 2003.

29. Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. 1918–1920 гг. – СПб., 1999.

неудачи белого дела определялись приложением самых разнородных интересов и сил, начиная от внутрисоциальных и кончая геополитическими. Из книги видно, до какой степени поражения белых были связаны с ходом мировой войны – после победы державы Антанты стали терять к ним интерес. Получается, что в той мере, в какой большевики отрицали мировую войну, их действия обретали международный резонанс; как только они сконцентрировались на борьбе со своими противниками внутри страны, их действия превратились в опыт обуздания русской смуты средствами террора. Подтверждают это работы С.В. Карпенко³⁰ и В.Ж. Цветкова³¹.

Несомненный читательский успех имела книга О.В. Будницкого «Российские евреи между красными и белыми». Естественно, в ней поставлен главный (и не только для евреев) вопрос: виновник или жертва? И здесь сопоставление реалий гражданской войны с этнофобскими представлениями о ней создает впечатление тотального искривления массового сознания. Без «еврейских денег» антибольшевистское движение на Юге России вряд ли могло бы так быстро набрать силу³², но это не помешало белым генералам оставаться антисемитами, а унтер-офицерскому и рядовому составу устраивать погромы. В.И. Ленин признавал, что именно безработные евреи, пришедшие в большевистские канцелярии после октябрьского переворота, помогли сорвать саботаж чиновничества и «овладеть государственным аппаратом»³³, а красноармейцы также грабили и громили еврейское население. Даже идейное окружение Н.И. Махно состояло из евреев, а между тем его крестьянское воинство наводило на жителей местечек неопишущий ужас. Часть евреев поддержала С.В. Петлюру (его вряд ли можно отнести к числу убежденных антисемитов), армия которого снискала себе жуткую славу главных погромщиков³⁴.

В общем, за вычетом некоторых несуразностей, изучение противников большевизма постепенно приобретает основательный, свободный от наивной

30. Карпенко С.В. *Очерки истории Белого движения на Юге России (1917–1920 гг.)*. – М., 2003.

31. Цветков В.Ж. *Белые армии Юга России. 1917–1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии)*. – М., 2000.

32. Будницкий О.В. *Российские евреи между красными и белыми (1917–1920)*. – М., 2005. – С. 185–186.

33. Там же. – С. 97–98.

34. Современный украинский историк В.С. Сергийчук в весьма наивно политизированной книге с примечательным названием «*Погроми в Україні: 1914–1920. Від штучних стереотипів до гіркої правди, приховуваної в радянських архівах*» (Київ, 1998) утверждает, что основными погромщиками на Украине выступали русские – как белые, так и красные. В действительности, акции такого рода преимущественно исходили от предельно деморализованного воинства неопределенной этнополитической принадлежности.

эмоциональности, почти академичный характер. В последние годы заметно

обогастилась тематика исследований³⁵. В 2003 г. появилась солидная по объему энциклопедия Белого движения. Содержание ее несколько разочаровывает: это справочный материал, включающий в себя персоналии и подразделения частей белых армий³⁶, составленный, главным образом, по воспоминаниям эмигрантов-участников антибольшевистского движения. Однако нельзя не признать, что без подобных работ обстоятельно изучать проблему уже невозможно³⁷. К сожалению, до сих пор работы о противоречиях в стане белогвардей-

35. См.: Кондрашин В.В. Самарский Комуч и крестьянство // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в. – Тамбов, 2001; Кручинин А.С. Белогвардейцы против оккупантов: Из истории Добровольческой армии (1918) // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. – М., 2004. – Т. 1; Крестьянников В.В. Белая контрразведка в Крыму в Гражданскую войну // Там же; Рынков В.М. Проблемы частной собственности в экономической политике «белых» правительств Сибири: Законодательство и практика // История «белой» Сибири. – Кемерово, 1997; Симонов Д.Г. Национальные формирования в составе белой Сибирской армии (1918 г.) // Там же; Луков Е.В. Законодательные акты Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства как источник по изучению внутренней политики сибирской контрреволюции (июль–ноябрь 1918 г.) // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 125-летию Томского государственного университета. – Томск, 1999. – Т. 2; Шевелев Д.Н. Роль антибольшевистской периодической печати в формировании образа Сибирской армии (по материалам печати Сибири 1918–1919 гг.) // Там же; Ипполитов С.С. Финансовая интервенция в Белую Россию // Новый исторический вестник. – М., 2000. – № 1; Корнева Е.А. Контрразведка А.В. Колчака: Организация и освещение политических настроений населения и войск // Там же; Антропов О.О. Астраханская армия: Война и политика // Там же; Варламова Л.Н. Морское министерство правительства А.В. Колчака: Попытки сохранения государственной имперской традиции (1918–1919 гг.) // Государственный аппарат России в годы революции и Гражданской войны. – М., 1998; Балковая В.Г. Украшение фасада режима. Буржуазные органы самоуправления Приморья в условиях установления военной диктатуры (июль–ноябрь 1918 г.) // Россия и АТР. – Владивосток, 1997. – № 3 (17); Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны (окт. 1917 – 1920 г.). – М., 2002; Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств Востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). – Новосибирск, 2006; Рязанов Д.С. Революция и обыватель. – Тамбов, 2006; и др.

36. Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. – СПб.; М., 2003.

37. Издан также объемистый фотоальбом «Белая Россия», в котором удалось собрать колоссальное количество фотографий (включая ранее не публиковав-

цев, в значительной степени обусловившие их поражение, до сих пор составляют редкость³⁸. Не учитывается и общее падение культуры этого времени, наложившее неприглядный отпечаток на поведение белогвардейцев³⁹.

Особое место в современной историографии Гражданской войны занимает вопрос об Ижевско-Воткинском восстании 1918 г. Дело в том, что советская историография упорно обходила это событие: восстание рабочих против «своей» власти не вписывалось в общую концепцию «классовой» гражданской войны. К настоящему времени «классово-политический» подход к событиям такого рода практически преодолен⁴⁰: исследователи показали, что дело вовсе не в «мелкобуржуазности» ижевских и воткинских рабочих и не в «происках» меньшевиков и эсеров – антибольшевистскими настроениями были проникнуты все слои общества из-за политики «военного коммунизма»⁴¹.

Наиболее существенный вклад в понимание отношения рабочих к большевистской власти вносит сборник документов «Питерские рабочие и "диктатура пролетариата"»⁴². Хотя материалы, относящиеся к периоду гражданской войны, занимают менее половины его объема, но приводимые в нем документы ясно свидетельствуют: «диктатура пролетариата» была мифом, несостоятельность которого стала ясна самим представителям «гегемона революции» уже весной 1918 г. Что касается последующего периода Гражданской войны, то, как видно из документов, безусловно, преобладали настроения протеста против большевистской власти, которую рабочие отнюдь не считали «своей». Очевидно также и то, что хотя большевистское руководство связывало протестные

шиеся), отражающих различные аспекты антибольшевистской борьбы. См.: Белая Россия. 1917–1922 гг. Фотоальбом. – М., 2003.

38. См.: Абинякин Р.М. «Психология соперничества» как разобщающий фактор Белого движения // Проблемы исторической психологии и взаимодействие мировоззрений в истории. – Орел, 2002.

39. См.: Булдаков В.П. Революция, насилие и архаизация массового сознания в гражданской войне: Провинциальная специфика // Антибольшевистское повстанческое движение / Белая гвардия: Альманах. – М., 2002; Прохоров В.П. Гражданская война: Эскалация насилия в свете архаизации массового сознания // Духовность. Книга третья (октябрь–март). – Сергиев Посад, 2003.

40. В одном из новейших исследований показано, что следует исходить из особого социокультурного уклада уральских рабочих, а не подгонять их политическое поведение под те или иные «классовые» параметры. См.: Коробков Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX века). – М., 2003.

41. См.: Ижевско-Воткинское восстание. 1918. – М., 2000; Лекомцев В. К истории Воткинского завода. Междоусобная война (1918–1919 гг.). – Воткинск, 1998.

42. См.: Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917 – 1929. Экономическое положение и политический протест. – СПб., 2000.

выступления рабочих с «враждебными» действиями меньшевиков и

эсеров, положение было намного серьезнее⁴³ из-за ухудшения экономического положения⁴⁴. К сожалению, не только публикации документов, посвященные рабочим, но и исследовательские работы малочисленны⁴⁵.

Усилиями петербургских историков удалось выразительно показать некоторые аспекты жизни при большевиках в годы Гражданской войны. В основных монографиях В.И. Мусаева и А.Ю. Давыдова показаны разгул преступности и распространение мешочничества⁴⁶, появляются статьи, в которых обращается внимание на некоторые «экзотические» формы самодеятельного преодоления населением общественной разнузданности⁴⁷.

Представляют интерес отдельные статьи, посвященные социокультурному и бытовому аспекту гражданской войны. Исследуется на провинциальном уровне и проблема обывательского «бегства от политики»⁴⁸. Интересна работа И.В.

43. В сущности именно к таким выводам приходит известный американский исследователь в статье, опубликованной в России. См.: Рейли Д. Рабочие против коммунистов: Рабочие волнения в Саратове в конце Гражданской войны // *Право, насилие, культура в России*.

44. См.: Бакулин В.И. Решение продовольственной проблемы в Вятской губернии на завершающем этапе «военного коммунизма» // *Россия в XX веке. Реформы и революции*. – М., 2004. – Т. 2; Хазиев Р.А. Экономическое правосознание рабочих и крестьян Урала в 1917–1921 гг. // *Право, насилие, культура в России*.

45. См.: Ильяхов А.А. Кто платит за революцию: Материальное положение рабочих в России в годы революционных перемен. 1917–1920 гг. // *Революция и реформы в России. Исторический контекст и современное содержание*. – М., 1999; его же. Трудовые отношения в годы Гражданской войны: Доктрины и реальность // *Гражданская война в России. События, мнения, оценки*; Чураков Д.О. Динамика выступлений рабочих в 1917–1918 гг.: Новые подходы // *Революция и реформы в России. Исторический контекст и современное содержание*; его же. Чураков Д.О. Рабочий класс и рабочее государство: Анатомия конфликта. Очерки по истории протестного движения рабочих в 1917–1918 годах. – М., 2000; его же. Внутрипартийные дискуссии о рабочем самоуправлении: Революционный романтизм и первые шаги национал-большевизма // *Гражданская война в России. События, мнения, оценки*.

46. Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. – СПб., 2001; Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: Мешочники. – СПб., 2002.

47. Крапивин М.Ю. Петроградское объединение «народных трезвенников», последователей брата И. Чурикова (1917–1929 гг.) // *Общество и власть. Материалы Всероссийской научной конференции*. – СПб., 2003.

48. Смирнов В.А., Червякова М.М. Общественно-политическая жизнь Верхневолжского края в 1918–1921 годы // *Из архива тверских историков*. – Тверь, 2002. – Вып. 3.

Нарского о гигиеническом аспекте Гражданской войны. Однако вывод автора о том, что кризис коммунального хозяйства относится к концу 1917 г.⁴⁹, нуждается в уточнении – на деле это общее для провинциальной России явление в полной мере проявило себя уже к лету этого года.

В литературе, посвященной положению дел у большевиков, обнаруживаются показательные новации. Конечно, по-прежнему значительное внимание уделяется исследованию казачьих⁵⁰ и крестьянских антибольшевистских выступлений на региональном уровне⁵¹, причем эта литература обычно полна однообразных обвинений в адрес коммунистических правителей. Но наряду с этим выходят и серьезные работы, посвященные анализу крестьянского бун-

49. См.: Нарский И.В. Канализация хаоса и хаос в канализации: Санитарно-гигиеническое состояние уральских городов в 1917–1922 гг. // Человек и война (война как явление культуры).

50. Чернопицкий П.Г. Повстанческое движение крестьян и казаков Дона в 1920–1922 гг. // Известия высших учебных заведений Северо-Кавказского региона. – Ростов н/Д, 1998. – № 3; Сафонов Д.А. Казачество в революции и Гражданской войне 1917–1922 годов // Россия в XX веке, реформы и революции. Т. 1; Баранов А.В. Повстанческое движение кубанских казаков на завершающем этапе Гражданской войны. 1921–1922 гг. // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы...; Кортунов А.И. Белоказачье движение на территории Оренбургского казачьего войска (1918–1919 гг.) // Политические партии и движения в Башкортостане: Прошлое и настоящее.

51. См.: Сайсанов Д.С. Крестьянские восстания в Царевококшайском уезде в 1918 г. // Марийский археографический вестник. – Йошкар-Ола, 1995. – № 5; Аншакова Ю.Ю. Формы и методы подавления крестьянских восстаний на территории Среднего Поволжья (1919–1920 гг.) // Самарский земский сборник. – Самара, 1996; Соколов К.И. «Зеленое движение» в Тверской губернии // Дни славянской письменности и культуры. – Тверь. 1997. – Вып. 3; Шибанов Н.С. «Зеленая война». Исторические очерки. – Челябинск, 1997; Абрамовский А.П., Панькин С.Н. «Голубая армия»: Создание, борьба, разгром // Крушение царизма и Гражданская война на Урале. – Челябинск, 1998; Скориков А.И. Из истории повстанческого и дезертирского движений в Челябинской губернии в конце 1919 – начале 1921 г. // Там же; Акульшин П.В., Пылькин В.А. Бунтующий пахарь. Крестьянское движение в Рязанской и Тамбовской губерниях в 1918–1921 гг. – Рязань, 2000; Посадский А.В. Крестьянство и власть: Возможности диалога в 1918–1921 гг. (на материалах Саратовской губернии) // Клио. – 1999. – № 1(7); Есиков С.А. Налоги и натуральные повинности тамбовских крестьян в период военного коммунизма // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в. – Тамбов, 2001.

тарства⁵². Особо следует выделить серию примечательных как в источниковедческом, так и в методологическом отношении исследований С.В. Ярова по Северо-Западу России⁵³, а также работы В.В. Кондрашина, основывающиеся на материалах Поволжья⁵⁴, и фундаментальные публикации В.И. Шишкина о сибирских повстанцах⁵⁵. Можно указать и на публикации зарубежных авторов, в которых дается всесторонняя оценка политики большевиков по отношению к

52. См.: Есиков С.А., Канищев В.В. Специфика антигосударственного протеста крестьян (Тамбовская губерния 1861-1921) // Крестьяне и власть. - Тамбов, 1995; Коняев Н. Новоладожская Вандея // Новый журнал. - СПб., 1995. - № 3; Егоров А.В. Восстание, которого не было. (События 15-25 июля 1918 г. в селе Топорнино и отряд А.М. Чеверева) // Страницы минувшего. - Уфа, 1995; Носова Н.П. К вопросу о менталитете сибирского крестьянства в период Гражданской войны // Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Западносибирского крестьянского восстания 1921 г. - Тюмень, 1996; Курышев Н.В. Крестьянство Западной Сибири в годы Гражданской войны. (Нравственные аспекты) // Из истории революций в России. Первая четверть XX века. - Томск, 1996. - Вып. 2; Шишкин В.И. Антикоммунистическое вооруженное сопротивление в Сибири в 1920 г. (численность и состав повстанцев) // Там же; Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920-1921 гг. и Южный Урал. - Оренбург, 1999; Саблин В.А. Крестьянство Севера России в революции и Гражданской войне (1917-1920 гг.) // Россия в XX веке. Реформы и революции. Т. 1; Данилов А.Ю. Крестьянство российского Нечерноземья в Гражданской войне: Проблемы изучения и региональная специфика // Народ и власть: Исторические источники и методы исследования. - М., 2003; Сивопляс И.Э. Документы Мартовского восстания 1919 г. как источник по истории крестьянского самосознания // Там же; Сенников Б.В. Тамбовское восстание 1918-1921 гг. и раскрестьянивание России 1929-1933 гг. - М., 2004.

53. См.: Яров С.В. Политическая психология крестьян при переходе к «военному коммунизму». (По материалам Северо-Запада России) // Крестьянские волнения на Северо-Западе советской России в 1918-1919 гг. // Крестьяноведение. 1996. - М., 1996; Его же. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918-1919 гг.: Политическое мышление и массовый протест. - СПб., 1999; и др.

54. См.: Кондрашин В.В. К вопросу о крестьянском движении в Советской России в 1918-1921 гг. // Дискуссии по истории Отечества. - Симферополь, 1997. Его же. Документы повстанческого движения в Поволжье в годы Гражданской войны // Исторические записки. - Пенза, 1998. - Вып. 2. Его же. «Сильные» и «слабые» в крестьянских восстаниях 1918-1921 гг. (На материалах Поволжья) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. - М., 2000; и др.

55. Шишкин В.И. Сибирская Вандея: Вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 г. Новосибирск, 1997; Сибирская Вандея. Т. 1. 1919-1920 / Сост. Шишкин В.И. - Новосибирск, 2000.

крестьянству⁵⁶. В общем, наметилась тенденция к отказу от идеализации крестьянских антибольшевистских выступлений⁵⁷, заметно стремление к оценке их как явлений деструктивного порядка.

На этом фоне странным кажется заключение одного из современных историков о том, что «остается не до конца исследованным самый главный вопрос: почему и у белых, и у красных был один противник – крестьянство?». По мнению автора, этот вопрос является «новым» в постсоветской историографии⁵⁸. На деле антисоветскими выступлениями крестьянства советские историки занимались давно, причем собрали основательный материал. Другое дело, что адекватных объяснений причин крестьянских выступлений «классовая» историография дать не могла. Для ответа на этот вопрос следовало бы исходить из идеи «общинной революции» – принципиального противостояния крестьянства государственности, не желавшей учитывать его естественные интересы⁵⁹.

Наиболее обстоятельной работой, посвященной крестьянским антибольшевистским выступлениям, остается монография Т.В. Осиповой⁶⁰. Это исследование (а начато оно было еще в «застойное» время) не свободно от методологических и источниковедческих анахронизмов. Так, в оценках крестьян сохраняется «большевистская» терминология: «кулаки», «середняки», «бедняки» и т.п. Довольно однообразно – в соответствии с большевистскими документами – преподносится мотивация крестьянского бунтарства: виной всему, как правило, объявляется «контрреволюционная агитация». И тем не менее более обстоятельной книги о крестьянском противостоянии большевистской диктатуре все еще не написано. Вышедшая несколько позднее книга В.Л. Телицына⁶¹ явно уступает монографии Осиповой в фактологическом отношении, к тому же она слаба с точки зрения методологии. То же самое можно сказать и о монографии В.А. Пылкина – автор собрал колоссальный материал (особенно касающийся настроений крестьянства), относящийся к Центральной России, но

56. Икэда Ё. Большевистская политическая культура и деревня (1920 г. в Московской губернии) // *Право, насилие, культура в России...*

57. Этот момент был весьма заметен еще в обстоятельной работе М. Френкина. См.: Френкин М.С. *Трагедия крестьянских восстаний в России (1918–1921 гг.)*. – Иерусалим, 1987.

58. Ушаков А.И. *Современная российская историография антибольшевистского движения в годы Гражданской войны*. С. 95.

59. См.: Люкшин Д. И. *Вторая русская смута: Крестьянское измерение*. – М., 2006.

60. Осипова Т.В. *Российское крестьянство в революции и Гражданской войне*. – М., 2001.

61. Телицын В.Л. *«Бессмысленный и беспощадный»?... Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов*. – М., 2003.

так и не отважился на сколь-либо решительные выводы⁶² (возможно, больше думая о защите диссертации, нежели о научной истине).

Таким образом, репрессивной политике большевиков по-прежнему уделяется первостепенное значение⁶³, причем некоторые работы основательно ставят под сомнение имевшие хождение мифы⁶⁴. В качестве инструмента политики насилия проанализирована работа большевистской пропагандистской машины⁶⁵. Вместе с тем показано различие между доктринальной и прагматической сторонами мобилизационной деятельности большевиков, которое проявилось в использовании ими разного рода специалистов⁶⁶. Конечно, для понимания природы власти большевиков весьма важны были бы взвешенные работы об их отношении к интеллигенции⁶⁷.

Изучение «военного коммунизма» обогатилось работами, написанными на совершенно новой источниковой базе – речь идет не просто об экономической

62. Пылькин В.А. Крестьянство Центра России в Гражданской войне. Общественно-политические настроения, социальные процессы, протест. – Рязань, 2005.

63. См.: Крашенинников В.В. Брянский концентрационный лагерь в 1920–1922 гг. // Страницы истории города Брянска. – Брянск, 1997; Карасев А.Д., Глушаков Ю.Э. Мятеж, которого не было // Гражданская война в России. События, мнения, оценки; Коняев Н.Г. Гибель красных Моисеев (начало террора. 1918 г.). – М., 2004; Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А. Курская губчека: 1918–1922 гг. – Курск, 2005. Появились даже специальные работы, посвященные сравнению красного и белого террора на местном уровне. См.: Пушкарев Н. О красном и белом терроре периода гражданской войны (на материалах Шадринского уезда) // Революция 1917 года и Зауралье (поиск и проблемы). – Курган, 1997; Пивовар А.В., Пашин В.П. Репрессивная политика большевиков в провинции в годы Гражданской войны (на примере Курской губернии) // Вестник

Челябинского государственного педагогического университета. – Челябинск, 2006. – № 6. – Ч. 3.

64. Шкляев И.Н. Одесса в смутное время. – Одесса, 2004.

65. Сазонов Е.А. Образ «врага народа» как средство агитационной войны большевиков (июль 1917 – июль 1918 г.) // Материалы XXXIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». История. – Новосибирск, 2001.

66. Каминский В.В. Некоторые особенности политики большевиков по отношению к «лицам Генштаба» (конец 1917 – 1918 г.). – СПб., 2000.

67. Купайгородская А.П. Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда (1917–1922) // Власть и наука, ученые и власть. 1880 – начало 1920-х годов. Материалы Международного научного colloquium. – СПб., 2003.

его стороне⁶⁸. Так, следует особо отметить исследования о взаимоотношениях большевиков с православной церковью – показано, что, вопреки сложившимся представлениям, большевики вынуждены были действовать осторожно, более рассчитывая на обновленцев, нежели на голые репрессии⁶⁹, всякий раз серьезно опасаясь активизации «церковной контрреволюции»⁷⁰ и расценивая приходскую деятельность священников⁷¹ как «контрреволюционную угрозу»⁷².

В целом, однако, пафос обвинения большевиков преобладает над анализом взаимодействия доктринальной оголтелости и бюрократической рутины. Впрочем, появились и работы, написанные беспристрастно и обстоятельно⁷³. Публикуются и те авторы, которые даже многочисленные конфликты внутри большевистского лагеря, скорее, склонны относить к сфере отдельных недостатков зарождающейся системы управления⁷⁴, чем видеть в них отражение смятения людских умов и эскалации социального насилия. Довольно странная статья посвящена демографическим последствиям Гражданской войны. Она написа-

68. См.: Присяжный Н.С. Экономическая чума: Военный коммунизм в России (историко-экономический анализ. 1918–1921). – Ростов-на-Дону, 1994; Монаякова О.А. Политическая ситуация в Ковровском уезде в 1918–1922 гг. // Рождественский сборник. – Ковров, 1996; Кобзов В.С., Сичинский Е.П. Государственное строительство на Урале в 1917–1921 гг. – Челябинск. 1997; Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: Власть и массы. – М., 1997; его же.

Крестьянский Брест или предыстория большевистского нэпа. – М., 1996; Полшкова Л.Б. Экономическая политика Советской власти в годы Гражданской войны на Урале. – Оренбург, 1998; Овечкин В.В. Изъятие лошадей у населения для Красной армии в годы Гражданской войны // Вопросы истории. – М., 1998, № 8; и др.

69. Михайлова Т.Г. К вопросу о природе и масштабах большевистских гонений против Русской православной церкви в годы Гражданской войны // Гражданская война в России. События, мнения, оценки; Леонтьева Т.Г. Православные подданные и большевистская революция: Особенности адаптации к «новому миру» в годы Гражданской войны // Там же; ее же. Православное духовенство и русская революция // К истории русских революций: События, мнения, оценки. Памяти И.И. Минца.

70. Бойко Т.В. Русская православная церковь и национальный вопрос в Гражданскую войну в России // Проблемы этнофобии в контексте исследования массового сознания. – М., 2004.

71. Макаров Ю.Н., Крапивин М.Ю. Всеволод Путята: Биографическая справка // Общество и власть. Материалы Всероссийской научной конференции. – СПб., 2003.

72. Казанчиев А.Д. Уфимский союз приходских советов в годы Гражданской войны // Река времени. 2000. – Уфа, 2000.

73. Филоненко А.Л. ВСНХ: Идея и реальность. – Магнитогорск, 1998.

74. Гимпельсон Е.Г. Из истории организации местного военного управления (1918–1920) // Гражданская война в России: События, мнения, оценки.

на так, как будто возможно статистически точно определить и виновных, и урон, нанесенный их действиями⁷⁵.

В исследованиях, посвященных гражданской войне, встречаются и откровенные нелепости. Некоторые молодые исследователи, походя, вне скольконибудь широкой эмпирической базы, но всерьез берутся рассуждать о менталитете россиян в годы Гражданской войны⁷⁶. Здесь, как видно, налицо потеря представления об элементарной исследовательской самодисциплине.

Весьма серьезная работа об Уфимской директории, опирающаяся на значительный круг малоизвестных источников, опубликована А.Д. Казанчиевым⁷⁷. Стоило бы в принципе обратить большее внимание на деятельность всевозможных эфемерных государственных образований, возникавших в ходе Гражданской войны⁷⁸, хотя вряд ли резонно выяснять их легитимность⁷⁹. Появляются довольно обстоятельные работы о повседневности Гражданской войны в тылу у белых⁸⁰.

Особо следует выделить работу И.В. Нарского⁸¹. По объему впервые обнародованного материала ей, безусловно, нет равных. Но книга не свободна от вполне типичных для современной российской историографии недостатков. Это связано, прежде всего, как уже отмечалось, с неумением нынешних исследователей связать микро- и макроисторические процессы. В прошлом Нарский занимался партийно-политической историей Урала⁸²; создается впечатление,

75. Жиромская В.Б. Демографическое эхо Гражданской войны // *Россия в XX веке. Реформы и революции*. Т. 1.

76. Ромашина В.Н. Менталитет россиянина в эпоху Гражданской войны // *Менталитет россиянина: История проблемы. Материалы XVII Всероссийской заочной конференции*. – СПб., 2000.

77. Казанчиев А.Д. *Уфимская Директория 1918 года*. – Уфа, 2003.

78. Одна из написанных в значительной степени на местном материале работ убеждает, что это вполне возможно. См.: Почешхов Н.А. *Гражданская война в Адыгее: Причины эскалации (1917–1920 гг.)*. – Майкоп, 1998.

79. Ямалов М.Б. *Гражданская война в России: Проблемы легитимности государственной власти // Политические партии и движения в Башкортостане: Прошлое и настоящее*.

80. Фоминых С.Ф., Шевелев Д.Н., Черняк Э.И. *Повседневная жизнь сибирского города в годы Гражданской войны // Россия в XX веке. Реформы и революции*. Т. 2; Рынков В.М. *Будни Гражданской войны: Поведение горожан в экстремальной экономической ситуации // Толерантность и взаимодействие в переходных обществах. Материалы региональной научной конференции*. – Новосибирск, 19 мая 2003 г. Новосибирск, 2003.

81. Нарский И.В. *Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг.* – М., 2001.

82. См.: Нарский И.В. *Революция и судьба провинциальной многопартийности (Урал, 1917–1922) // Призвание историка. Проблемы духовной и политической истории России*. – М., 2001.

что в данной работе он так и не смог найти той методологической основы, которая помогла бы соединить ее с бытовой историей региона. В результате монография превращается в неупорядоченный перечень бедствий, обрушившихся на голову несчастных обывателей. К тому же оставляет желать лучшего историко-ведческая культура автора: информация часто дается со ссылкой на газеты, без упоминания о том, что некоторые историки еще ранее успели уточнить приводимые в них сведения.

Более обстоятельной оказалась книга, посвященная быту горожан бывшей «революционной столицы», написанная петербургскими авторами (Е.М. Балашовым, В.И. Мусаевым, А.И. Рупасовым, С.В. Яровым)⁸³. Заслуживают внимания и работы, передающие ощущения еврейского населения в условиях той самой власти, которой приписывали «еврейский» облик⁸⁴.

По-прежнему публикуются скучноватые работы, посвященные так называемому советскому национально-государственному строительству⁸⁵. При этом исследователи почему-то никак не могут усвоить, что активное создание большевиками всевозможных автономий на деле преследовало одну единственную цель – укрепиться у власти за счет нейтрализации еще не самоопределившихся политических сил.

К чему же можно свести итоги историографического десятилетия? Представляется, что изучение «смуты прежней» в условиях «смуты нынешней» не могло не дать неопределенного и даже странного результата. С одной стороны, налицо волна нового мифотворчества (в форме разоблачения большевистских мифов), с другой – попытки прочесть прошлое «по-современному». Единственно положительными итогами следует признать расширение источниковой базы исследований, активизацию региональных историков и появление новых исследовательских центров.

В чем состоит основная отличительная черта российской историографии последнего времени? Думается, что привитое в советские времена отчуждение от своего реального прошлого до сих пор дает о себе знать: даже профессиональным историкам кажется, что революцию и Гражданскую войну сделали «чужие», что она протекала в «ином» пространстве. Трудности преодоления советского видения революционного прошлого до сих пор в значительной степени определяют историографические процессы.

83. Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. – СПб., 2000.

84. Орлов И.Б. «...Мы, евреи, являемся козлами отпущения при всех случаях»: Российское еврейство в годы революции и Гражданской войны // Проблемы этнофобии в контексте исследования массового сознания; Зельцер А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки. 1917–1941. – М., 2006.

85. Аманжолова Д.А. Этнокультурные проблемы становления советского федерализма // Проблемы этнофобии в контексте исследования массового сознания.

В прошлом официальная советская историография намеренно отделяла «Великий Октябрь» от «защиты его завоеваний» своего рода китайской стеной, не допуская рассмотрения событий 1917–1920 гг. как целостного процесса системного кризиса империи⁸⁶. Увы, дурная традиция стала ломаться не менее нелепым образом. Если раньше Гражданскую войну (развязанную контрреволюцией и международным империализмом) отодвигали к лету 1918 г., то теперь те же авторы перемещают ее начало к февралю 1917 г. – часто это делается для того, чтобы «снять вину» с большевиков. Похоже, что исследователи боятся сказать прямо: «Творцы Октября, провозгласив 25 октября 1917 г. курс на мировую революцию, на деле развязали внутринациональную гражданскую войну – не случайно, сразу после переворота с их стороны последовали угрозы даже в адрес рабочих»⁸⁷. Меньшевики, знавшие сторонников Ленина лучше других участников собраний, писали, что если пролетариат не сумеет как можно быстрее преодолеть большевизм, то страна будет ввергнута в гражданскую войну, невиданную по жестокости и кровопролитию⁸⁸. Политики не понимали происходящего. «Что касается командиров, их решения всегда были неверными. С самого начала государственные деятели, как русские, так и союзные, делали ложные предположения»⁸⁹.

Необходимость радикального переосмысления истории гражданской войны была высказана довольно давно⁹⁰. Но этот процесс развивается крайне неравномерно, что связано с непрекращающейся политизацией восприятия революций 1917 г. и последующих лет.

Новая волна мифотворчества оказалась связана с публикацией «Размышлений о Февральской революции» А.И. Солженицына⁹¹, в которых нобелевский лауреат заявил, что падение самодержавия предрешило сваливание империи в пучину ее ужасов. Эту антилиберальную установку, похоже, охотно взяли на вооружение современные радикал-патриоты и квазимонархисты⁹². В этом нет

86. См.: Булдаков В.П. Системные кризисы в России: Сравнительное исследование массовой психологии 1904–1921 и 1985–2002 годов // *Acta Slavica Iaroslavica*. 2005. – Томus XXII. – Р. 98–101.

87. См.: Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. – СПб., 2006. – С. 514–516.

88. Рабочая газета. 1917. – 2 ноября.

89. Уильямсон Х. Прощание с Доном: Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919–1920. – М., 2007. – С. 86.

90. См.: Игрицкий Ю.И. Гражданская война в России: Императивы и ориентиры переосмысления // *Гражданская война в России: Перекресток мнений*. – М., 1994.

91. Солженицын А.И. Размышления о Февральской революции // *Российская газета*. – М., 2007. – 27 февраля.

92. В этом смысле примечательна реакция А. Проханова на статью Солженицына. См.: *От анархии – к жестокой власти. Писатель Александр Проханов и*

ничего оригинального: некоторые историки в 1993 г. (что не случайно) писали, что послефевральские обличения царского режима обернулись против либералов, павших в результате ими же спровоцированной радикализации общества⁹³. Это было предупреждением в адрес современных российских либералов.

Так или иначе, все трактовки событий революции и Гражданской войны по-прежнему оказываются связаны с политикой. Отсюда столь скромные достижения в познании их сущности, исторической обусловленности и взаимосвязи.

депутат Владимир Рыжков обсуждают статью Александра Солженицына «Размышления о Февральской революции» // Российская газета. – М., 2007. – 28 февраля.

3. Сенин А.С. Либералы у власти. История повторяется? // Кентавр. – М., 3. – № 2. – С. 112.

Е.Г.Плимак, В.С.Антонов

ОКТАБРЬ 1917 ГОДА И «БОЛЬШЕВИСТСКИЙ
ЭКСПЕРИМЕНТ» В РОССИИ

**Плимак Евгений Григорьевич – доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института социологии РАН.**

Антонов Вадим Степанович – кандидат исторических наук.

Сразу же подчеркнем: заглавие статьи не нами придумано. Оно взято из названия всероссийской установочной научно-практической конференции, которую провели 4 ноября 1994 г. тогдашние власти, чтобы дополнить свою **политическую победу**, одержанную 3–4 октября 1993 г., еще и **идеологической**.

Нужна ли была Ельцину, его окружению и сторонникам (включая радикал-либералов, чуждых ему генетически) победа в идеологической сфере, когда оппозиция была уже подавлена? Да, нужна, по целому ряду причин. Из них главными являлись две. Во-первых, новая идеология формировалась с трудом, фундамент ее не просматривался, и постоянное «добивание» старых ценностей служило эрзацем создания новых. Во-вторых, и это, пожалуй, еще более значимо – за триумфом президентской власти после разгона тогдашнего парламента, Верховного Совета Российской Федерации, и расстрела Белого дома 4 октября 1993 г. не последовало ожидавшегося улучшения жизни населения, которое было популистским лозунгом и Горбачёва, и Ельцина.

Первые два года горбачёвской «перестройки» народ поддержал, но потом на СССР обрушились несчастья – землетрясение в Армении, Чернобыльская катастрофа. Из-за непродуманных, импульсивных решений нового руководства возобладали негативные процессы, вроде неудачно проведенной, озлобившей население борьбы с алкоголизмом, начались перебои в снабжении и падение жизненного уровня. Горбачёв повсюду давал непродуманные обещания, в сущности не имея никакой конкретной программы «перестройки», – ни политической, ни экономической. Страну стали сотрясать националистические страсти; начались межреспубликанские войны, погромы в городах. Н.И. Рыжков,

некогда соратник Горбачёва, снятый им с должности Председателя Совета министров СССР, назвал резкое ухудшение социально-экономической и политической ситуации результатом предательства постулатов..., под которыми готов подписаться и сегодня.

Что имел в виду Рыжков? Напомним: став в мае 1990 г. Председателем Верховного Совета РСФСР, Б.Н. Ельцин во всеуслышание объявил, что надо вообще зачеркнуть всю историю большевизма в России. А вот какой выглядела Октябрьская революция 1917 года в оценке видных представителей общественности того периода. Сошлемся на весьма репрезентативный опрос «Литературной газеты», проведенный 6 ноября 1991 г.

Николай Травкин: «Произошла плохая вещь, потому что последствия плохие».

Олег Попцов: «Хотим мы или не хотим, в Октябре 1917 г. произошла революция... Другое дело, как распределились силы и последствия этого».

Сергей Станкевич: «Крутой переворот, в результате которого Россия была поставлена на грань выживания, прошла через многие трагедии и потери и только сейчас выходит на дорогу (если бы это так было! – Авт.)».

Владимир Жириновский: «Произошла трагическая ошибка. Нужно было добить немцев, получить Босфор и Дарданеллы и провести столыпинскую реформу. Ошибка одна – фанатизм Ленина, как сегодня – ошибка Ельцина».

Глеб Якунин: «Говоря нашим языком, произошел путч, тот самый, который не удался 19 августа – заговор ГКЧП. Но тот путч удался, потому что народ не встал на защиту демократии... Ленин и его партия были людьми с такой жестокостью, которой еще не было на свете!»

Юрий Карякин: «Ответ в стихотворении Пушкина “Бесы” и потом в романе Достоевского с этим эпиграфом Пушкина: “Сбились мы, что делать нам? В поле бес нас водит видно...”»!

Нина Андреева: «Октябрь 1917-го – звездный час народов России – возвестил начало нового этапа в развитии человечества и начало радикального разрешения мирового антагонизма между Трудом и Капиталом. Нынешние антикоммунисты спешат разделаться с нашим прошлым, выкорчевывать все, что связано с Октябрем, с Лениным, но возмездие неминуемо».

Теперь вернемся к той конференции, о которой говорилось в начале; с основным докладом на ней выступил С.А. Филатов, руководитель Администрации Президента РФ. Он и его заместитель С.Н. Кравченко заявили о «святом долге» ученых – представить истинную картину последствий Октября 1917 для нашей страны и всего мира; о «святом долге» журналистов, писателей, художников, сделать ее достоянием «общественного сознания: о «долге политиков», учтя уроки, преодолеть последствия тех событий в нынешней ситуации нашего общества. Крайне любопытно, что в 1994 г. (!) С.А. Филатов не сказал ни слова о цели Ельцина построить капитализм в России, хотя во время

своего последнего посещения США Ельцин именно таким намерением перед Конгрессом хвастал, пообещав осуществить его за одно свое президентство! Никакого понятия о том, что «первоначальное капиталистическое накопление», описанное Марксом, длилось несколько веков, и выполнять эту задачу на территории России придется ряду поколений, он вообще не имел. Крайне неудачная шоковая «реформа» Гайдара, отвергнутая Съездом народных депутатов в декабре 1992 г., привела к тому, что вопрос об оптимальном общественном строе для России как бы «завис». Во всяком случае Н.П. Шмелев в своей недавно вышедшей книге совершенно справедливо пишет: «Ни видоизмененный, более гуманный, более эффективный, как все мы тогда надеялись, социализм (позиция Рыжкова и самого Шмелева в те годы. – Авт.) сохранить не удалось, ни основы новой, более жизнеспособной, т.е. рыночной экономики первые наши реформаторы построить не смогли»¹. От постановки этого вопроса (а какой строй мы создаем?), Филатов просто ушел... А затем последовала основная «указующая» установка докладчика: «Хоть от Октябрьских событий нас отделяет 77 лет, мы их еще не изжили ни экономически, ни политически, ни культурно, ни психологически». Сама «трагедия Октября 1993 г.», которой завершился кризис «советской системы», – «это тоже отклик Октября 1917 г.». Теперь, когда мы «в состоянии тяжелейшего кризиса», продолжал он, нашим соотечественникам, которые все еще питаются «иллюзиями», важно перестать оглядываться назад в «надежде увидеть там пути решения сегодняшних проблем», нечего вспоминать или использовать опыт, нажитый с Октября 1917 г.²

Итак, организаторы конференции предлагали всем гражданам России проститься с наследием Октября 1917 г., с Лениным – ведь сравнение было явно не в пользу ельцинских властей. Ленин в тяжелейших условиях гражданской войны все же сохранил Российское государство, которое народ, его полководцы, да и сами государи, такие, как Иван IV или особенно Петр I, создавали кровью и потом. А вот Ельцин ради того, чтобы с «центром» окончательно распрощаться, «поцарствовать» одному, без споров с Горбачёвым в Кремле, Государство Российское взял и в «распыл» пустил – и так ведь можно подумать! Ленин, покончив с «военным коммунизмом» и введя нэп, помог все разрушенное хозяйство страны поднять за 6–7 лет, народ был накормлен. Ельцин за 3–4 года своего правления и народ разорил, и богатства народные номенклатуре и мафиозным слоям (да и себе самому) раздарил вместе со

1. Шмелев Н.П. В поисках здравого смысла. Двадцать лет российских экономических реформ. – М., 2006. – С. 174.

2. Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России. – Научно-практическая конференция. 5 ноября 1994 года. – М., 1995. – С. 4–5 (далее все сноски на эту книгу даются в тексте).

своими соратниками – Чубайсом, Бурбулисом, другими, чтобы утвердить в России частную собственность – основу «свободы».

А.И. Солженицын, поверив ельцинским обещаниям, с восторгом писал ему 30 августа 1991 г.: «Восхищаюсь отвагой Вашей и всех окружающих Вас в те дни и ночи... русские люди нашли в себе силу сбросить самый вцепчивый и долголетний тоталитарный режим на земле»³. А вот приехав в Россию в 2000 г. и поездив по стране, в интервью «Новой газете» писатель сказал совершенно другое: «...В результате ельцинской эпохи разгромлены и разворованы все основные направления нашей государственной, хозяйственной, культурной и нравственной жизни... Русское население вымирает почти по миллиону в году – именно русские... Мы слышим, что у нас проводятся великие реформы – это лжереформы, так как они оставляют в нищете все население страны... Россию надо спасать!» Правда, Президент Путин, прощаясь не так давно с Ельциным, все-таки именно за ним признал заслугу поворота России к «свободе». Но мы согласны с выступавшим недавно Роем Медведевым, который сказал, что «экономический, ельцинский в сущности, блок» в правительстве давно пора заменить – он за десять лет промышленность наполовину утратил и все предприятия (ваучеризация Чубайса) приватизировал за сущий бесценок, потеряв для казны многие миллиарды. Хорошо еще, что «нефтедолларь», «социалка», от СССР оставшаяся, спасли страну.

При всем этом нас могут спросить, есть ли смысл в том, чтобы вспоминать мнения 13-летней давности. Дело в том, что некоторым рекомендациям той научно-практической конференции 1994 г. наука следует и ныне. С другой стороны, нынешнему руководству было бы небесполезно повернуться лицом к отвергаемому историческому наследию.

Хотя свой доклад С.А. Филатов начал с Октября 1917 г., по нашему разумению, ему следовало бы вернуться к более раннему времени, к ленинско-мартовской «Искре», II съезду РСДРП и его Программе. Это важнейший исторический момент: российская социал-демократия чуть ли не со своего рождения раскололась на два «крыла, две партии. Обе – и меньшевистская, и большевистская – в разное время сойдут со сцены истории, но грустно то, что **не привился социал-демократизм в России**. Не знаем мы, окажется ли серьезной нынешняя затея С.М. Миронова с его социалистической «Партией справедливости», уж больно шельмовалась в СССР западная социал-демократия со времен Сталина. Сейчас ситуация иная, благодаря многим на-

3. Солженицын А. Публицистика в 3-х томах, Т. 3. – Ярославль, 1997. – С. 353.

учно-познавательным мероприятиям и немалому количеству изданий⁴. «Теоретическое оснащение» у мироновцев может быть совсем неплохим – но только теоретическое.

Раскол РСДРП произошел в силу расхождений по вопросам ее программы и устава, обсуждавшихся на II съезде в июле-августе 1903 г. в Брюсселе и Лондоне. Так как Россия не прошла этапа буржуазно-демократической революции, в Программе ближайшей целью РСДРП были объявлены **«низвержение самодержавия», «республика» и провозглашение буржуазно-демократических «свобод»**. Но поскольку в обуржуазившейся России пролетариат быстро развивался и было даже заявлено (этот пункт Ленин у Плеханова выспирил), что в стране «капитализм уже стал господствующим способом производства», в программу записали – с подачи Ленина, – что необходимым условием предстоящей социальной революции станет «диктатура пролетариата», подавляющая сопротивление эксплуататоров⁵. Что тогда делать с объявленными «свободами», не очень ясно было. Г.В. Плеханов, поначалу Ленина в этом пункте поддерживавший, в прениях заявил, что во имя высшего «закона революции» пролетариат может даже негодный ему парламент через пару недель распустить (что, кстати, Ленин в 1918 г. с эсеровским Учредительным собранием и проделает). Но часть делегатов съезда Плеханова ошккала – **«диктатура пролетариата»** ей явно не понравилась. Аксерольд занялся «теоретическим» разбором ленинского «якобинизма», фактически перечеркивая **ленинскую «диктатуру пролетариата»** и предлагая в царской России брать за образец партии II Интернационала, уже **вполне легальные**. Ленин ответил работой «Шаг вперед, два шага назад» – разбором споров на II съезде РСДРП. Сколь мучительно Ленин переживал раскол партии, описал Н. Валентинов в своей книге «Встречи с Лениным» – он тогда с ним сдружился, прогулки совместные совершал⁶. Конференция 1994 г. все это обошла – ей было не до «кислотов большевизма»...

Большинство выступавших на конференции поддерживало Филатова, **черня большевизм**, не замечая ни одного светлого пятна на его 77-летней истории. Поразительна и та **ярость, с которой это очернение происходило**. Вот, к примеру, типичный «пассаж» бывшего члена горбачёвского Политбюро

4. См., напр., *Мировая социал-демократия. Теория, история, современность. Материалы научной международной конференции Москва, 25–26 июня 2003 г.*; Орлов Б. *Социал-демократия: История, теория, практика. Работы 2000–2005 гг.* М., 2005 и др.

5. Споры Плеханова и Ленина накануне II съезда были весьма упорными именно по поводу уровня развития капитализма в России.

6. См.: Валентинов Н. *Встречи с Лениным*. – Б.г. Вермонт. – С. 164–215; см. также *Второй съезд РСДРП, Протоколы*. – М., 1959. – С. 181–182, 420–421; Плеханов Г.В. *Соч.* Т. 13. – С. 90, 92–63.

А.Н. Яковлева: «Большевистскому перевороту 77 лет. Это самое трагическое событие тысячелетней истории. Начало дьяволиады. Плыл наш корабль, сжигая в топках миллионы людей трех поколений. Плыл по морям крови и слез. Как волчок, вращаясь вокруг одной точки эпицентра, – Вселенского насилия»⁷. Но ведь **выступавшие сами и были членами той большевистской номенклатуры, которая все это творила!** Единственный, кто представлял исключение, был Д.А. Волкогонов, он, походя, заметил: «При всем трагизме пройденного пути... есть и героические страницы – это наша история». Но как-то покаившись, он вернулся в общий поток: я «долго проповедовал постулаты ленинизма», но после мучительной переоценки решил: корни всех бед в ленинизме (с. 22, 26).

Отметим другую странность у последовавших за Филатовым: в один голос уверяя, что Ленин столкнул Россию с пути, успешно проторенного социал-демократией Запада (с. 20, 25), что его «утопический эксперимент» закончился «исторической неудачей!» (с. 27), что большевики, следуя «Комманифесту» Маркса и Энгельса, стали врагами «частной собственности» – этой основы «свободы» (с. 35), что страна поэтому оказалась «на обочине цивилизационного развития» (с. 38), «сорвалась с универсального пути мирового развития» (с. 58–59) – никто даже не вспомнил, что как раз «цивилизованный» западный мир «сорвался» в 1914 г. в чудовищное взаимное истребление, когда миллионы были брошены в бойню ради «хотений» кайзера Германии, желавшего полакомиться кусками Британской империи, или царя России, бредившего «захватом Дарданеллов»! Знаменитые книги «Закат Европы» Освальда Шпенглера и «Новое Средневековье» Николая Бердяева ни один из выступавших не упомянул! Твердили о «преступном» лозунге Ленина, превращении войны империалистической в войну гражданскую (это, мол, «измена» Отечеству!). Но ведь события и в Германии, и в России показали, что **только революции или угроза революции могли отучить власть имущих от их «хотений»**, обрекавших сотни тысяч солдат на гниение в окопах или смерть в бесплодных атаках. А разорение народного достояния в войне империалистической – миллиарды и миллиарды!

Отметим, что против неистовствовавших ораторов – иного слова мы не подберем – аргументированно и резко выступили А.А. Собчак, Р.Г. Пихоя, П.В. Волбуев, после чего выступления приняли уравновешенный характер – вплоть до заключительного слова Ю.Ф. Карякина, который со ссылками на Микеланджело сравнивал внешность Ленина в разные периоды его жизни⁸.

7. Октябрь 1917 г. и большевистский эксперимент. – С. 20. Далее ссылки на страницы этого издания будут даваться в тексте.

8. О всех этих «красотах» см.: Карякин Ю. «Родство» Ленина с Нечаевым // В кн. Плимака Е. Политика переходного периода. – М., 2004. – С. 308–314.

А.А. Собчак не был склонен соглашаться с теми, кто в Октябре 1917 г. увидел какой-то «дьявольский заговор». По его мнению, «решающее влияние на ход русской истории оказали не Ульянов, Плеханов или Бронштейн, а тот двор, который окружал царя, та либеральная интеллигенция, та российская печать, которые в годы войны смаковали вздох поражения и неудачи страны», во многом напоминая «сегодняшние дни». Страна просто не была готова даже к малой толике демократии, свободе печати, которую «допустили» в 1905 г. ради спасения Николая II. С другой стороны, в России наблюдался «такой взрыв черносотенства, мракобесия, антисемитизма, расизма, на который не могло не быть реакции». Ленин и его сподвижники не были ни «чудовищами», ни «заговорщиками». Среди сторонников Ленина было много романтиков революции, фанатиков революции. К тому же надо учитывать, что вся атмосфера Европы навевала мысль, что революция является лучшим способом решения всех трудностей. «Ленин – это Робеспьер, и Дантон, и Марат русской революции», только более талантливый, удачный, чем они. Ошибкой большевиков было устранение других партий, но развязывать гражданскую войну они не собирались, многое произошло «вопреки их воле».

В унисон с Собчаком выступил Р.Г. Пихоя, отметивший, что научная конференция превратилась в «политическую разборку под аплодисменты». С позиции науки, заявил он, главным вопросом является крестьянский; крестьянство было куда радикальнее большевиков, поэтому надо понять, когда и почему исчез его «наивный монархизм» и заменился противоположным чувством. Другими факторами движения страны к революции был настрой умов интеллигенции, разваливавший «империю», кастовость государственного строя, порождавшее радикализм «босячество мысли». Наконец, солдаты-крестьяне, забив все железнодорожные пути, стали тем катализатором, который, в конце концов, изменил соотношение сил в стране. История Октября, заключил Собчак, дает возможность учесть его ошибки, чтобы «избежать новых бед».

П.В. Волобуев напомнил, что мировое общественное мнение и зарубежная историография считают Октябрь массовой революцией, «глобальным событием» всего XX в., с определенными уроками для Запада: «капитализм увидел, что его ждет, если он не примет мер экономической и политической стабилизации в своих странах и не сделает выводов из Октябрьской революции». Предопределенности Октября не было, оставалась возможность и других, увы, упущенных, вариантов, делавших революцию вообще ненужной. Если бы Временное правительство провело назревшие реформы, «история могла пойти другим путем» (с. 32). Но пошла «самым кровавым, самым жестоким... в результате той пропасти, которая существовала между богатыми и бедными в России, помещиками и основной массой крестьянского населения». Большевиков влекла за собой ультрарадикальная масса, а не какое-то стремление к «тоталитаризму». Ленин победил потому, что «горстку революционеров и рабочих он обес-

печил поддержкой крестьянства – в знаменитых 242 наказах – оно отказало капитализму в доверии». Что касается «большевистского эксперимента», пусть и с огромными жертвами, но большевики выполнили задачу, так и не решенную при царизме – осуществили аграрно-индустриальную модернизацию страны, создали передовую науку, современное образование, сделали СССР на длительное время второй сверхдержавой – но под бременем милитаризма и неразумной, а, порой, и бестолковой политики руководителей в период застоя «мы рухнули»» (с. 33). В заключение П.В. Волобуев высказал два важнейших соображения. Во-первых, после событий 21 сентября и 4 октября 1993 г. современные антикоммунисты «утратили всякое морально-политическое право» в насилиях и прочих прегрешениях обвинять одних лишь большевиков. Во-вторых, нельзя упускать из вида, что большевизм и коммунистическое правление – не одно и то же. **«Большевизм» переродился примерно к концу 20-х годов.** И дальше мы имеем дело со сталинизмом – другим «историческим явлением» (с. 31).

Неразличение между ленинской политикой строительства социализма и сталинизмом, нэпом и сталинским тотальным огосударствлением привело к противоречиям в позиции даже такого компетентного исследователя, как Н.П. Шмелев. Свою книгу «В поисках здравого смысла. Двадцать лет российских экономических реформ» он открывает по существу филатовской «констатацией»: «Исторический эксперимент над живыми людьми, задуманный 70 лет назад кучкой безжалостных кабинетных теоретиков (т.е. большевиков. – Авт.), провалился». А через несколько страниц автор сам начинает описывать, как «кабинетные теоретики» всерьез взялись за дело и начали строить «хозрасчетный социализм», с быстрым ростом зернового хозяйства и животноводства в деревне. Затем ленинское дело было порушено Сталиным. А нам бы хорошо вернуть ленинский «хозрасчетный социализм»!⁹

К двадцатилетнему юбилею начала перестройки «Горбачёв-фонд» выпустил сборник «Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя» (М., 2005). В этом сборнике помещены два десятка выступлений, содержащих совершенно различные точки зрения. Официальное мнение издающей организации высказано в докладе «Горбачёв-фонда» – основном материале книги. Доклад выводит нас на тривиальную проблему «Кто виноват» и «в чем виноват». Говорится поначалу о самом значительном вкладе России в XX в. в «мировую историю»: начало веку положила Великая русская революция. Поскольку Горбачёв весьма любил «неопределенность» и в делах своих, и в словах, то он не уточняет – «революция Октября 1917 года». Но это как бы само собой следует из констатации, что в победе над фашизмом «огромная заслуга принадлежит Советскому Союзу». Завершением же века, говорится в докладе, стала перестройка

9. Шмелёв Н.П. Указ. соч. – С. 3–9 и далее.

– «событие, коренным образом изменившее страну и... мир» (на счет коренного изменения мира – вопрос спорный).

Необходимость «перестройки» с точки зрения развития нашей страны обоснована в докладе вполне корректно. Иное дело – глобальный ракурс. В докладе значится: «развязать гордиев узел можно было, лишь изменив сложившийся конфронтационный миропорядок». Но ведь это написано не в 80-х годах, а в 2005 г., когда в мире произошли перемены, которые не могли остаться незамеченными авторами доклада. Теперь отчетливо видно, что на время перестройки и чуть позже смягчилась, при чрезмерной уступчивости Горбачёва, «холодная война», не больше. Сверхдержава № 1 (США), лишившись после развала СССР (сверхдержав № 2) главного противника, стала навязывать свои порядки чуть ли не всему миру. Фразы о внесении «нравственного измерения» в политику, принципиальное «неприятие крови», на наш взгляд, просто прикрывали постоянный отказ Горбачёва от принятия чрезвычайных мер в необходимых случаях и являлись, скорее, проявлением очевидной трусости. Эти качества отсутствовали у его соперника Ельцина, что во многом и обеспечило его победу над Горбачёвым. В конце доклада «Горбачёв-фонда» продекларировано, что перестройка строилась на «теории конвергенции»: от социализма брала «социальную справедливость», «систему социальной защиты»; от капитализма – «политическую демократию». Однако это не соответствует ни фактам, ни идеологии перестройки. Одному из авторов данной статьи уже доводилось в специально посвященной конвергенции статье писать о том, что вклада Горбачёва в дело конвергенции и в помине не было¹⁰.

В докладе говорится, что неверен «миф» о том, будто у Горбачёва так и не было никакой программы перестройки, а была скорее на ходу сделанная импровизация. Но мы по многим причинам видим, что в основном он пользовался весьма неопределенными понятиями: «новое мышление», «ускорение» и т.д., а когда Политбюро и Совмин принимали серьезные программы вроде развертывания научно-технического прогресса, на что требовались десятилетия, Горбачёв об этом уже через пару-другую недель «забывал». Менялось вечно и содержание курса под названием «перестройка» – дело до того дошло, что «новое понимание социализма как гуманистического и демократического строя» превратилось в «самодостаточные цели: гласность преобразовалась в свободу слова, демократизация – в политическую демократию» без обозначения ее типа¹¹.

10. См.: Плимак Е.Г. Концепция конвергенции в нашу эпоху // Синтез цивилизации и культуры. – М., 2003.

11. Прорыв к свободе. – М., 2005. – С. 418 (далее ссылки на эту книгу даются в тексте статьи, в скобках).

Здесь самое место сказать, что заявление доклада о том, что перестройка шла «под знаком возрождения и реализации ленинских идей нэпа» – полнейшая неправда. Так говорилось в речах Горбачёва, но, несмотря на то, что нэп и перестройка были близки (введение «рыночных отношений» применительно к крестьянству в деревне и хозрасчета на государственно-«социалистических» предприятиях), ленинская позиция – жестокость в политике, либерализм в экономике – Горбачёвым никогда не разделялась. Ленинских работ по нэпу не изучали ни Горбачёв (ему было некогда), ни писавший ему речи Черняев, тот вообще, судя по его «Дневнику», на работы Ленина нечто вроде «табу» наложил – его больше интересовали веховские идеи. Гласность, не рационализовавшаяся внятной и твердой политикой, была немедленно использована сепаратистами, националистами, оппозиционными демократами-«демократами» для саботажа и развала практической перестроечной работы. Экономическая программа не появилась у Горбачёва и на последних этапах перестройки, причем он болтался между программой постепенного реформирования Н.И. Рыжкова и быстротечной программой «500 дней» Шаталина-Явлинского. В докладе написано, что «руководство страны» (Горбачёв) отказалось от «радикального проекта рыночного реформирования экономики – программы «500 дней» в пользу альтернативной правительственной программы с «отчетливо выраженной рыночной направленностью». Но это сделал Съезд народных депутатов СССР. Горбачёв хотел было выразить с ней согласие, однако в конце концов отверг ее и договорился с Ельциным о сроках введения программы «500 дней» на всей территории СССР, но тогдашний премьер Ельцин Силаев, не соблюдая согласованных сроков, бешеными темпами начал «либерализацию» цен в России (ее уже Гайдар продолжал, а сам Силаев отбыл на «американские хлеба») ¹².

События конца лета – начала осени 1991 г. хорошо известны. О мотивах же их участников споры идут до сих пор. Думается, что у Горбачёва был замысел: члены его правительства, отосланные в Москву, сами вводят чрезвычайное положение, может быть Ельцина и устранят. Тогда он воспользуется плодами победы, вернувшись в Москву из Фороса (где он купался в море). Ну а если Ельцин победит, то он объявляет их предателями и одобряет привлечение их к суду за «путч ГКЧП». В обоих случаях он остается Президентом и продолжает руководить страной. Однако Ельцин переиграл Горбачёва. Заявив, что Президент СССР блокирован в Крыму, он взял на себя все союзные функции, ликвидировал путч ГКЧП, отправил членов правительства Горбачёва в «Матросскую тишину» и в присутствии вернувшегося из Крыма Генсека картинно запретил КПСС в СССР, заставил Горбачёва распустить все союзные орга-

12. Павлов В. Август изнутри. Горбачёв-путч. – М., 1993. – С. 10, 90, 92 и др.

ны, а вскоре довел дело до логического конца – ликвидации СССР 8 декабря 1991 г.

В. Крючков совершенно справедливо в своей книге «На краю пропасти» пишет, что «главными в распаде Союза и нынешних бедах России были и остаются не объективные причины, а субъективные» – Горбачёв знал, что Ельцин и руководители ряда других союзных республик не подпишут Союзного договора, а будут стремиться к полной независимости от центра, но тем не менее твердил: «Союз можно было сохранить»!¹³ Ту же в сущности мысль – «без действий Горбачёва не осуществились бы замыслы Ельцина» – обосновывает и Стивен Коэн в своей новой книге «Вопрос вопросов: почему не стало Советского Союза»: роковое эпохальное событие было «делом двух личностей»¹⁴.

Читатель вправе спросить: какое отношение действия Горбачёва и Ельцина имеют к заявленной теме статьи – революции 1917 г. и истории социалистического строительства в России? Тот и другой, каждый по-своему, с разных позиций руководствуясь противоположными идейными мотивами, но одинаковыми личными (власть превыше всего) – разрушили государство, которое было создано Октябрем. Осуждая сталинизм, выбросили за борт и ленинизм, который, конечно, не поддается идеализации (было, было много неправильного и несправедного в период революции и Гражданской войны), но и уподоблению сталинизму не подлежит.

В потоке истории разрушение и созидание неразрывно связаны. Разрушение может оправдываться созидательными целями. Однако для этого необходимо ясное понимание самих целей и путей к их достижению. Постленинская эпоха истории СССР/России свидетельствует, что такого понимания у политической элиты страны не было. Поэтому радикальная Октябрьская революция 1917 г. и обладавшая революционным потенциалом «перестройка» сменились ликвидацией Советского Союза, откатом России и других республик по многим параметрам на едва ли не последние места в мире. Причин тому много, но главная в том, что политическая элита и особенно ее вожди поставили личные и корпоративные интересы выше государственных и общественных.

13. Крючков В. На краю пропасти. – М., 2003. – С. 346, 387.

14. Коэн С. «Вопрос вопросов»: Почему не стало Советского Союза. – М., 2007. – С. 84–95.

Л. В. Скворцов

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

**Скворцов Лев Владимирович – доктор
философских наук, профессор, заместитель
директора ИНИОН РАН.**

Постановка проблемы постмодернизма сегодня может показаться несколько искусственной. О постмодернизме создана огромная литература: он проанализирован с различных сторон – исторической, персональной, содержательной. Определилось и полярное отношение к нему – позитивное и негативное. К позитивной оценке постмодернизма склоняются теоретики, которые обнаружили кардинальные несоответствия между верой Просвещения в универсальные истины Разума и действительностью. Негативное отношение высказывают мыслители, стремящиеся сохранить в неприкосновенности традиционные религиозные и философские нравственные константы.

В тени, однако, остается ключевой для оценки постмодернизма вопрос: что такое постмодернизм как явление культуры? Постмодернизм – это не только совокупность эпистемологических идей. Он оказал воздействие на литературу, кинематограф, изобразительное искусство, архитектуру, гуманитарное знание в широком смысле этого слова. Некоторые теоретики считают, что такое глобальное явление, как Интернет, является практическим выражением доктрины постмодернизма, поскольку в своей сущности является гипертекстом, характеризующимся деперсонализацией, децентрированностью, цитатностью, интертекстуальностью.

Для того, чтобы дать адекватную оценку постмодернизму как явлению культуры, необходимо прояснить, как постмодернизм понимает цивилизационное **пространство** и цивилизационное **время**.

Цивилизационное пространство – это совокупность ценностей, определяющих выбор человеком форм, образов жизни, нравственных правил, разрешений и запретов поведения, ориентаций общественного самосознания. Иными слова-

ми, цивилизационное пространство в этом контексте поднимается как **логос** цивилизации.

Время цивилизации – это единство настоящего с прошлым и будущим, выражающееся в осознанном сохранении **живой традиции**, в активном к ней отношении.

Таким образом, прояснение понимания постмодернизмом цивилизационного пространства и цивилизационного времени совпадает с прояснением другой ключевой проблемы, а именно: как соотносятся позиции постмодернизма с цивилизационной истиной.

Сводя реальность к тексту, постмодернизм как бы уходит от этой проблемы. Истина оказывается заключенной в самом постмодернизме, поскольку он есть текст, а текст совпадает с реальностью. Однако это лишь видимость решения вопроса. Неслучайно критики постмодернизма считают, что он может и должен быть преодолен.

Приставка «пост» теперь присоединяется к самому постмодернизму. Постпостмодернизм обозначает границу разрыва с постмодернизмом, создающую основание для суждения: постмодернизм умер и принадлежит теперь лишь исторической памяти.

Однако можно ли считать этот приговор объективным и окончательным? Или это суждение субъективное, выражающее настроение теоретической скуки, которая возникает в медиуме исследований постмодерна: все проговорено, а повторение уже кажется бессмысленным. Поэтому необходим постпостмодерн¹.

Прояснить ситуацию может лишь ответ на вопрос: отражает ли постмодернизм странности новой цивилизационной реальности или же он выразил лишь свой взгляд на особенности интеллектуальной деятельности в современной ситуации гуманитарного знания? Если он отразил парадоксы новой цивилизационной реальности, то его преодоление зависит от того, исчезла ли парадоксальность этой реальности. Если постмодернизм – это субъективный взгляд на реальность наряду с другими субъективными воззрениями, то его «преодоление» не может составлять серьезной проблемы. Постмодернизм можно считать преодоленным так, как преодолевается устаревший стиль одежды, вытесняясь новой модой.

Проблема, стало быть, состоит в **интерпретации** постмодернизма. Итак, что такое постмодернизм?

1. Постмодернизм: Эрозия цивилизационного понимания

Ответ на поставленный вопрос лежит на поверхности: постмодернизм – это эрозия цивилизационного понимания, отрицание сущности цивилизации как определенной целостности, образуемой исторически сложившейся гармонией

частей общественного организма². Вместе с тем этот ответ нельзя принимать на веру; он требует своей расшифровки.

Буквальная расшифровка понятия «постмодернизм» обнаруживает его амбивалентность. Если понятие «модерн» толкуется как отличная от прошлого современность, как специфика настоящего, то постмодерн должен означать выход за пределы современной цивилизации, особенности отношения настоящего к **будущему**. Можно ли в этом случае трактовать постмодернизм как футуризм? Очевидно, что такая трактовка была бы некорректной. Футуризм – это «выброс» модерна, конкретное явление в истории культуры, ориентировавшееся на разрушение классических традиций, на новый тип ментальности, формирующейся под воздействием бурного **прогресса техники**.

Однако понятие постмодерн можно трактовать не только как выход за пределы настоящего путем ориентации на новый технический прорыв в будущее. На самом деле, преодоление настоящего можно понимать и как ориентацию на цивилизационное **прошлое**. Причем такая ориентация может иметь свои преимущества, поскольку она конкретна и определена. Если субъект свободен, то истинная ориентация становится делом его **выбора**.

А это значит, что как прошлое, так и будущее с равными основаниями могут становиться ориентирами свободного выбора в настоящем. Но как сочетать противоположные по своей направленности ориентиры в качестве истины цивилизационной ориентации? Постмодернизм находит свой ответ на этот вопрос.

Если постмодернизм трактуется как явление **культуры**, то расшифровка его своеобразия должна определяться отношением к духовному смыслу эпохи модерна.

Каков основной этос эпохи модерна? Эпоха модерна имеет своим духовным истоком признание социальных и нравственных универсалий в качестве истины цивилизационной жизни. Эпоха модерна – это качественно новая духовная эпоха в эволюции цивилизации. Она утверждает себя как эпоха Разума, универсальные истины которого призваны вытеснить духовные предрассудки, постулируемые слепой верой в качестве абсолютной и всеобщей цивилизационной истины. Такое вытеснение было призвано прояснить новую общечеловеческую перспективу, открыть новый мир, свободный от религиозных войн, фанатизма, этнических и иных предрассудков. Принципы Разума создают веру в нового идеального субъекта, человека разумного, жизненные принципы которого универсальны и не зависят от его расового, социального, национального происхождения. Принципы Разума понимаются как реальная онтология новой жизни.

Постмодернизм осуществляет деструкцию этих представлений. В контексте постмодернизма принципы оказываются лишь «материей» дискурса, текста, а не онтологией истины жизни. Это представление основано на реальном исто-

рическом опыте XX в., обнажившем очевидное противоречие между такими универсалиями Разума как свобода, справедливость, равенство, братство и действительностью: Первая и Вторая мировые войны разбили вдребезги хрустальные замки, построенные в самосознании идеологов эпохи модерна. Во что теперь превратились универсалии Разума? Как бы сказал великий Шекспир – в слова, слова, слова...

Разумеется, не постмодернизм обнаружил противоречие между универсалиями Разума и реальностью исторической жизни. Это противоречие было обнаружено гораздо раньше. Но всегда возникал один и тот же вопрос: что произойдет с обществом, если онтологический характер универсалий Разума будет подвергнут радикальному отрицанию?

Если в них нет истины, то как оценивать политические решения, действия и поступки государственных деятелей и частных лиц? Все они превращаются в ряд феноменальных реальностей. Вместе с тем исчезают различия между свободой и несвободой, справедливостью и несправедливостью, моральным и аморальным, между благородством и подлостью, геройством и трусостью, честностью и воровством, верностью и предательством. Благородное стремление примирить непримиримое порождает своеобразную **хитрость разума**, которая подчиняет универсальные принципы задачам торжества различных частных интересов. Так возникает воляпюк, своеобразная карикатура на духовный этос Просвещения. Он становится той рассадой, из которой возникают разрушающие твердые принципы Просвещения новые духовные растения. Шарль Бодлер дал метафорическое определение этим духовным растениям – «Цветы зла». Можно сказать, что это – исходная точка, разрушающая основания модернистского понимания сущности универсальной цивилизационной истины.

Вполне понятны попытки противостоять постмодернизму, сохранить универсальные истины эпохи модерна в их чистом виде³. Но для этого необходимы непростые диалектические аргументы.

Известный культуролог Юрген Хабермас утверждает, что модерн – это «незавершенный проект». Если это так, то преодоление модерна постмодернизмом следует считать теоретически нелегитимным. На самом деле, нельзя применять понятие «пост» к тому, что все еще находится в состоянии **становления**. Лишь полное раскрытие смысла эпохи модерна позволит дать его адекватную оценку. В этой связи Юрген Хабермас предпринял анализ исторического смысла понятия «модерн». «Модерн» можно толковать как процесс бесконечного движения к точке абсолютного осуществления принципов Разума. При таком истолковании «преодоление» модерна постмодернизмом оказывается бессмысленным: модерн как раз и предполагает постоянный выход за пределы сложившихся форм. Используя силу этого аргумента, Хабермас обращается к истории возникновения и использования термина «модерн».

Термин «модерн» появлялся в Европе всякий раз, когда определялось отношение к древним образцам и прежде всего образцам античной классики. В V в. он служил для разграничения христианского настоящего и римского языческого прошлого.

Рождение науки и представление о бесконечном прогрессе знания породили новую форму модернистского сознания. Утвердившееся представление, согласно которому история являет собой бесконечное приближение к общественному и моральному совершенству, становится своего рода оправданием исполненного радикализма бунтарского сознания. Каждое новое поколение воспринимает бунтарскую позицию как истину современности. В этом смысле модернистское самосознание можно считать **вечным** явлением, существующим всегда там и тогда, где и когда имеет место процесс преодоления разрыва между универсалиями Разума и социальными от него отклонениями. В этом и заключается прогресс исторического творчества, его смысл.

Однако оправдание бунтарского сознания необходимостью прогресса творчества заключает в себе серьезный теоретический изъян. Каждый момент исторического времени является единством прошлого, настоящего и будущего. В силу этого абсолютизация бунтарской позиции как цели в себе означает отступление от цивилизационной истины. Это отступление на практике сопровождается деструкцией цивилизационных констант, подменой подлинных убеждений идеологическим маскарадом. А это – реальная почва нигилизма как полного отрицания истины универсалий Разума.

Этот процесс находит свое отражение в искусстве, в деструкции классических традиций, отрицании академических школ, утверждении в качестве истины различных форм художественного эпатажа. Парадоксальным образом, однако, отрицание классического искусства становится путем, ведущим к превращению авангардистского искусства в составную часть академического истеблишмента.

Возникает вопрос, не становится ли модернизм тем константным исходным образцом для подражания, каким в свое время была античность? Если это так, то бунтарское, радикальное сознание следует признать лишь временным протуберанцем на Солнце новой цивилизационной целостности. В этом случае проект эпохи модерна сохраняет свой позитивный смысл, поскольку речь идет об историческом осуществлении универсалий, истинных в себе, получающих свое прогрессивное и все более полное воплощение в действительной жизни.

Кроме того, тезис, согласно которому модерн – это находящийся в становлении проект, не учитывает тех тупиков, в которые попадает реализация этого проекта и в общественной жизни, и в сфере искусства. В этом смысле рождение постмодернизма имеет свою объективную логику. Кажется оправданным и отречение от универсального человека, и легитимизация человека, не имеющего постоянного лица, меняющегося в текущих ситуациях реальной жизни.

ни. Это – человек, следующий **потoku сознания**, а не универсалиям Разума. Соответственно должна быть сформулирована иная эпистемология, соответствующая потоку сознания и текущему потоку жизни. Заметим, что очевидна определенная преемственность модернизма и постмодернизма в релятивизации истины в потоке сознания⁴.

Но что находится за потоком сознания; какая реальность может оправдать эти постоянные превращения, эту неопределенность и текучесть? Эта реальность – **Прогресс**. Адекватность постоянно обновляющейся парадигмы модернистской ментальности объяснялась позитивным смыслом Прогресса. Позитивный Смысл Прогресса заменяет собой Абсолют. Он теперь рассматривается как критерий истины и не-истины, добра и зла. Нетрудно было понять, что как только обнаружатся фундаментальные противоречия Прогресса наступит крах теоретического фундамента модернизма. Этот крах неизбежно затрагивает основы концепций индустриального общества. Все эти концепции имеют в виду конечную цель как **прогресс потребления**. Потребительское общество перерабатывает продукты природы, как, впрочем, и продукты человеческой деятельности, в **отходы**. Человек, в конечном счете, оказывается вынужденным пафос своей деятельности направлять на борьбу с отходами. Образуется замкнутый цикл: производство – потребление – отходы, который воспроизводит себя на всех стадиях. Это – логос современной цивилизации независимо от внешней формы ее проявления. Коль скоро человек интуитивно воспринимает этот логос, он воспринимает и себя в качестве ее момента.

Если человек осознает себя в качестве инструмента по созданию отходов, то он начинает искать иной смысл помимо логоса данной цивилизации. Это могут быть смыслы цивилизаций предшествующих эпох, или смысл за пределами реальной жизни, или смысл искусственно созданного мира.

Постмодернизм как форма культуры находится в этой цивилизационной реальности и реагирует на нее определенным образом. Постмодернизм принимает за аксиому иллюзорность прогресса и рождает эпистемологию, отражающую ту стадию цивилизации, на которой происходит своеобразное раздвоение ее смысла, все расширяющийся процесс создания новых видов реальности, которые образуют видимость сохранения смысла. Удвоение реальности – подлинной реальности жизни, **не имеющей** смысла, и создание реальности, имеющей лишь **видимость** смысла – это специфическая черта современной цивилизации. Другой фундаментальной ее чертой становится эрозия исторически сложившихся иерархий ценностей, подчинение высокого и низкого единому критерию эффективности реализации в системе рыночных отношений. Так возникает новое цивилизационное пространство, которое управляется своими механизмами и законами формирования ценностных отношений. Правильная оценка постмодернизма как раз требует выявления его отношения к этому цивилизационному пространству.

2. Плерома как контрапункт цивилизационного целого

Разрушение исторически сложившихся цивилизационных ценностей не является специфической чертой эпохи модерна, чем-то совершенно новым. В условиях кризиса традиционных цивилизаций наблюдались аналогичные процессы, и они находили свое философское объяснение. В этой связи представляет теоретический интерес понятие плеромы, игравшее важную роль в эзотерической философии.

Плерома – категория, которая обозначает мыслимое исходное состояние Универсума, в котором все слито, неотлично и из которого возникает все, все противоположности видимого мира. Это та полнота Бытия, которая является контрапунктом несовершенного эмпирического мира и в то же время основанием его понимания и оценки.

Понятие плеромы было бы простым абстрактным представлением, если бы ее свойства не находили своего отражения в эмпирических формах жизни. В этом смысле кажется правомерным понятие цивилизационной плеромы, фиксирующее явление отождествления противоположных по смыслу цивилизационных ценностей.

В условиях исторически сформировавшихся стабильных цивилизаций цивилизационная плерома кажется лишь абстрактной возможностью, виртуальной реальностью. Представление о реальности плеромы могло рассматриваться как продукт философской спекуляции, позволяющей выносить «за скобки» цивилизационную определенность действительной жизни. Однако в переходных состояниях она воспринимается как реальность, как цивилизационная кислота, растворяющая в себе жесткий каркас исторически сложившихся цивилизационных форм. Как представляется, понятие плеромы начинает находить свой эмпирический эквивалент и в открытиях астрофизики и физики. Так, обнаруженные астрофизикой «черные дыры» поглощают и «растворяют» в себе все формы феноменального мира, включая свет. Физика открывает плазму, которая нетождественна определенным формам реального мира – земле, воде, воздуху.

Однако существует ли эмпирический эквивалент плеромы применительно к современной цивилизационной ситуации?

Как кажется, реальность плеромы обнаруживает себя в условиях глобализации, когда на одном историческом цивилизационном пространстве «размещаются» различные цивилизации, когда рождается информационная Галактика, создающая условия для эрозии духовных границ, а вместе с тем и цивилизационных определенностей народов. Возникает и духовная «голубая кровь» межкультурных взаимодействий – это безликая в цивилизационном смысле **информация**. Специфическая особенность этой «голубой крови» заключается в том, что она не содержит «фагоцитов», нравственно нейтрализующих инород-

ные цивилизационные образования, отторгающих их как проявления духовного зла.

Реальность плеромы проявляется и в том, что информационная Галактика включает в себя все – и массив объективных знаний, и традиционные духовные представления, и идейные новации. Информация необходима во всех своих ипостасях. Это значит, что плерома как представление философии может занять духовное пространство, которое долгое время занимал культ разума. Такое замещение вытекает из логики борьбы просвещения с религиозными ценностями по всем азимутам. Нельзя вырвать постмодернизм как явление культуры из контекста движения европейской мысли. Эта мысль, направлявшая общественное сознание, была сформирована тезисом «Бог умер». Тем самым была открыта заслонка, сдерживавшая поток крайнего релятивизма. Дело в том, что Бог – это Логос, **синоним цивилизационной определенности**.

Рациональный смысл идеи Бога состоял в выявлении доминант общего сознания и целей жизни цивилизационного целого, определения их направленности на гармонизацию всей системы отношений. Распад этой идеи без создания ее духовной компенсации смещает Логос в сферу потребления. Став доминирующей ориентацией сознания, потребительская установка создает качественно новую цивилизационную тенденцию, доминанта которой – не создание общей цивилизационной гармонии, а рост потребления и индивидуализм. Эта тенденция, коль скоро она становится доминирующей, делает бессмысленными идеи цивилизационной целостности. Тем самым цивилизация теряет свою основную точку опоры⁵.

Жан Бодрийяр вполне отчетливо фиксирует связь между теоретической «смертью Бога» и утратой традиционной цивилизационной системой основной точки опоры. Западная культура, верившая в способность знака выражать сокровенный смысл, видела гарантию адекватности такой замены смысла знаком именно в Боге. Если же сам Бог сводится к знакам, удостоверяющим его существование, то вся духовная система, основанная на идее репрезентации, превращается в гигантское подобие самой себя, в **симулякр**. Смерть Бога – это не только выражение отношения европейской мысли к традиционной религии. Это – начало смерти любых богов вообще, в том числе и в форме различных идолов. Это смерть веры в прогресс как путь и средство создания рая на земле, это смерть веры в великих политических мистификаторов XX в., это смерть веры в то, что Богом является доллар, на который можно купить все, не только знание, счастье, любовь, верность, но и бессмертие; сознание теперь не может найти в действительности реальную точку опоры. Цивилизация объективно оказалась перед проблемой **создания** таких точек опоры. Так возникает **симулякр**⁶. **Симулякр** отсылает не к исходной действительности, а к самому себе. Поскольку исчезает основная точка опоры, то,

как кажется, исчезает и основание безусловного утверждения цивилизационной истины. Истина также теряет абсолютный смысл.

Без осознания того, **как** сама реальность может оказаться вне поля истины, невозможно дать верное толкование современной общественной жизни. Жан Бодрийяр считает, что хорошей иллюстрацией этого могут служить события вокруг «Уотергейта». Как известно «Уотергейт», т.е. организованное с санкции президента США Р. Никсона подслушивание закрытого совещания представителей демократической партии, было представлено в средствах массовой информации как **грандиозный политический скандал**, следствием которого стала отставка президента. В действительности, «Уотергейт» – это не скандал, а **норма жизни**, если учесть, что в США существует разветвленная сеть промышленного шпионажа, органы ЦРУ и ФБР систематически используют методы подслушивания, в стране существуют частные сыскные агентства, которые пользуются теми же методами скрытого наблюдения и подслушивания, не говоря уже о камерах скрытого наблюдения в банках и супермаркетах. Таким образом «Уотергейт» – это симулякр. Он порождает «нужные» представления общественного сознания, но они не соответствуют истине. Совокупность симулякров создает цивилизационную «надстройку» над действительной жизнью общества. Вместе с тем **смысл этой «надстройки» заключается в том, чтобы она воспринималась общественным сознанием как подлинная действительность жизни**. И в этом случае подлинная действительность жизни утрачивает в восприятии общественного сознания свою подлинность.

Совокупность симулякров как форма цивилизационного пространства – это источник и основание специфики эпистемологии постмодернизма. Такая действительность по определению не может иметь внутренней целостности. Структура действительности может иметь лишь **видимость** целостности, но эта видимость есть миф, искусственное изобретение. Мир симулякров освобождает от тоски по Логосу, общему смыслу как пространству действительной цивилизационной целостности и субъекту – его носителю.

В этом контексте и происходит фундаментальное переосмысление функций культуры, искусства и творчества вообще. Произведение утрачивает свою фундаментальную цивилизационную функцию. Оно не несет общий цивилизационный смысл, а вместе с тем перестает быть самостоятельной ценностью: оно превращается **в товар**. Круговорот товаров как сущность жизни предъявляет общие требования и придает общую форму всему многообразию цивилизационных реалий. Иерархия этих реалий выстраивается в соответствии с общими требованиями круговорота товаров. Здесь нельзя с уверенностью сказать кто «выше» и кто «ниже» в этой иерархии – Лев Толстой, Александра Маринина, Дарья Донцова или Виктор Ерофеев – до тех пор, пока не станет очевидным, кто лучше соответствует товарной функции. Логос потребительской цивилизации всасывает в себя общественные богатства из всех сфер – науки, культу-

ры, искусства, подчиняя их себе и поглощая не только сферу духа, но и саму жизнь. Тем самым Логос цивилизации превращается в ее Молоха. Вместе с тем формируется и сословие жрецов нового Молоха – это неолибералы. Цивилизационная сущность неолиберализма заключается в признании приоритета экономической, рыночной рациональности. Такая рациональность не оставляет теоретического места для признания сакральности человеческой жизни. Человек в своей сущности становится товаром в ряду других товаров со всеми вытекающими отсюда цивилизационными последствиями. Это – исходная предпосылка переосмысления оснований духовности общества.

Цивилизационное пространство потребительского общества, подвергая эрозии Логос цивилизационного смысла, ставит на одну плоскость высокое и низкое. И этот процесс как бы подтверждает реальность действия цивилизационной плеромы.

Человеческое понимание цивилизационного пространства как вертикали, определяющей духовное восхождение по пути Абсолютной идеи, выглядит романтическим заблуждением. Философ гегелевского типа должен быть вытеснен из сферы истинного цивилизационного знания. Постмодернистский художник или писатель, полагает Жан-Франсуа Лиотар, занимает положение философа; они не стремятся воссоздать цивилизационную реальность, а лишь изобретают намеки на представимое, которое нельзя воплотить. Симулякр выполняет функцию суррогата цивилизационного смысла, морального порядка и порядка социальной жизни. Он становится ключевым звеном социального управления и формирования общественного сознания. Социум симулякров определяет форму постиндустриального общества. Определяя доминанты общественного сознания, социум симулякров формирует постоянную потребность в обновлении мифологии смыслов. Не случайно государственные посты, в том числе и высшие, начинают занимать выходцы из артистической среды и даже из художественной самодеятельности. Их функция – создание воображаемых высших смыслов в альтернативах «империй зла» и «миров свободы», «застоя» и «невиданного социального и экономического прогресса», «произвола субъективизма» и «диктатуры закона».

Вместе с тем возникает константная реальность социума симулякров. Жан Бодрийяр в этом контексте анализирует функцию Диснейленда как символа общенациональной сущности Америки. В Диснейленде фантастические создания сочетаются с религиозным этосом что, по выражению Бодрийяра, рождает наслаждение действительной Америкой. В Диснейленде все американские ценности представлены в миниатюре; это дайджест американского образа жизни и вместе с тем идеализированное представление противоречивой действительности, созданное для того, чтобы вдохнуть новую жизнь в старые выдумки. Человек начинает черпать смысл из детского мира, из воображаемой реально-

сти, которая существует и сама по себе не является ни истинной, ни ложной, но формирует веру в то, что американский образ жизни не утратил свой смысл. Распространение Диснейлендов по всему миру свидетельствует о том, что создание константного симулякра – явление международное.

Трудности эпистемического анализа заключаются в том, что в действительной жизни феномен симулякра начинает совпадать с реальным ходом событий и воспринимается как реальный ход событий. Ограбление банка и симуляция ограбления банка вызовут идентичную реакцию полиции, хотя во втором случае симулянты будут пользоваться не настоящим оружием и не будут стремиться к овладению банковской наличностью. Поскольку симулякр воспринимается общественным сознанием как действительность жизни, идеологическое воспитание и борьба идеологий теперь переносится в сферу действительности симулякров. Имея перед собой двойную действительность – реальной жизни и симулякров, общественному сознанию приходится делать своеобразный выбор между верой в реалии потребительской цивилизации и верой в реалии симулякров. Соответственно информационные службы также оказываются перед двусмысленными ориентирами. Соперничество комментаторов и телеведущих наглядно свидетельствует о двойственности истины в реалиях потребительской цивилизации.

Свойства цивилизационного пространства симулякров вносят свою коррекцию в отношение к истине и не-истине. Адекватное эмпирическое восприятие симулякров совпадает с не-истиной, а истина требует выхода за пределы их эмпирической реальности. Четкость различения истины и не-истины исчезает. Размываются и четкие критерии различения добра и зла. Диснейленд, например, как место отдыха и развлечения – это благо, но как симулякр, формирующий иллюзорное восприятие цивилизационной реальности, – это зло. Разоблачение президентских манипуляций с подслушиванием – это торжество добра, истины и права. Однако массированное насаждение иллюзорного восприятия политических реалий путем раздувания этого скандала – очевидное зло. Универсалии Разума, как и вся ментальность, родившаяся в эпоху модерна, дают сбой при столкновении с такими реалиями.

Аналогичная ситуация стала складываться с защитой универсальной истины прав человека. Как оценивать действие правозащитника, если он является инициатором агрессии, влекущей за собой человеческие жертвы и разрушения материальных ценностей? С другой стороны, применима ли истина универсальных прав к серийным убийцам, насильникам и террористам? При ответах на такие вопросы возникают нравственные и теоретические тупики. Проект, основанный на универсалиях Разума, оказываясь в ситуации прикрытия мира симулякров, порождает настроения интеллектуального пессимизма. Интеллектуалы готовы послать «ко всем чертям» этот мир, поскольку он не соответствует тому проекту, который они воспринимали как единственно истинный. Эпи-

стемологию постмодернизма можно рассматривать как психологическую терапию для интеллектуалов, способствующую примирению с современным миром.

Вместе с тем возникает вопрос, разве не сами интеллектуалы, двигая прогресс отдельных наук и громя «предрассудки» исторических культур, подготовили эту ситуацию? На самом деле, в универсалиях Разума они видели основание новой целостности цивилизации. Однако основные усилия рационального знания были направлены на достижение практических успехов в упорочении власти человека во всех ее многообразных проявлениях. Такой подход не мог не отразиться и на определении цивилизационной стратегии. Стратегии стали сводиться к определению перспективных политических целей и средств, позволяющих усиливать власть человека над миром. *Возрастание власти стало отождествляться с прогрессом*, что привело к коррекции в истолковании истины, а вместе с тем и духа современной цивилизации. «Принцип перформанса», которого придерживается постмодернизм, стал логическим выражением этого духа, ставящего успех выше и объективной, и нравственной истины. Соответственно понимание цивилизации как оптимальной для данного времени и места гармонии отношения человека и природы, человека и другого человека, как равновесия, обеспечивающего цивилизационную стабильность, стало вытесняться из общественного сознания. В игнорировании истины цивилизационной гармонии заложена неизбежность создаваемого самим человеком апокалипсиса. И в этом нельзя не видеть следствий позитивистской ментальности.

Позитивизм проделал большую работу, чтобы доказать, что совокупность конкретных наук заменяет собой общий цивилизационный разум. Это была фатальная теоретическая ошибка. Сущность этой ошибки заключалась в игнорировании сакральности цивилизационной гармонии, устанавливающей ценностный приоритет самости цивилизации в жизни человека.

Для позитивистского рассудка цивилизационный смысл таких понятий как гармония неба и земли, лука и лиры, метафор, фиксирующих вечность цивилизационных образований в качестве «центра поднебесной», «вечного города», «святой Руси» и т.д. – это лишь ненаучные фантазии. При этом не принимался во внимание тот факт, что на основе этих фантазий формировалась цивилизационная иерархия ценностей, духовно консолидировавшая народы и государства.

Вместе с тем нельзя отрицать, что, презрев сакральные ценности и гармонию, постмодернизм внес в бытие механизм нейтрализации идеологического экстремизма и фанатизма. Расширяя горизонты науки, он одновременно продемонстрировал, что отдельная наука при всей точности описания конкретных целей и механизмов их достижения не может видеть целого цивилизации. Это обусловило мощнейшую тенденцию синтеза наук. Так, биология и физика, изучавшие неорганический и органический миры, соединяются в биофизике. Рож-

дается молекулярная биология как результат слияния химии и биологии. Синтетические процессы затрагивают и гуманитарное знание. Эрнст Кассирер, например, при рассмотрении философии символических форм, объединил в целое исследование мифологии, теории языка и природы научного знания. По сути дела это была предпосылка рождения культурологии как науки. Исследователи отмечают специфическую черту работ Мишеля Фуко, которые невозможно отнести к какой-либо одной области знания, поскольку в них сливаются воедино философские, культурологические, социологические и исторические подходы. Это – теория в широком смысле слова.

Особенно продуктивным оказалось слияние культурологии с этнографическими исследованиями. Классические работы Лесли Уайта, Клиффорда Гирца, Рут Бенедикт открывали новые перспективы в интерпретации цивилизационной реальности⁷.

«Смешение» теоретических дискурсов, нарушавшее традиционную дифференциацию аналитического знания, совпадало со «смещениями» ранее различных и даже противоположных сфер культуры и жизни. Характерны в этом отношении новые тенденции в архитектуре. Так, Фредрик Джеймисон относит к постмодернистским зданиям центр «Бобур» в Париже и «Итон Сентер» в Торонто. Наиболее же рельефно специфика новой архитектуры, по его мнению, выражена в отеле «Бонавентура», построенном в новом деловом центре Лос-Анджелеса. Отель «Бонавентура» – это **город в миниатюре**, многофункциональное сооружение, как бы замкнутое, самодостаточное цивилизационное образование, которое обладает своей ценностной системой и диктует индивиду свои правила жизни. Целостность цивилизации «возвращается» в своих локальных формах, но возвращается таким образом, что становится самодовлеющей и подчиняющей себе человека, не считаясь с ним как индивидуальностью, с его возможностями и пределами.

Фредрик Джеймисон отмечает возникающий опасный разрыв между телом и предлагаемой для него новой рукотворной средой. Вместе с тем этот разрыв оказывается символом той многонациональной, децентрализованной сети коммуникаций, которая возникает в странах современного мира и которая становится малопонятной и не соответствующей сущности индивидов, попадающих в чуждую для них цивилизационную среду⁸.

Постмодернистское искусство отражает этот реальный процесс разрушения гармонии и дегуманизации цивилизационной среды. Дегуманизация цивилизационной среды имеет своим следствием вытеснение высокой культуры с традиционно занимаемых доминирующих позиций. В обществе, превращающем творения и природы, и человека в отходы, кажется вполне оправданным рождение таких произведений искусства как «Банки супа Кэмпбеллз» художника Энди Уорхолла. Этот процесс принимает формы поп-арта, смещения элитарного и массового в искусстве. Массовая культура становится суррогатом цивилизационной

целостности, «соединяющим» индивидов не внутренне, а внешне – в общих пространствах стадионов, телешоу, спортивных мероприятий, шествий и парадов. Эта целостность распадается после окончания соответствующего мероприятия.

Происходит радикальное изменение в качестве цивилизационного субъекта. Человек, сформированный традицией определенной цивилизационной среды, оказывается в ситуации цивилизационной «невесомости». Новая ситуация рождает цивилизационный стресс, социальный и нравственный хаос ориентаций.

Квинтэссенцией цивилизационной мысли модернизма можно считать идею создания «нового человека», а затем и «сверхчеловека», не имеющего никаких реальных связей с цивилизационным пространством, ломающего все стереотипы, утверждающего совершенно новые формы жизни. Попытки политиков определить радикальные средства и практические формы создания «нового человека» и «сверхчеловека» сопровождались глубокими цивилизационными деформациями. «Преодоление» постмодернизма, о котором сегодня много говорится, не может сводиться к отвержению тех или иных его философских, теоретических познаний. Речь идет об определении путей преодоления двойственности, расщепленности цивилизационного пространства общества, рождения целостности, которая станет объективным основанием возрождения цивилизационной гармонии и иерархии ценностей.

Цивилизационное целое – это специфическая субъект-объектная реальность⁹. Объективная реальность обретает смысл в своем отношении к субъекту, его бытию. Соответственно эта реальность получает позитивный или негативный знак. Но и субъект в своем реальном отношении к миру вынужден считаться со свойствами объективности. В этом взаимодействии возникает третья – цивилизационная реальность. В сущности этой реальности заключена система цивилизационных отношений, образующих «свой мир» человека. Совпадение различного как свойство человеческих отношений здесь переносится на **всю реальность**, как реальность единого цивилизационного субъекта. Очеловечение мира – это путь выживания человека и непрерывного формирования «третьей реальности» как основания стабильности цивилизации. Она становится и исходным основанием, и результатом адекватного цивилизационного творчества. На ее основе и возможно понимание творческого процесса как процесса поиска и формирования соответствия цивилизационного субъекта и объективности. В этом процессе измерения исторического времени – прошлое, настоящее и будущее – обнаруживают свое органическое единство.

В отличие от адептов модернизма теоретики постмодернизма не ставят радикальную задачу создания нового человека, разрывающего все связи с историческим прошлым, с традицией. Они обнаруживают свое специфическое понимание традиции и свое отношение к историческому времени.

3. Пастиш: «Восстановление» единства исторического времени

В постиндустриальном обществе сохраняется внутренний разрыв логоса потребительской цивилизации с ценностями традиционных цивилизаций, руководствующихся иными высшими смыслами. Вместе с тем, казалось бы парадоксальным образом, реальность социума симулякров, характерная для постиндустриального общества, объективно подталкивает к позитивному восприятию тех образов, которые рождены традиционными культурами. Прошное оказывается незаменимым строительным материалом для социума симулякров. Это – реальная почва постмодернизма.

Модернизм утверждал концепцию нового человека в силу убеждения, согласно которому новый человек, и только он, является носителем универсальной цивилизационной истины, которая будет в конечном итоге принята всеми, всем благодарным человечеством.

С этой точки зрения цивилизационные традиции представлялись как кошмар, довлеющий над человечеством, как гири, сковывающие свободное и разумное движение народа. Разрыв исторического времени, как единства настоящего с прошлым и будущим, с этой точки зрения представлялся нравственно и цивилизационно оправданным.

Абсолютизация Просвещением идеи Прогресса порождает интеллектуала, олицетворяющего собой принцип критического разума, как противостояния всем тем, кто полагался носителем прошлого, хранителем традиций. Этот разум нередко находил свое конкретное воплощение в публичных манифестах, ярким примером чего в России были известные «Философские письма» П.Я. Чаадаева¹⁰. Неприятие интеллектуальной критики приводило к естественному заключению: все социальное окружение критической личности является носителем общей **глупости**. Критическая личность испытывает лишь одно чувство, а именно – горе от своего ума. Индивидуальный ум, самоутверждаясь, по-своему требовал радикальной перестройки исторически складывающегося цивилизационного мира. И этот процесс не имел конца, поскольку каждый новый индивидуальный ум требовал **своего** самоутверждения.

Вместе с тем представляется далеко не случайным рождение массовых тенденций ренессанса религиозных представлений, основания которых казалось бы окончательно рухнули под воздействием прогресса науки. Дело в том, что сам Логос потребительского общества вызывает к жизни массовую тенденцию поиска персональных смыслов, сакрализующих жизнь человека. Они ищутся повсюду, в том числе и в историческом прошлом. Обращение Запада к ментальности Востока, к древним цивилизациям обретает все более широкий общественный интерес. Соответственно происходит изменение отношения к модернистскому разрыву с предшествующими историческими эпохами. Критический разум теперь должен обретать новые направления своей деятельности и новые

отправные пункты оценок цивилизационных реалий. Проблема отношения к историческому прошлому в этом контексте оказывается одной из ключевых. Методичное разрушение исторически возникающей, гармонически организованной субъект-объектной реальности, составляющей субстанцию цивилизации, рождает потребность в создании заменителя этой субстанции. Социум симулякров и играет роль такого заменителя, в котором происходит парадоксальное смешение добра и зла.

С рождением социума симулякров перед интеллектуалом возникает проблема смысла его деятельности. Может ли подлинный интеллектуал стоять на страже симулякра? Или его функция должна носить критический деструктивный характер? В этом случае интеллектуал из созидателя симулякра превращается в его разрушителя.

Не определив, что означает расщепление субстанции современной цивилизации, интеллектуал попадает в смысловой вакуум, утрачивает ориентиры своей деятельности. В этом случае интеллектуальная деятельность совпадает с формированием и обновлением образов, формирующих паутину смыслов, на которой человек может удерживать самого себя в этом мире. Специфика ситуации здесь состоит в следующем: сохранение современной цивилизации требует удержания общества в цивилизационном пространстве симулякров; вместе с тем это означает формирование потребности в новой социальной психологии, которая позволяет уживаться с миром симулякров и испытывать в них постоянную потребность. Такова ключевая задача современной массовой культуры. Массовая культура – это наркотический духовный мир современной цивилизации.

Традиционные представления отталкиваются от видения цивилизации как единого целого. Современная цивилизация, однако, не является единым целым. В этой связи и возникает теоретический вопрос как относиться к такой цивилизации?

Среди постмодернистов на эту проблему попытался дать свой теоретический ответ Жан-Франсуа Лиотар. Он отчетливо видит суть проблемы и ставит вопрос: какая целостность цивилизационной жизни имеется в виду? То ли целостность, которая открыта гегелевской феноменологией духа, то ли целостность, обусловленная представлением о единстве конца истории и носителя этого конца – исторического субъекта. В этих требованиях единства и целостности Лиотар видит пафос регулирования, популизма и стремления вернуть художников и писателей в общество, а если оно считается больным, то дать им поручение **лечить** это общество. Иными словами, с признанием целостности цивилизации Лиотар связывает лишение интеллектуала его свободы. Определение целого опутывает интеллектуала цивилизационным долгом, обязанностью служить определенным ценностям. И нет никаких гарантий, что такая служба будет утверждать в обществе добро, а не зло. Разве универсалии Разума не

были нацелены на утверждение абсолютного добра? Казавшаяся безусловной и освобождающей сила Разума в своем безоговорочном самоутверждении родила, однако, гильотину якобинской диктатуры. Правомерно предположить, что гильотина становится неизбежным следствием обращенности цивилизационных истин модерна в будущее, стремления немедленно утвердить в реальности универсалии Разума.

Вера в абсолютную благотворность этого стремления является основанием **пародии** как цивилизационной формы преодоления всего не соответствующего Разуму как истине жизни. Пародия – это духовная гильотина нового времени. Эволюция цивилизации диктует изменения, но она требует и сохранения: что менять и что сохранять и как это делать, – функция интеллектуала.

Историческая традиция оформляет отход от священных (нравственных и социальных) символов предшествующих эпох посредством *иронии* как пути мягкого, безболезненного перехода к новым условиям жизни.

Пародия предполагает резкий разрыв, отвержение «неразумного» исторического мира целиком и полностью, без всяких компромиссов.

Историческое прошлое, поскольку оно демонстрирует индивидуальную специфику цивилизаций, их своеобразный стиль жизни, легко может становиться объектом пародии, которая придает этому индивидуальному стилю черты гротеска. Идеологи Просвещения с помощью различных публицистических, философских и литературных форм обращали чуждый их универсальному Разуму мир в «корабль дураков», формируя полное неприятие исторического мира, страх перед возможностью самоотождествления с ним. Позиция постмодернизма характеризуется попыткой определить исходный теоретический пункт размежевания с модернизмом. И это естественно.

Если мы отрекаемся от культа Разума как пускового механизма духовной гильотины, то тогда следует определить новую исходную позицию, те интеллектуальные формы, которые стоят выше культа Разума. Исходную точку такого преодоления и пытается определить Лиотар. Если универсалии Разума, считает он, можно определить как метанарратив, то постмодерн должен утверждать свою истину, которую Лиотар определяет как «недоверие к метанарративам»¹¹. Очевидно, что в недоверии самом по себе не содержится какой-либо содержательной платформы. В этом контексте представляется малоубедительной полемика Лиотара с Хабермасом, который полагает, что злоключения модерна связаны с тем, что он позволил **распасться целостности жизни**, допустил распад знания на отдельные специальности, увидев в этом процессе прогресс эпистемологии.

Очевидно, однако, что специализацией научного знания нельзя объяснить цивилизационный кризис. Дело в том, что цивилизационная целостность определяется системой объективных взаимозависимостей, взаимодействий человека и природы, человека и другого человека и, соответственно, осмысленным от-

ношением к исполнению взаимных долгов и обязательств в системах межличностных, семейных и родовых, социальных и государственных отношений. Следование принципу исполнения долга и есть основание общих форм поведения, а значит и цивилизационной целостности.

При этом на каждом этапе своей эволюции цивилизационный субъект находит реальные пути и средства сохранения гармонии цивилизационной структуры внутри себя и с внешней средой. Среда входит в цивилизацию этой гармонией отношения с человеком. Каждое новое поколение получает от прошлого основы гармонизации своей жизни или, напротив, источник глубоких противоречий. Постмодернизм утверждает в качестве отправной точки, которая может помочь освободиться от представления о тотальной «глупости» предшествующих исторических эпох, преодоление пародии как формы отношения к историческому прошлому.

Именно этот момент в постмодернистской позиции оказался в центре внимания известного американского аналитика Фредрика Джеймисона.

Джеймисон выявляет **логику** неизбежного отхода от пародии как формы отношения к историческому прошлому. Он иллюстрирует эту логику на примере культуры. Как это ни парадоксально, но пародия, как орудие борьбы просвещения с миром глупости и невежества, оборачивается против самой культуры модерна.

Культура модерна, отмечает Джеймисон, требовала от художника **создания своего индивидуалистского стиля**. Великие писатели-модернисты (такие, как У. Фолкнер), великие философы (такие, как Хайдеггер и Сартр), великие композиторы (такие, как Малер и Прокофьев) вырабатывали уникальные индивидуальные стили. Ван Гог, Пикассо, Кандинский, Петров-Водкин, Сальватор Дали создали свои стили в живописи.

Уникальность стиля позволяет создать на него пародию, рождающую впечатление насмешки над избыточностью или эксцентричностью в сравнении с привычными формами восприятия.

Любая пародия, подчеркивает Джеймисон, предполагает наличие общей нормы, контраст с которой и становится предметом пародии. Универсалии разума, как общая норма, казались истинным критерием устаревших традиций. Но как быть с уникальными явлениями культуры? Разве можно их «уложить» в прокрустово ложе универсалий?

В этом контексте понятен тот вопрос, который ставит Джеймисон: что происходит, если **исчезает вера в существование нормы**? Происходит неслыханная фрагментация культуры, ее распад на частные миры, на скопление индивидуальных стилей, а каждая социальная и профессиональная группа начинает говорить на своем особом языке, каждая личность превращается в отдельный от всех лингвистический остров. Вместе с тем стиль пародии утрачивает свою универсальную основу. Пародия, отмечает Джеймисон, делается

невозможной. А это означает и глубокое изменение отношения не только к культурным и иным различиям, но и, что весьма существенно, – к индивидуальным особенностям цивилизационного прошлого. Возможность имитации прошлого, как всякого культурного иного, не исчезает, но ее смысл и ее знак меняются кардинально.

Джеймисон приходит к выводу, что в позиции постмодернизма пародию вытесняет **пастиш**! Пастиш, считает Джеймисон, – это важнейшая черта постмодернизма¹². Пастиш, как и пародия, использует имитацию, подделку чужих стилей. Но это имитация без сатирического импульса, без смеха. Обращенность самосознания к историческому прошлому и реликтовым культурам есть вместе с тем и признание исчерпания новаторских стилистических возможностей модерна. Все уникальные комбинации испробованы и остается только пользоваться возможностями цивилизационного музея. В этом контексте показателен анализ тех тенденций, которые выявились в различных сферах культуры. На них отчетливо указывает Ф. Джеймисон. В кинематографии это «ностальгическое кино» или, как говорят французы, – кино в стиле ретро. Даже такой «новейший» кинофильм как «Звездные войны» оказывается пастишем сериалов 30–50-х годов XX столетия, где действуют злодеи-иностранцы и герои-американцы и где попадающие в беду герои в заключительных кадрах находят разрешение всех драматических проблем¹³.

Утверждение пастиша – это симптом поворота цивилизационного сознания к прошлому с чувством своеобразной открытости, готовности ассимилировать формы его образа жизни, «переварить» их и превратить в измерения современной жизни. В этом процессе происходит встреча цивилизационной реальности настоящего со своим историческим прошлым. Однако эта встреча не означает органического слияния с цивилизационной сущностью прошлого. Прошлое становится необходимым для настоящего как богатая совокупность масок, которые можно использовать для того, чтобы облагородить настоящее или скрыть его цивилизационную пустоту. В этой связи трудно согласиться с мнением Терри Иглтона будто постмодернизм не отказывается от пародии, а, напротив, его сущность состоит в том, что он пародирует не что иное, как революционное искусство авангарда XX в., представляет собой нездоровую насмешку над революционностью авангарда и в итоге превращает произведения искусства в товар, окарикатуривая идею авангарда об интеграции искусства и общества.

Как представляется, проблема гораздо сложнее. Карикатурный стиль искусства постмодерна – это отражение реальной онтологии современной цивилизации, ее дегуманизирующего характера. Вместе с тем это и действительная тотальная вульгаризация интеграции искусства и общества, когда вульгарные формы жизни могут открыто выставлять себя в качестве предметов искусства.

Эти процессы означают забвение цивилизационным субъектом своей главной функции. Под сомнением оказывается и его собственная сущность как действительного цивилизационного субъекта.

Массовый поворот к духовному прошлому – это симптом признания того, что в прошлом содержится цивилизационная истина, которая забыта в настоящем. В силу этого прошлое освобождается от своей временной специфики и представляется как продолжающееся сегодня настоящее. Это кажется оправданным в контексте пространственной реальности настоящего, которую Джеймисон, имея в виду опыт Вьетнама, описывает как раскаленный металл, грязь, пропитанное джунглями снаряжение, пот, холодящий и снова горячий, рок-н-ролл с кассеты в одном ухе, пулеметная стрельба в другом, бензин, жара, идущие рядом жизнь и смерть¹⁴.

Ситуация войны оказывается удивительно схожей с ситуацией мирной жизни. В ситуации войны, отмечает Джеймисон, человек все время гонится за чем-то, как будто кто-то наступает ему на пятки. Но такое же ощущение возникает и в повседневности «мирного» бытия. Погоня за собственностью, суэта в бюрократических властных коридорах, попытки увертываться от налоговой полиции, от исполнения постоянно нарастающего вала законов и распоряжений, от угроз попасть под обломки рушащихся финансовых пирамид и банков, под каток все новых и новых реформ – все похоже на постоянные сражения человека за собственное выживание.

Казалось бы, американцы внутри страны в отличие от ситуаций периодических войн за ее пределами, ограждены стеной экономической и социальной стабильности. Однако 11 сентября трагедия Нового Орлеана развеяла и эту иллюзию.

Современный человек находится в постоянном движении к мерцающим целям, в погоне за чем-то кажущимся ему реальным и крайне важным, а в итоге он оказывается перед пустотой миражей. Уход в стабильное прошлое также оказывается уходом в мир иллюзий, а суетливая погоня за целями в постоянно меняющихся ситуациях не рождает уверенности в стабильности настоящего и торжестве светлого и надежного будущего.

4. Парадоксы прогресса

Сопоставление цивилизационных смыслов эпох модерна и постмодерна выявляет парадоксальную закономерность: чем быстрее и чем дальше прогресс уводит современность от исторического прошлого, тем острее ощущается потребность в обращении к опыту традиционных цивилизаций. Только так мы на-

чинаем видеть те «невидимые» причины, которые своим малозаметным действием приводят цивилизации к коллапсу.

На поверхности современной жизни мы фиксируем тот очевидный факт, что постмодернизм отражает и выражает происходящие в мире глобальные изменения. В этом контексте его можно рассматривать как продукт глобализации, взаимопроникновения цивилизаций и утраты локальными цивилизациями своей былой замкнутости. С этой точки зрения, постмодернизм – это новый глобальный проект, замещающий устаревший проект модерна, обладающий одновременно позитивными и негативными свойствами.

В чем видится эта диалектика постмодернизма?

Во-первых, постмодернизм преодолевает радикализм модерна. Он сохраняет ориентацию на универсальность, но понимает ее как легитимность всего различного. И здесь постмодернизм впадает в радикализм иного толка: он уже не различает границ истины и не-истины, добра и зла, прекрасного и безобразного.

Другим очевидным достоинством постмодернизма является толерантное отношение к историческому прошлому, к формам его культуры. Однако и здесь обнаруживается скорее утилитарное, нежели цивилизационное отношение. Прошлое для постмодернизма – это склад вещей, которые могут быть использованы в соответствующих ситуациях современной жизни.

Как оказывается, постмодернизм имеет внутренние связи с модернизмом, хотя изначально он выступает как его преодоление. Такие фундаментальные черты постмодернизма как пастиш, можно обнаружить и в произведениях классического модернизма. Как отмечает Джеймисон, разница состоит лишь в том, что в модернизме они являются подчиненными, а в постмодернизме становятся доминирующими. Новое качество постмодернизма возникает как раз тогда, когда второстепенные в прошлом черты начинают определять культурное производство. О постмодернизме как новом этапе, по мысли Джеймисона, можно также говорить, поскольку модернизм, будучи в своей сущности протестным, эпатажным, ассимилируется обществом и в 60-е годы XX в. превращается в составную часть академического истеблишмента.

Постмодернизм замещает собой модернизм не как протестная, провокационная, оппозиционная форма культуры, а в иной ипостаси. Парадоксальным образом это та ипостась, которую обрел модернизм, превратившись в составную часть истеблишмента.

Однако несет ли что-то новое постмодернизм как явление философского отношения к миру? И здесь нельзя не видеть, что крайний релятивизм постмодерна – это своеобразное завершение модернистского проекта создания нового человека, свободного от традиций и исторических связей. Это завершение можно определить как эпистемический антропоцентризм. В основе его лежит логически последовательное рассуждение: если я знаю, что могу уме-

реть в любой момент времени, то я должен действовать так, чтобы доставить себе любой ценой максимум удовольствия здесь и теперь. Это – стратегия жизни, которая отвергает цивилизационные истины.

Цивилизационные истины, которые несут на себе многовековую печать исторического прошлого и ориентируют человека на такую стратегию его индивидуальной жизни, которая способствует стабильности **бытия рода**, с этой точки зрения представляются не имеющими для индивида реального практического смысла. Они могут использоваться не как цель в себе, а как средство достижения успеха в карьере, в пиар-кампаниях, в маскировке истинных целей, политической рекламе. Эпистемический антропоцентризм соответствует реалиям жизни, в которых происходят постоянные перемены, стирающие традиции, формируется сознание, ориентированное на настоящее как непрерывную смену ситуаций. Соответственно и средства массовой информации быстро превращают в прошлое всякие события, служат агентом исторической амнезии. Вот почему пастиш постмодернизма – это не легитимация исторического знания как актуального цивилизационного опыта и не восстановление единства прошлого, настоящего и будущего как истины традиции цивилизационного целого, а создание предпосылок исторической, а значит и цивилизационной **амнезии**. Человек теперь готов быть **всяким**, если это отвечает его стремлениям «здесь и теперь». Это – истина его жизни, которая, как ему теперь представляется, дает конкретный и четкий ответ на вопрос: как мне нужно жить и действовать сегодня в данный момент времени в данной конкретной ситуации. С этой точки зрения Универсалии Разума, образующие онтологию цивилизационной жизни и духовный стержень цивилизационного субъекта, превращаются в пустые фантазии, в миф. Поскольку постмодернизм разрушает те основания, на которых исторически рождаются истины цивилизационного сознания, индивид, следующий тому пути, который проложен постмодернизмом, неизбежно попадает в поток сознания, влекущий к разрушению всех плотин и ограничений, которые превращали отдельного, лишенного всякой цивилизационной мудрости индивида в отца семейства, воспетую поэтами и художниками мадонну, формировали чувство гордости за благородные дела предков, внушали гражданскую доблесть и воинское мужество.

Следуя постмодернистской логике, цивилизационное мышление нельзя считать основанием свободы: оно оказывается «репрессивным» по своей сути. Тезис Декарта – *cogito ergo sum* – в цивилизационном контексте означает, что как только субъект перестает нести в себе цивилизационные ценности, он исчезает и сам. Мысль, следовательно, существую. Не мыслящий в этом смысле не есть цивилизационный субъект. Он всего лишь биологическое существо, хотя и обладающее индивидуальным сознанием.

В этом контексте возникает вопрос о социальных предпосылках рождения постмодернизма не только с точки зрения глобальных тенденций взаимопро-

никновения цивилизаций, но и с точки зрения внутренней эволюции постиндустриального общества. Куда ведет человека самосознание этого общества? Если постмодернизм – это составная часть новой стадии общества, общества потребления, общества быстрой смены качества товаров, моды, стилевых перемен в различных сферах жизни, то нетрудно отсюда вывести его эпистемологию, разрушающую цивилизационные константы и так называемые метанарративы. В основе этой эпистемологии – голая самоуверенность индивида в том, что он с самого начала и до конца своих дней был, есть и остается носителем единственной в своем роде истины жизни.

При определенных обстоятельствах эта форма сознания начинает охватывать все более широкие массы людей, так что можно говорить о психологической инфекции, которая потенциально не менее опасна, чем в прошлом оказывалась опасной инфекция бубонной чумы или испанки.

Современные политики хорошо знают военную силу ядерного оружия и экономическую силу нефти. Между тем вполне возможно, что в перспективе будут доминировать в мире те народы, которые знают силу цивилизационной истины и сумеют избежать надвигающейся цивилизационной болезни, имя которой индивидуалистическое сумасшествие.

Примечания

1. В этой связи Н.Т. Пасхарьян пишет: «Характерно, что распространившаяся в последние годы концепция "after постмодернизма" трактуется то как новое явление, родившееся в результате кризиса и смерти постмодернистского типа культуры, то как ее же поздний вариант» (Пасхарьян Н.Т. Современный французский роман на путях преодоления эстетического кризиса // Постмодернизм: Что же дальше? М., 2006. – С. 10).

2. И.П. Ильин следующим образом характеризует эту эрозию цивилизационного понимания: основные понятия, которыми оперируют апологеты постмодернизма: «мир как хаос», ... «мир как текст» и «сознание как текст», ... «кризис авторитетов», ... «провал коммуникации»... (Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН, 20015 – С. 206-207).

3. Ж.Ф. Лиотар подчеркивал, что постмодерн определяет свое положение не после модерна, а в оппозиции к нему. Составляющие этой оппозиции перечислил Н. Риу: модернистскими ценностями он назвал разум, прогресс, науку, универсализм, работу, реальность, накопление, усилие, свободу, нацию, долг, мораль и бескорыстие; постмодернистскими – плюрализм, гетерогенность, фрагментарность, глобализм, мультикультурализм, отражение, смежность, смешение, толерантность, деиерархизацию, игрищность и массовость (Riou N. Pub fiction. Société postmoderne et nouvelles

tendences publicitaires. Р., 1999. – Р. 9. Цит. по: Постмодернизм: Что же дальше? ИНИОН РАН. М., 2006. – С. 12).

4. Существует версия, согласно которой постмодернизм не находится в оппозиции к модернизму, как утверждал Ж.Ф. Лиотар. С точки зрения этой версии, модернизм – это течение, которое пролагает путь современному видению мира, а постструктуралистское и постмодернистское теоретизирование лишь переводит модернистские факты на общепринятый интеллектуальный дискурс. (См.: Ильин И.П., Цурганова Е.А. От модерна к постмодерну: Логика развития // Ежегодник. Человек: Образ и сущность. Постмодернизм: Парадоксы бытия. М.: ИНИОН, 2006. – С. 189–190.)

5. Утрата основной точки опоры цивилизации воспринимается как наступление воли хаоса. Е.В. Соколова, анализируя в этом контексте современную литературу Германии, пишет: «В пространстве, обладающем пока еще определенными (пусть и иллюзорными) этическими ориентирами (идеология противостояния двух систем), – которое приходится теперь обживать литературе, – замаячил призрак “Нового хаоса”: хаоса абсолютного, после конца мира. Идея “обживания хаоса” вновь (как и в начале XX в.) становится актуальной» (Соколова Е.В. Современная литература Германии: Поиски выхода из постмодернизма // Постмодернизм: Что же дальше? М., 2006. – С. 102).

6. Бодрийяр попытался объяснить симулякры как результат процесса симуляции, трактуемой им как «порождение гиперреального» «при помощи моделей реального, не имеющих собственных истоков и реальности» (Baudrillard J. Simulacres et simulations. – Р., 1981. – Р. 10).

7. См.: Л. Уайт. Избранное: Наука о культуре. М. РОССПЭН, 2004 г.; Избранное. Эволюция культуры. М. РОССПЭН, 2004; Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004; Бенедикт Р. Хризантема и меч. М.: РОССПЭН, 2004.

8. См.: Джеймисон Ф. Постмодернизм или культурная логика позднего капитализма. – М., 2006. – С. 283–286.

9. См.: Скворцов Л.В. Теория истины: Цивилизационный аспект. Культурология. Дайджест № 2–3. М.: ИНИОН, 2005; Скворцов Л.В. Радикальные теории истины: Возможен ли путь гармонии природы и культуры; Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Ежегодник. М.: ИНИОН, 2005.

10. П.Я. Чаадаев, будучи критиком Ренессанса и Просвещения, видевший в «философии откровения» последнее слово европейской науки, психологически был крайним олицетворением критически мыслящей личности, рожденной эрой Просвещения. Подробнее см.: Шукин В. Российский гений просвещения. М.: РОССПЭН, 2007. – С. 26).

11. Понятие метанарратив обретает свой постмодернистский смысл в контексте интерпретации «нарратива» как словесного вымысла, содержание которого столь же придумано, сколь и найдено, и формы которого имеют гораздо больше общего с литературой, чем с наукой (White H. Tropics of discourse. – Baltimore, 1978. – Р. 82). «Отсюда и тот переворот в иерархических взаимоотношениях между литературным и нелитературным: оказывается, что только литературный дискурс или литературность любого дискурса и делает возможным наделение смыслом мира и нашего его восприятия» (Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов, М.: ИНИОН, 2001. – С. 149).

12. На первых порах пастиш (фр. pastiche) трактовался как редуцированная форма пародии, либо как фантазия и самопародия. Термин возник на основе итальянского pasticcio (опера из отрывков других опер, смесь, попури, стилизация) (см.: Постмодернизм. Словарь терминов, с. 189). Считается, что именно Джеймисон дал наиболее авторитетное определение пастиша как основного модуса постмодернистского

искусства. (Jameson F. The political unconscious: Narrative as a socially symbolic act. - Ithaca. 1981).

13. См.: Джеймисон Ф. Постмодернизм... - С. 279-281.

14. Там же. - С. 290.

Е.Б. Рашковский

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ СУДЬБЫ РОССИИ

Рашковский Евгений Борисович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН.

И мир, и отдельные страны имеют свои «вечные темы». У России одной из них является тема ее цивилизационной идентичности, стимулирующая дискуссии на каждом новом витке движения научной мысли. К такого рода дискуссиям относится и обмен мнениями в ходе научной конференции «Российская цивилизация в глобализирующемся мире», состоявшейся 15–16 ноября 2006 г. в стенах Института мировой экономики и международных отношений в рамках рассчитанного на несколько лет научно-исследовательского проекта ИМЭМО «Мировые цивилизации в глобализирующемся мире» (руководители – В.Г. Хорос и Е.Б. Рашковский). Первый день слушаний был посвящен проблемам основополагающих ценностей и институтов российской цивилизации и ее исторической динамике, а день второй – ее современным судьбам.

Вообще, само понятие «Российской цивилизации» воспринималось многими участниками конференции по-разному: для одних Российская цивилизация выглядела как безусловная культурно-историческая данность – наравне с иными цивилизациями прошлых эпох и нынешнего времени, для других – как своеобразный развернутый фланг более широкой цивилизационной общности Европы, для третьих – как особый, непрерывно ищущий, но так и не вполне нашедший адекватных себе форм самоорганизации и самосознания человеческий континент. Но все участники конференции так или иначе сходятся в том, что великий и так и не определивший самого себя пространственно-временной человеческий массив по имени Россия заслуживает тех форм осмысления и описания, которые отработаны в мировой цивилизационной историографии и, в ча-

стности, в тех трудах и исследованиях, которые были вложены в наш собственный проект¹.

Так что категория «Российской цивилизации», которая употребляется на страницах этой обзорной статьи – категория условная, но эвристически небесполезная, если не сказать – эвристически необходимая.

В основу обзора положены, во-первых, представленные конференции препринты докладов, а, во-вторых, мои записи выступлений ее участников. Вниманию читателей предлагается не последовательный пересказ докладов и прений, а изложение теоретической сути рассматривавшихся на конференции проблем.

Откуда «есть пошла Русская земля»?²

Акад. Н.А. Симония выделил три средневековые исторические вектора развития России:

- феодально-аристократический вектор развития Юго-Западной Руси, исторически сошедший на нет³;
- церковно-аристократический республиканизм Северо-Западной Руси, уничтоженный натиском Московского государства;
- «государственный феодализм» Северо-Восточной Руси (то бишь Владимиро-Суздальской, а следом за ней и Московской), причем «феодализм» особый, условный, без строгих аристократических привилегий и без автономии городов.

Вопросу о ранних цивилизационных предпосылках России был посвящен доклад И.Н. Данилевского (Институт всеобщей истории РАН) «Российская цивилизация. Истоки. Базовые ценности. Институты». Речь шла о трех ключевых

1. См.: Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Мировые цивилизации и современность // Россия-Запад-Восток. К 70-летию акад. Н.А. Симония. – М., 2002. См. также: Рашковский Е.Б. На оси времен. Очерки по философии истории. – М., 1999. – С. 116–132.

2. «Се повести времяньных лет, откуда есть пошла Руская земя...» – начало «Повести временных лет» по Лаврентьевской летописи (<http://www.krotov.info/acts/12/pvl/lavr01.htm>). Обоснование этого начала см.: Данилевский И.Н. Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. – М., 2004. – С. 232.

3. Здесь было бы уместно некоторое уточнение. Ополяченная в период Контрреформации русская и русско-литовская аристократия стала существенным фактором государственного строительства последних веков Речи Посполитой, а после разделов Польши – Габсбургской империи. Элементы своеобразной «магнатской демократии» – хотя и через множество опосредований и уже в условиях индустриального общежития – воспроизвелись в политическом облике нынешней «незалежной» Украины.

контекстах цивилизационного становления России: природно-экологическом, общем индоевропейском и конфессиональном, связанным с православной ветвью восточного христианства⁴.

Если первому контексту посвящена обширная литература, то общая индоевропейская, а также угро-финская и тюркская цивилизационная «прапамять» России исследована еще недостаточно. Серьезные описания балто-славянских и скандинавских народов в мировой историографии начинаются лишь где-то с VI в. н.э.; памятники славянской языческой мифологии и эпоса до нас почти не дошли; реликты дохристианских эпох истории славянства отчасти зафиксированы этнографами XIX – начала XX в. Однако этот слой исследований во многом определяется опытом западноевропейской этнографической мысли Нового времени. Более благополучно обстоит дело с лингвистическими исследованиями⁵; но эта область знаний еще только начинает приоткрывать свои богатства.

Но вот контекст религиозного самоопределения России и связанной с ним письменной культуры несравненно более изучен и богат. Православный, восточно-христианский выбор Руси X столетия дал ей богатый и разнообразный язык самоформления и самопознания. Язык, отчасти сроднивший Русь с цивилизационным и духовным опытом античности, Византии, иудаизма и вневизантийских направлений восточного христианства, а также и собственно Востока – от гностицизма и ислама до махаянистского буддизма⁶. Восточно-христианский выбор Киевской Руси знаменовал собой воздвижение определенного цивилизационного барьера между Русью и миром западного христианства, но этот парадоксальный барьер, по мнению И.Н. Данилевского, оказался *проницаемым*, что во многом определило многие цивилизационные парадоксы российской истории – парадоксы незавершенные, открытые и трудно поддающиеся теоретическим формулировкам.

Восточно-христианский выбор Киевской Руси предопределил не только глубину религиозного и эстетического опыта древнерусского человека и не

4. Характерное для части историографии и тем паче публицистики отождествление российского православия с «христианским Востоком» – не вполне корректно. Под понятие «христианского Востока» подпадает не только православный мир, но и пестрый и своеобразный многомиллионный человеческий мир так называемых «дохалкидонских» церквей – от Египта и Эфиопии до Малабара. Мир, обросший огромными диаспорами в Старом и Новом Свете.

5. Здесь можно вспомнить лингвистические реконструкции по истории балто-славянских древностей, принадлежащие Р.О. Якобсону, В.Н. Топорову, В.В. Иванову и др.

6. Легенда о жизни Будды трансформировалась в популярное на Руси предание о Варлааме и царевице Иоасафе. Изысканную фреску на эту тему, принадлежащую кругу Андрея Рублева, можно по сей день видеть на юго-западном столпе средокрестья Успенского собора г. Звенигорода.

только широту ареальных связей становящейся цивилизации. Византийская модель церковно-государственных отношений, да к тому же еще и наложившаяся на структуры племенного общества и на менталитет полупервобытного коллективизма, во многом обусловила подчинение духовной сферы светским интересам и, стало быть, светским государям. Но это же подчинение во многом способствовало и подчинению мелких территориальных единиц властной воле государя и – в конечном счете – отрицанию роли и значения личности конкретного «рядового человека» во властных и управленческих процессах. Так что исподволь создавались предпосылки того «правового нигилизма», который стал одной из центральных трагических характеристик истории страны⁷...

Владими́ро-Сузда́льская Русь, отметил И.Н. Данилевский, знаменовала собой первые стадии самооформления великорусской этничности, государственности и цивилизационного облика. В этой системе доминантой городской жизни оказалась не торгово-ремесленная активность, но, скорее, активность все той же властной, государственной (государевой!) «вертикали». Со времен Андрея Боголюбского «властная вертикаль» Северо-Восточной, а следом и Московской Руси опиралась не столько на «дружину», не столько на иерархию наследственной аристократии, сколько на «дворню», на государевых «холопьев». Сам формуляр челобитной *любого* подданного к московскому государю требовал начального обращения в самоуничижительной форме: «сей аз, имярек (напр.: Ивашко Петров сын Сидоров), холоп твой, челом биет...»

Эта система всеобщего холопства, т.е. личной рабской зависимости от государя, впитавшая в себя и элементы ордынских управленческих технологий, обусловила несомненный примат прямолинейной государевой власти по отношению к императивам экономики, мысли и права. А идеологической компенсацией этой прямолинейности и произвола (нередко губительных и для общества, и для власти, и для властных институтов) выступала, по словам И.Н. Данилевского, идея персонифицированного в государе государства как гаранта личного, национального и даже всечеловеческого спасения. Такова была, в сущности, идея «Нового Иерусалима»⁸, или «Нового Царьграда», или «Третьего Рима» – идея богоизбранности Руси как сакрального единства государя, государственности и подвластного им народа. Разумеется, цивилизационное собирание Руси происходило в крайне тяжелых природных, экономических, военно-политических, культурных условиях. В условиях мобилизующего произвола со стороны верхов и жертвенной самоотдачи со стороны рядовых людей.

7. См.: Данилевский И.Н. *Российская цивилизация. Истоки. Базовые ценности. Институты /Препринт/*. – М., 2006. – С. 3–5.

8. См.: Самойлова Т.Е. *Тема избранного народа в росписи Архангельского собора // Библия в культуре и искусстве*. – М., 1996. – С. 124–136.

Но, как отметил И.Г. Яковенко (Институт социологии РАН), инерции этого многотрудного процесса прошлых веков навязали процессам цивилизационно-культурного становления Руси-России слишком прямолинейные, единообразные взгляды на мир, недостаток гибкости в восприятии противоречивости, «многосубъектности», внутреннего и нелегко дающегося сознания богатства не только мировой, но и собственной национальной жизни.

А если что-то и компенсировало «перебор» властной доминанты в процессах цивилизационного становления России, то разве что, как указывал в этой связи М.А. Чешков (ИМЭМО), – некоторая малоизученная антропологическая прочность нашей условной Российской цивилизации. Та (добавил бы я от себя) антропологическая прочность, которая выстраивается на пересекающихся гранях природы, истории и того воистину культуротворческого момента человеческой действительности, который в нынешней философской литературе принято определять как момент экзистенциально-креативный⁹.

Как отметил в этой связи А.А. Пелипенко (Московский государственный университет культуры и искусств), еще в московский период нашей истории выявился некий недостаток взаимной соотнесенности, недостаток внутренней скоординированности несхожих векторов, тем и пластов человеческой жизни. И не отсюда ли, спрашивает А.А. Пелипенко, столь тяготящие русскую жизнь на протяжении веков драмы индивидуальных и коллективных фрустраций, метаний между произволом властей и анархией, драмы надрывов, запоев, психических заболеваний? И не оттого ли – слабая способность нашего общества к творческой переработке своей же собственной социальной, психологической и духовной архаики?

Но так или иначе, как отметил В.М. Межуев (Институт философии РАН), даже замкнувшийся на себе, на своей конфессиональной гордыне, внутренних болях и бунтах «Третий Рим» поздней Московии был содержательно и структурно обречен на перманентный цивилизационный диалог со столь сродной России религиозно, но столь далекой социально и институционально соседней Европой¹⁰.

Во всяком случае, сам непреложный принцип государственности как некоего организованного и институционально оформленного блага столкнулся на исходе московской фазы цивилизационного становления России с реальностью неправоупорядоченного холопско-государева священновластиа, что и обусловило турбулентный, «бунташный» характер русской жизни предпетровского и отчасти петровского времени. И одновременно – если вспомнить зафиксированное Пушкиным выражение кн. Григория Потемкина – «кнутабойское» отношение властей к собственному народу.

9. См.: Ревич И.М. «Жизнь и смерть предложил Я тебе...» – М., 2006.

10. См.: Межуев В.М. Россия в диалоге с Европой /Препринт/. – М., 2006.

Под сенью Медного Всадника

Именно эта сложившаяся еще в допетровской Руси коллизия воспроизводящих друг друга самовластия и бунтовщичества, с одной стороны, и сложных и не всегда осознанных креативных потребностей личности и общества – с другой, оказалась одной из фундаментальных цивилизационных коллизий Санкт-петербургского периода нашей истории. Данной проблеме был посвящен доклад автора этих строк, отметившего, что уже не первый век этатистская, свершавшаяся во многих отношениях крепостническими средствами петровская вестернизация критикуется в историографии как акт внешний, насильнический по отношению к России. Как акт революционного «нетерпения» со стороны самодержавной власти, со временем усвоенного и оппозиционными самодержавию силами. Трудно спорить с этой точкой зрения, если исходить из чисто российской познавательной «оптики». Однако в «оптике» глобальной структуры истории¹¹ все выглядит несколько иначе.

Когда наши исследователи работают с трудами Карла Ясперса, Тойнби или Айзенштадта, они охотно подхватывают разработанное в этих трудах учение о «первой оси истории», или о «религиозной революции» на переломе двух эр. И в этом смысле – безо всяких сомнений – Россия, с ее православным культурным хребтом – входит в число мировых «осевых» цивилизаций. Однако у Ясперса есть еще и идея «второй оси истории». Речь идет о сложившейся в Европе на протяжении XVI–XVIII столетий (от Коперника и Декарта до Канта) новой цивилизационной и – шире – глобально-исторической парадигмы, в основу которой лег принцип самоанализирующего, самокорректирующего и сознательно самоизменяющегося знания как важнейшего конструкта всей человеческой, а с ней и цивилизационной действительности. И передовыми философскими умами самой Европы (Лейбниц, Вольф, Юм, Кант, Гердер) эта качественная и неосвоенная характеристика цивилизационного развития была осознана и описана лишь на протяжении XVIII столетия.

Я бы назвал эту новую модерн-действительность цивилизацией знаний, или, если угодно, картезианской цивилизацией.

Россия, традиционное сухопутное «священное царство», но одновременно и христианская «цивилизация-сестра» Запада (выражение Тойнби) – во многом под влиянием своего внутреннего цивилизационного кризиса на протяжении XVII, «бунташного», века – столкнулась с геополитическим, техно-экономическим, культурным и религиозным давлением «цивилизации знаний» еще раньше, чем последняя сумела всерьез осознать себя. Первые, спорадические и малоуспешные попытки прорваться к «цивилизации знаний» были характерны для «двух с половиною» (включая регентство царевны Софьи) пред-

11. Понятие, обоснованное в трудах Фернана Броделя и его последователей.

петровских царствований; «петрограндизм» же (неологизм А.И. Герцена) означал крутую, насильственную, но осознанную и систематическую попытку прорваться к «цивилизации знаний», тем самым удержав страну от внутреннего распада и утвердив ее достоинство перед лицом внешнего мира. Другое дело, что этот долговременный цивилизационный порыв петровского и послепетровских царствований не мог не вступать в «разрушительное противоречие»¹² с архаическими традициями славяно-византийской (да еще и с мощной ордынкой заливной) Руси – противоречие, которое во многих отношениях не избыто и поныне.

И это противоречие реализовало себя в последующей российской истории как стремительно назревший, сквозной и всегда неоднозначный тройственный конфликт властного (по существу авторитарно-патримониального), народно-архаического и личностного начал российской жизни. Конфликт, условно говоря, Медного Всадника, безличной неукротимой стихии и петербургского жителя Евгения. Конфликт на всех уровнях жизни – культурном, общественном и собственно властном¹³.

Иными словами, процессы расширения общественного и интеллектуального поля свободы проводили в этих условиях и процессы архаизирующие и закрепостительные. Эта коллизия касалась и социальной практики, и общественного сознания и во многом определяла собой цивилизационную реальность Санкт-Петербургской эпохи. Процессы дворянской эмансипации XVIII в. вели к вящему закреплению крестьянских масс¹⁴. Великие реформы, объективно направленные на эмансипацию общества как такового, спровоцировали деструктивные силы революционного террора, а в ответ на противоречия эмансипации и террор – «накат» реакционно-романтических, а заодно и левозкстремистских идеологий и практик последующих десятилетий. Силы консервативного и революционного антимодернизаторства, воистину становились предпосылками цивилизационного раскола и скрытых, а затем и явных тенденций и практик гражданских войн XX столетия; инерция же последних прослеживается и в наши дни.

Так что санкт-петербургский цивилизационный период истории российской оказался как бы под огнем двойной исторической «критики»: «критики» со стороны наступающих форм буржуазно-урбанистического жизненного процесса, объективно ставившего под вопрос теократические, сословные и бюрократические характеристики этого периода, и «критики» со стороны архаических и

12. Ахиезер А.С. Труды. – М., 2006. – С. 472.

13. Рашковский Е.Б. Санкт-Петербургский период в истории российской: Цивилизационная динамика. /Препринт/. – М., 2006. – С. 2-3.

14. М.В. Нечкина описывала это явление как «дворянский парадокс» послепетровской истории (см.: Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. – М., 1974).

традиционных пластов общежития и сознания народов России. Причем в реальной практике жизни (например, в идеологиях революционных и черносотенных движений) обе эти «критики» могли самым причудливым и взрывчатым образом смешиваться между собой...¹⁵

Мой анализ цивилизационной динамики и исторических судеб послепетровской России, позволяет выделить следующие пять предпосылок трагической коллизии модерна и партиархальности, либерализм и консерватизма российского общества:

1. Уравнительная психология деревенского «мира», оказавшегося в неразрешимом противоречии с буржуазно-урбанистическим жизненным процессом.

2. Традиция государственного абсолютизма с его стремлением к «сырьевой» манипуляции людскими судьбами.

3. Высокая степень маргинализации – вплоть до люмпенизации – значительных пластов российского общества. Маргинализации, обусловленной не только эрозией крепостнических и полукрепостнических отношений, не только стремительным развитием буржуазно-урбанистических отношений, но и недостаточной способностью системы самодержавно-бюрократического священновласти к расширению своей социальной базы.

4. Присущие российской ветви православия мощные гностические мотивы греховности мира, человека и культуры, – мотивы, парадоксально воспроизведенные в славянофильских, толстовских, народнических и левомарксистских учениях.

5. Особая восприимчивость модернизирующихся обществ (и здесь ничего специфически российского нет) на те формы «бедного рационализма»¹⁶, которые возникали и продолжают возникать в лоне западного интеллектуально-культурного опыта (социализм, национализм, сциентизм, релятивистская трактовка мультикультурности, гендерный реванш и т.д.).

Санкт-Петербургская цивилизационная общность – особенно в период реформенного экономического и интеллектуального роста – оказалась заложницей целого ряда своих внутренних системных противоречий; прежде всего между «матрицей» традиционного аграрно-патерналистского священновласти и бурными процессами индустриально-урбанистического развития (как в Центре, так и в великорусских и этнических регионах). Частной, но исторически «роковой» формой этой несовместимости явились противоречия между системой авторитарных государственных институтов и процессами становления гражданского общества (причем последнего – иной раз в формах радикалистских и незрелых), между принципом неуклонного территориального расползания су-

15. Рашковский Е.Б. Указ соч. – С. 7–8.

16. Эта категория введена и обоснована в моих книгах и статьях по истории восточной и российской интеллигенции.

хопутной империи и императивами интенсивного внутреннего развития в условиях цивилизации знаний.

Однако всегда важно помнить: высочайшие культурные наработки Санкт-Петербургской России (словесность, искусство, наука, философия, религиозная мысль), во многом связанные с переживанием и осмыслением всех этих противоречий и с их отражением в человеческой экзистенции, стали драгоценной и неотъемлемой частью не только национально-российского, но и общечеловеческого культурного и цивилизационного творчества¹⁷.

Комментируя мой доклад, А.И. Липкин (РГГУ) высказал мнение, что элементы архаического дуализма, частые «инверсионные» – из крайности в крайность – переходы от долготерпения к бунту ничего специфически российского или же специфически «православного» в себе не содержат. Религия, как и во многих других ареалах, выступает в российской истории, в частности в истории Санкт-Петербургской поры, не столько самодостаточной и всеопределяющей силой, сколько артикуляцией социокультурных проблем. А уж если в этих социокультурных проблемах и есть нечто специфически-российское, то это прежде всего консервация застоявшегося в социальности и культуре дуализма «самодержец – массы». Но в таких обстоятельствах накапливаемый подспудом «долготерпения народного» массовый гнев и массовое нетерпение обращаются не только против «плохих» государей, но и против многочисленных слоев и институтов, объективно посредующих между властью и массами. Подведшая черту под Санкт-Петербургским периодом нашей истории *самопроизвольная социалистическая революция* знаменовала собой торжество эгалитарного менталитета крестьянской массы (именно менталитета, но вовсе не интересов! – подчеркивает А.И.Липкин)¹⁸. Но нечто подобное известно и из истории Китая, Вьетнама, Кубы..

И – опять-таки – если говорить о цивилизационной специфике России в рамках этой, по существу, глобальной закономерности, связанной с традиционно-аграрной подоплекой социалистических революций на ранних стадиях индустриально-урбанистического развития, – то здесь как было, так и остается важным и значимым постоянное переживание перманентного отставания от Запада, а также коллизия необходимого для выживания и самосохранения нации западного образования и незападных, авторитарно-патерналистских институтов. Иными словами, интеллигенции и патримониальной бюрократии. Эта

17. Рашковский Е.Б. Указ соч. – С. 11–12.

18. В подтверждение этого тезиса А.И. Липкина я хотел бы сослаться на великолепно обоснованную источниковедчески монографию: Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России (всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах). – М., 1996.

коллизия во многих отношениях надорвала Санкт-Петербургскую Россию; она же воспроизвелась и в советский период нашей истории.

Социалистический эксперимент

Многие участники дискуссии настаивали, что исторические и духовные судьбы ни одной из цивилизаций не могут быть поняты, исходя лишь из их имманентной внутренней динамики, в отрыве от истории взаимодействия данной цивилизации не только с цивилизациями близкими, но подчас и дальними. Стало быть, не могут быть поняты вне их всемирно-исторического контекста.

Точно так же не могут быть поняты сами по себе связанные с бедствиями Первой мировой войны, с отрывом от привычных условий жизни, с маргинализацией и обескровлением многомиллионных людских масс, с коррупцией и утратой легитимности былых систем управления и власти (из-за распутищины, военных поражений, стремительной десакрализации образа «царя-батюшки») и коллапс Санкт-Петербургской России, и установление – вследствие Революции и Гражданской войны – тоталитарной диктатуры партии большевиков и ее вождей.

По мысли А.А. Пелипенко, прямолинейная постановка вопроса о том, является ли цивилизационный облик Советской России продолжением или же отрицанием цивилизационного облика России Санкт-Петербургской, едва ли научно продуктивна. Подлинный цивилизационный парадокс истории социалистической революции в России и ее последствий состоял, скорее, в том, что характерные для прошлых эпох российского развития элементы дуализма и «инверсионности» (т.е. стремительных переходов из крайности в крайность¹⁹) обусловили характерное для непримиримых версий российского революционного движения²⁰ и для первых десятилетий послеоктябрьского государственного строительства крайне негативное отношение к ценнейшим цивилизационным, культурным и духовным наработкам мира, Европы и России на протяжении предшествующих веков²¹.

Действительно, большевизм был убежден, что историю можно будет строить почти что с «чистого листа» («весь мир насилья мы разрушим»), позаимствовав у прошлого лишь элементы научно-технической рациональности и революционного активизма, забывая при этом, что все эти революционные и инновационные элементы мировой, европейской и отечественной истории не су-

19. Тема «инверсионных» форм общественной психологии и мироосмысления как одной из характеристик традиционных аграрных цивилизаций наиболее подробно – в плане теоретическом – разработана в трудах А.С. Ахиезера.

20. Я бы здесь уточнил: от М.А. Бакунина до В.И. Ленина.

21. См.: Пелипенко А.А. Советская цивилизация. Тезисы /Препринт/. – М., 2006. – С. 1–2 и след.

ществовали сами по себе: они были лишь гранями многосложного и многомерного процесса всемирного развития²².

Беспрецедентные человеческие жертвы сплелись в истории советского социализма с беспрецедентными же всплесками массовых чаяний и обольщений и с беспрецедентными для России попытками создания для рядовых граждан некоего минимума гарантий социальной защищенности. Однако эти гарантии утверждались не на базе развитого правосознания, но на базе представлений о том, что Советское государство, находясь – вследствие происков врагов, подлинных и мнимых, – в состоянии перманентного чрезвычайного положения, все же находит возможность оказывать своим гражданам некоторые благодеяния. Не следует, однако, забывать, что этих элементов социальной защищенности и поддержки были лишены миллионы и миллионы людей («лишенцы» до Конституции 1936 г., узники тюрем и ГУЛАГа, колхозники, спецпереселенцы).

По мысли Н.А. Симония, созданная на базе этих чаяний и страданий система едва ли могла претендовать на самостоятельный цивилизационный статус: она, скорее, была особым ответвлением в истории цивилизационного развития России, не способным на внутренние реформационные преобразования. Это и предопределило коллапс конца 80-х – начала 90-х годов прошлого столетия.

Откуда этот недостаток исторической и, следовательно, цивилизационной гибкости?

По словам М.А. Чешкова, одна из важнейших предпосылок этой обреченности заключалась в следующем. То, что условно принято называть «советской цивилизацией»²³, не было, в строгом смысле, ни традиционализмом, ни модернизаторством. Скорее, это было – здесь М.А. Чешков прибегает к излюбленному им марксистско-гегелевскому понятийному аппарату – некоей авангардистской «превращенной формой» глубинного духовно-психологического традиционализма. Формой, несомненно нацеленной на будущее, но с мощными векторами отрицания: *анти-капитализм, анти-плюрализм, яростное отрицание* тех религиозных и религиозно-философских традиций, на которых, в сущности, и строилось живое человеческое содержание предшествующих цивилизаций и культур.

Но именно эти принятые на веру нигилистические установки, как показано в докладе В.Г. Федотовой (Институт философии РАН), и обусловили один

22. Можно вспомнить, что именно на этих посылках и строилась критика большевизма со стороны представителей умеренных направлений русской социалистической мысли – марксистской (Г.В. Плеханов), народнической (В.Г. Короленко), христианской (Г.П. Федотов).

23. За этим понятием стоит огромный массив апологетической литературы: от супругов Сиднея и Беатрисы Уэббов до С.Г. Кара-Мурзы.

из важнейших именно цивилизационных изъянов советского витка нашей истории: отсутствие культуры посредования и консенсуса между государственно-стью и обществом; между властными институтами и тенденциями протеста; между страстями и интересами верхов и низов. (Я бы добавил от себя: между «державным» Центром и необъятными полиэтническими внутренними и внешними перифериями Советского государства.)

Отсюда и безусловное преобладание побуждений и установок чисто силового и мобилизационного порядка над понятиями гражданственности, инновационности и креативности²⁴.

Однако, как отмечает В.Г. Федотова, вся эта нелицеприятная правда о советском социализме едва ли означает демонологическую или конспирологическую его трактовку. Дело, скорее, в характерных для эпохи индустриализма (как, впрочем, отчасти – и для нынешней, постиндустриальной эпохи) попытках как-то поднять и модернизировать полутрадиционных людей, сознающих себя именно как «массы», в ущерб каким-то более глубоким векторам человеческого опыта и развития²⁵, когда «производство масс было составной частью индустриального производства»²⁶. Этот период истории, по существу, ушел в прошлое. Ушел вместе с той исторической фазой индустриального капитализма, которому он противостоял с такой иррациональной последовательностью.

Индустриализация, рост научно-технической активности, расширение мировых связей советского общества, подъем элементарных бытовых и образовательных стандартов на протяжении 50-х – первой половины 80-х годов прошлого столетия – все это свидетельствовало о том, что России уже тесно в рамках «марксистско-ленинского» тоталитарного строя, что в стране не может не вызревать мощный потенциал протестных и освободительных настроений. Но, как отмечал выступавший на конференции Ю.Ю. Болдырев, потенциал этот во многом принимал инверсионные – чисто негативистские или же криминальные – формы: большинство недовольных по-прежнему воспринимало себя как «массы», движимые не гражданскими и человеческими понятиями и ценностями, но сугубо коллективными интересами, страстями и стереотипами поведения²⁷. Что невольно обусловило многие болезненные черты последующего – посткоммунистического – развития России.

24. См.: Федотова В.Г. Социализм как проект новой цивилизации /Препринт/. – М., 2006. – С. 7–8.

25. См. в этой связи: Шмеман С.А. Эхо родной земли. Двести лет одного русского села / Пер. М. Монделло. – М., 2005. – С. 224–225.

26. Федотова В.Г. Указ соч. – С. 12.

27. См.: Болдырев Ю.Ю. Российская цивилизация после СССР (тезисы к докладу) /Препринт/. – М., 2006. – С. 2–4.

Как отмечал в этой связи А.А. Пелипенко, многие цивилизационно укоренившиеся черты нашего общества, исподволь подтачивавшие «советскую цивилизацию» – дуалистический подход к человеку и миру, жесткое противопоставление «своего» и «чужого», оторванные от реальной жизни и реальных обстоятельств истории имперские мечтания²⁸ – перешли тяжелым грузом и в постсоциалистическую историю России.

На переломе веков

Выше говорилось о том, что внутренний надлом социалистической России во многом был обусловлен не только нынешними глобальными, но и глубинно-историческими тенденциями цивилизационного развития страны. Но вот вопрос о цивилизационном российском кризисе конца XX – начала XXI столетия вновь вывел участников конференции на дискуссии о доминантах глобальных.

Как отметил В.М. Коллонтай (ИМЭМО), исторически цивилизационное развитие как таковое и его конкретные местные особенности строились на основах натурального хозяйства и традиционной общественной организации. Однако капитализм привел к новым – универсализированным и непреложным – формам экономической регуляции цивилизационных процессов²⁹. А такого рода регуляция – продолжил это рассуждение В.М. Коллонтая В.М. Межуев (Институт философии РАН) – предполагает наличие, по крайней мере, трех следующих правил.

– В условиях постиндустриального и глобализирующегося мира альтернативы рыночной экономике нет.

– Невозможно перейти к рыночной экономике – да к тому же из системы последовательно безрыночных хозяйственных отношений – на основании все тех же прежних административно-командных способов (так что вопрос о рыночных реформах все еще остается у нас открытым).

– Невозможно утвердить и развить рыночную экономику в стране помимо некоторого набора правовых и этических регулятивов.

В плане правовом, указал В.М. Межуев, мы все еще не вполне способны признать правомерность и многообразие действующих в обществе индивидуальных и групповых волей, человеческих ориентаций и интересов. И как следст-

28. Можно вспомнить в этой связи концепты «либеральной империи» (А.Б. Чубайс) или «энергетической сверхдержавы» (В.Ю. Сурков).

29. Развернутый макроисторический анализ этой проблемы, – правда, с особым вниманием предпосылок буржуазной универсализации в недрах развитых традиционных обществ – можно найти в трудах Ф. Броделя (предпосылки технологические и экономические) и Ш.Н. Айзенштадта (предпосылки религиозно-философские и институциональные).

вие такового непризнания – непонимание сложного характера всеобщей воли и, стало быть, популизм и властный произвол.

В плане же этическом нам оказывает недобрую службу утилитаристская извращенность самих базовых понятий о человеческой нравственности: благо то, что способствует достижению личных и/или групповых интересов и целей. Но ведь суть этики иная: это – поиски соотношения человеческого праксиса с понятиями о вечном и всеобщем (причем, как подчеркнул В.М. Межуев, данные понятия вовсе не обязательно должны носить «потустороннюю» трактовку).

Так что в сферах правосознания и духовных основ этики страна, по словам В.М. Межуева, «хромает на обе цивилизационные ноги». Если в Европе опыт Реформации и научил человека соотносить понимание своей повседневной практики с Универсумом, а опыт Просвещения научил осмысленно жить в правовом поле, то, по всей видимости, России еще долго придется осваивать этот цивилизационный опыт, причем опираясь не только на мировое, но и на собственное интеллектуальное наследие.

А альтернативой этому процессу становления современных и развитых форм общественно-экономической организации электронной эпохи оказывается, по словам Ю.Ю. Болдырева, становление «массового субъекта криминального процесса»³⁰. «Субъекта», пронизывающего собой и власть, и экономику, и общество.

С точки зрения Н.И. Кузнецовой (журнал «Вопросы государственного управления»), один из самых тревожных симптомов процесса упадка цивилизационного качества, вольной или невольной архаизации России в результате ее постсоциалистического переоформления – потеря страной значительной части ее научного потенциала. Слов нет, со времен окончания Гражданской войны и нэпа интеллектуальный потенциал России взращивался по преимуществу в угоду той системе милитаризованной и мобилизационной власти, следствием которой и оказался наш цивилизационный коллапс конца XX столетия. Пауперизация и численное сокращение научных кадров, упадок значительной части научных учреждений и инфраструктуры науки (библиотеки, архивы, музеи, лаборатории, клиники и т.д.), «выкачка» талантливой молодежи как за рубеж, так и в отечественные управленческие, политические и бизнес-структуры – всё это, по словам Н.И. Кузнецовой, обернулось для страны воистину интеллектуальным «дефолтом», последствия которого еще придется расхлебывать будущим поколениям. И что, по мнению Н.И. Кузнецовой, самое тревожное – ни «начальство», ни гражданское общество всерьез не отдают себе отчет в возможных долговременных последствиях такого «дефолта». В частности, и в ослаблении современных интеллектуальных скреп полиэтниче-

30. Болдырев Ю.Ю. Указ. соч. – С. 6.

ской и поликонфессиональной России. Не отдают себе отчета в том, что смысл интеллектуального потенциала страны – не только и даже не столько в поддержании власти, богатства и могущества, сколько в поддержании внутренней жизнестойкости цивилизации на долгие века. Тем паче, что все эти негативные процессы разворачиваются в эпоху наукоемких технологий и социальных связей, когда из лона «цивилизации знаний» отчасти выросла экономика знаний.

К этой мысли Н.И. Кузнецовой я бы позволил себе добавить следующее. Если и остается в нынешних условиях интеллектуального спада и роста сырьевой экономики надеяться на какой-либо из фундаментальных факторов цивилизационной истории России, – то прежде всего на тот экзистенциально-креативный ее вектор, который сложился прежде всего в Санкт-Петербургский период. Возникнув как следствие нелегкого взаимодействия глубинных пластов российской православной культуры и непреложных модернизационных и рационалистических императивов³¹, этот вектор неоднократно выручал страну вопреки произволу «верхов» и темноты «низов»; он не может быть «замкнут» ни клерикальными, ни технократическими притязаниями, ни тем более мессианскими притязаниями интеллигентских фракций и групп, равно как и чьим-либо заискиванием перед властью или перед «массами».

Этот вектор не в силах отменить (разве что смягчить!) суровые политические круговороты революций, реакций, стабилизаций и застоев, но он способен привносить в историю сквозные человеческие смыслы индивидуализации, понимания, сохранения, сострадания, солидарности...

Короче, по убеждению участников конференции, жизнестойкость любой цивилизационной общности, включая и российскую, обеспечивается не столько властной (и тем более не криминальной), сколько «антропологической» (М.А. Чешков), человеческой доминантой, коренящейся и воспроизводящейся в конкретном опыте жизни, повседневных забот, страданий, хозяйствования, мышления, веры и любви конкретных людей.

Здесь остается лишь согласиться с мнением известного журналиста, лауреата Пулитцеровской премии Сергея Шмемана (сына православного мыслителя о. Александра Шмемана) о том, что одна из печальных и доселе не преодоленных черт нашего цивилизационного опыта на протяжении веков заключается в стремлении рассматривать и идеологизировать конкретного человека и его проблемы как проблемы сугубо коллективные, типические («народ», «массы»,

31. Еще раз верну внимание читателя к упоминавшейся мною мысли И.Н. Данилевского: православие воздвигло между Русью и Западом барьер, но барьер проницаемый.

«трудовой ресурс» и т.д.) в отрыве от их живого человеческого содержания³².

Такое неумение (или нежелание) осмысливать антропологическое ядро истории может вести либо к мизантропии («поделом, сами виноваты»), либо к сентиментальному и одновременно мстительному популизму (трудящихся-де «оболюстили»).

Некоторые теоретические выводы

Один из важнейших принципов научного мышления – обобщать выводы конкретных исследований не в виде всеопределяющих вековечных постулатов, но, скорее, в виде переоформленных старых вопросов и постановки вопросов новых. Проще говоря, научному мышлению свойственно не столько постулировать, сколько спрашивать. Так вот, в ходе наших двухдневных слушаний выкристаллизовались, по крайней мере, четыре следующие вопроса.

Вопрос первый. В какой мере приложим цивилизационный дискурс к российской истории и действительности?

Как отметил В.Г. Хорос, постановка этого вопроса осложняется не убывающей сквозь века институциональной и смысловой многосоставностью облика России, не прекращающимся и в каждый период истории приобретающим новые очертания спором между традиционализмом и рационализмом.

Однако смысловая и институциональная многосоставность – неотъемлемая черта любой развитой системы человеческого общежития. Это эмфатически подчеркивал Ф. Бродель, поясняя, что цивилизационные формы не существуют сами по себе и не замкнуты на самих себя³³: различные человеческие общности, сталкиваясь с проблемами и вызовами всемирного порядка и действуя в относительно едином всемирном контексте, но имея несходные предпосылки многовекового прошлого, по-разному отвечают на эти проблемы и вызовы³⁴. Взаимное проникновение и взаимное отталкивание несхожих больших пространственно-временных человеческих общностей (то бишь общностей цивилизационных) вершится в общем контексте этих проблем и вызовов³⁵.

32. См.: Шмеман С.А. Указ. соч. – С. 53. В моих работах этот подход определяется – в конечном счете – как сырьевое отношение к человеческой действительности.

33. «...Я не верю в наличие у Франции (как, впрочем, и у Испании) единственной "сущности"; я вообще не верю в простые формулы» (Бродель Ф. Что такое Франция. Пространство и история / Пер. В. Мильчиной и С. Зенкина. – М., 1994. – С. 14). То же самое должно относиться и к России.

34. См. там же. – С. 26.

35. См.: Ахиезер А.С. Цивилизация – динамичная система /Препринт/. – М., 2006. – С. 2.

И здесь, как мне кажется, – один из важнейших теоретических ключей к познанию цивилизационных судеб России (хотя он и не является всеобъясняющим). Страна, которая своим местоположением, историческими условиями своего становления, сложностью своего этнодемографического и конфессионального состава, богатством своих субкультур – была и остается обречена на драматические процессы межкультурного и межкультурного посредования в контекстах принципиально единого, но эмпирически столь разноречивого и конфликтного мира.

Вопрос второй. В какой мере цивилизационный статус России последних двух-трех столетий определяется мировой проблематикой технологического и социоэкономического порядка?

Этот вопрос, обсуждавшийся на конференции, породил дискуссии насыщенные и страстные. И во многом эти дискуссии разворачивались вокруг столь актуальной для России последних веков проблемы собственности, без корректного разрешения которой будущие цивилизационные пути России выглядят особо проблематичными.

По мысли И.Г. Яковенко, столь существенная для технологической и социоэкономической эволюции последних веков идея частной собственности на наших отечественных пространствах всё еще не укоренилась. Но ведь эта идея – следствие тысячелетий работы мысли и человеческой практики; в основе этой идеи (при всей важности ее чисто экономических и юридических обертонов) лежит, в конечном счете, нравственная категория человеческой свободы (вспомним в этой связи выступление В.М. Межуева). И пока, продолжал И.Г. Яковенко, Россия всерьез не усвоит этот комплекс идей и категорий – ей всерьез и не стать на ноги. Но если встанет – ее цивилизационный облик будет существенно иным, нежели в прежние века.

С попыткой внести некоторые коррективы к выступлению И.Г. Яковенко выступил Ю.Ю. Болдырев. Конечно, отметил он, развитие и история любой из нынешних цивилизаций так или иначе сопряжены с историей собственности. Однако не только с историей собственности как таковой, но и с историей введения собственности в некое правовое поле. А в нашу эпоху – в отличие от эпох свободно-рыночного хозяйствования и макроэкономики «угля и стали» – проблемы собственности и правоотношений сопрягаются со сложнейшей проблемой интенсивного, наукоемкого, информационно насыщенного развития, что налагает свой отпечаток и на российские техно-экономические и культурные процессы последних десятилетий.

Здесь, действительно, есть о чем поразмыслить. Если в первый раз пореформенная Россия вступила в раннекапиталистический период своего развития в облике аграрного, самодержавно-теократического и полукрепостнического государства, то ныне она вступает в ту же раннекапиталистическую фазу в условиях глобализации, да к тому же и вследствие кризиса силовых,

«марксистско-ленинских» попыток пресечь развитие буржуазного жизненного процесса. Ранние стадии капитализма в любой стране характеризуются неотлаженностью границ и взаимопонимания между сферами экономики, политики и государственного администрирования. Но ведь в нашей-то истории речь идет не просто о неотлаженности, но о долгих десятилетиях преднамеренных попыток тоталитарного смешения этих взаимосвязанных, но не растворяющихся друг в друге сфер³⁶.

Однако задача построения свободного Российского государства на принципах правоупорядоченной рыночной экономики, интеллектуального роста и достойного статуса в мире глобальных связей как была, так и остается в силе. А для осмысления комплексного характера этой задачи не избежать сотрудничества ученых различных специализаций (историков, правоведов, экономистов, культурологов, философов, науковедов). И в этой связи современный (а не архаический, на манер Ник. Данилевского или Освальда Шпенглера) цивилизационный дискурс, вобравший в себя результаты осмысления последних десятилетий общественного и научного развития, может оказаться одной из небесполезных площадок такого сотрудничества. На что, собственно, и рассчитывают наши теоретические конференции.

Вопрос третий. Каковы наибольшие трудности интеллектуально-духовного порядка в становлении нынешнего цивилизационного облика России? – И на этот вопрос пытались ответить участники конференции, хотя, как мне кажется, далеко не в полном объеме.

Выше уже неоднократно указывалось (в том числе со ссылкой на выступления участников конференции), что цивилизационная проблематика в нынешнем – технологическом и глобализированном – мире далеко ушла от проблематики традиционных эпох. Среди участников конференции А.С. Ахиезер (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН) попытался дать наиболее последовательную расшифровку этой проблемы.

Динамика современного цивилизационного процесса, говорит А.С. Ахиезер, «...включает привлечение, как это выражается на языке экономики, “человеческого капитала”, постоянной активизации человеческих ресурсов, на развитие людей различной квалификации, способностей, ответственности. Ориентация на развитие человеческих способностей приобретает все более непосредственный характер... Личность, будучи единственным источником творчества, является определяющим фактором развития цивилизации на всех ее уровнях, преодоления опасностей межкультурных конфликтов как между странами, так и внутри каждой страны, каждой цивилизации. Творческая активность личности приводит к цивилизационным сдвигам через сложный меха-

36. См. в этой связи: Волков В.В. «Дело Standard Oil» и «дело ЮКОСа» // *Pro et contra*. – М., 2005. – № 2 (29). – С. 73–74.

низм сдвигов в ценностях – сдвигов, которые, приобретая массовый характер, оказывают влияние на содержание деятельности, на содержание образа жизни, на функции цивилизации. Тем самым возникают значимые изменения в цивилизациях...». Поэтому, продолжает А.С. Ахиезер, сам значимый и признанный обществом процесс активизации человеческих способностей и потенциалов «является *возрастающей основой* (курсив мой. – Е.Р.) всей системы цивилизации»³⁷.

Однако, как полагает И.В. Подберезский (ИМЭМО), на сегодня в «российской идеологии» векторам личностным и креативным во многом противостоят, по существу, неоархаистические утопии «крутой» власти и самодостаточного коллективного «величия» безотносительно к конкретным чаяниям, запросам и возможностям конкретных людей и человеческих групп. И шире – безотносительно к реальному потенциалу страны. Такое засилье массовых страстей в ущерб реальным людским потребностям оборачивается – И.В. Подберезский приводит в этом контексте слова В.О. Ключевского – «скудным запасом культурных сил»³⁸.

Именно в связи с нынешней расстановкой «культурных сил» на цивилизационном поле России мне бы и хотелось обратить внимание читателя на одну из проблем, не получивших, к сожалению, серьезного освещения в ходе наших слушаний. А ведь именно эта проблема и вызывает особый интерес и государственных лидеров, и институтов, и общества. Она порождает и надежды, и отчаяние, и панику, и налеты националистического экстремизма, подрывающие жизненно необходимые для любой из цивилизаций силы «культурной радиации» (категория, обоснованная в трудах А.Дж. Тойнби) – т.е. силы культурного воздействия, привлекательности, силы диалога, а подчас и свободной, непринудительной ассимиляции.

Как отмечают некоторые исследователи и публицисты, одна из самых тревожных черт российской этнодемографической ситуации последних десятилетий связана со слабой способностью нашей государственности и нашего общества, во-первых, интегрировать не только экономически, но и культурно разнородные этнокультурные потоки, а во-вторых, – обеспечить некоторый минимум достойных жизненных условий наиболее интеллектуально динамичным и креативным группам россиян³⁹. В-третьих же, – я добавил бы от себя – все еще недостаточны наши усилия в плане не силовых демонстраций, но именно культурной поддержки русских и русскоязычных диаспор в странах ближнего и

37. Ахиезер А.С. Указ. соч. – С. 10.

38. Цит. по: Подберезский И.В. Конференция по России /Препринт/. – М., 2006. – С. 5.

39. См.: Щенников В. Криминогенный отстойник // Азия и Африка сегодня. – М., 1998. – № 9. – С. 15.

дальнего зарубежья. Но все эти задачи, относящиеся по существу к цивилизационному выживанию России (здесь я согласен с Г.И. Мирским) едва ли возможно решить в условиях «силовой» доминанты в нашем государственном строительстве и общественной мысли⁴⁰.

И, наконец, последнему, четвертому вопросу – каковы наиболее серьезные трудности глобального порядка в нынешних процессах цивилизационного развития и выживания России? – было уделено основное внимание и в ходе двухдневных слушаний, и в данном обзоре. Несомненно, выявился тот общий взгляд участников конференции, что наиболее перспективной – именно в свете культурно-исторического наследия и нынешнего состояния России, да и мира в целом, – является не столько сырьевая (и тесно связанная с нею силовая), сколько креативно-человеческая доминанта цивилизационного развития.

См. в этой связи: Мирский Г.И. Возможен ли «военный режим» в российской политике // Россия и мусульманский мир. – М. 1997. – № 1 (55). – С. 20–21.

ВЛАСТЬ, ЭКОНОМИКА, БИЗНЕС

С. Ю. Глазьев

О СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

**Глазьев Сергей Юрьевич – член-корреспондент РАН,
научный руководитель Национального института развития.**

Несмотря на видимое благополучие формальных макроэкономических показателей, развитие России в последние годы наталкивается на серьезные барьеры, возникшие вследствие проводившейся экономической политики. Сотни миллиардов долларов сверхприбыли, полученные от экспорта природных ресурсов, не были использованы для модернизации российской экономики, конкурентоспособность которой продолжает стремительно падать. На фоне крупномасштабного вывоза капитала продолжается деградация научно-производственного и человеческого потенциала.

Проводимая экономическая политика обрекает Россию на роль сырьевого придатка и донора развитых стран, в пользу которых перераспределяется более половины валового накопления основного капитала. Двукратное (по сравнению как с потребностью простого воспроизводства, так и со среднемировым уровнем) недофинансирование социальной сферы и многократное недоинвестирование в развитие российской экономики происходит на фоне вывоза за рубеж четверти налоговых доходов федерального бюджета. При этом объем средств, изымаемый государством из экономики, на порядок превышает ассигнования на приоритетные национальные проекты и эквивалентен сумме федеральных налогов на добавленную стоимость, прибыль и социальные нужды.

Российские финансовые органы власти изымают из экономики свыше половины денежной массы в условиях безграничного наращивания денежной эмиссии под приобретение иностранной валюты в целях удержания заниженного курса рубля. Результатом этой политики становится замедление экономического роста и дезинтеграция российской экономики. Фактическое субсидирование экспорта природных ресурсов осуществляется за счет слабого финансирования социальной сферы и внутренне ориентированных секторов экономики. Чем

больше валютной выручки приходит в Россию, тем больше денег изымается из внутреннего обращения и вывозится за рубеж.

Нынешняя макроэкономическая политика образовала порочный круг нарастающего вывоза капитала через государственное стимулирование сырьевого экспорта. Природная рента от эксплуатации российских невозпроизводимых богатств расходуется на поддержание падающего курса доллара. В этих же целях перераспределяется до половины доходов российских граждан и предприятий. Делается это для сдерживания инфляции посредством количественного регулирования прироста денежной массы, эмитируемой Центральным банком исключительно под прирост валютных резервов в целях поддержания курса доллара. Для того чтобы продуктивно использовать уникальные возможности благоприятной для российского экспорта конъюнктуры мирового рынка, необходимо разорвать этот порочный круг. Развитые страны эмитируют деньги под финансирование собственных государственных обязательств. Российским денежным властям также следует научиться организовывать денежное предложение исходя из потребностей внутреннего социально-экономического развития.

Опережающий рост валютных резервов и устойчивое высокое положительное сальдо российского платежного баланса создают предпосылки для перевода рубля в разряд мировых валют. Вместе с переориентацией денежного предложения с приобретения иностранной валюты на удовлетворение внутреннего спроса это дает возможность быстрой ремонетизации российской экономики и многократного увеличения ее инвестиционного потенциала. Но для реализации этой возможности необходимо кардинальное изменение государственной экономической политики, которая должна обеспечить добросовестную конкуренцию, организацию долгосрочного кредитования перспективных направлений роста производства, модернизацию и структурную перестройку экономики на основе нового технологического уклада, ее перевод на инновационный путь развития.

Тенденции деградации научно-производственного потенциала

Общее состояние нашей экономики, несмотря на происходящее в последние годы заметное оживление, определяется последствиями предшествующего продолжительного и резкого падения производства и инвестиций. К 1998 г. уровень производства в России сократился по сравнению с 1990 г. на 42,5%, а инвестиции в основной капитал – на 79%. Хотя с 1999 г. наблюдается устойчивый рост ВВП, сегодня он едва дотягивает до дореформенного уровня и остается меньше, чем в любой из стран «восьмерки», вдвое меньше, чем в Индии и вчетверо меньше, чем в Китае. При этом существенно ухудшилась структура производства – в отличие от других успешно развивающихся стран, наращивавших производство с высокой добавленной стоимостью, в России уве-

личение ВВП обеспечивалось, главным образом, экспортом энергоносителей и ростом торговли. В структуре промышленного производства устойчиво растет доля топливно-энергетического и химико-металлургического комплексов при сокращении доли машиностроения. Отрасли с высокой добавленной стоимостью продолжали разрушаться. В наибольшей степени это произошло в наукоемкой промышленности, инвестиционном и сельскохозяйственном машиностроении, в легкой промышленности и производстве промышленных товаров народного потребления, где уровень производства упал во много раз, а также в отраслевой науке.

Падение объемов производства пока не сопровождалось столь же масштабным выбытием основных фондов. Вместе с тем вследствие пятикратного сокращения производственных инвестиций степень износа этих фондов превышает 50%. При этом коэффициент обновления составляет менее 2%, что влечет нарастающее технологическое отставание российской экономики. Средний возраст оборудования – более 20 лет и вдвое превышает соответствующий показатель, зафиксированный в развитых странах.

В отсутствие сколько-нибудь вразумительной инвестиционной и структурной политики государства, технологические сдвиги в российской экономике приобрели явно регрессивный характер и выразились в быстром отстаивании ее технологической структуры. Наиболее серьезный регресс охватил самые современные производства, что привело к еще большему отрыву России от продолжающегося в мире НТП (1). Большинство производств готовой продукции, замыкающих воспроизводственный контур современного технологического уклада, практически свернуто. Сокращение их производства намного превышает спад производства других видов продукции; произошло практически полное их вытеснение с внутреннего рынка импортными аналогами. Доля современного технологического уклада в структуре производства машиностроительной продукции сократилась с 33% в 1992 г. до 21% в 1998 г. (2). Начавшийся после дефолта 1998 г. подъем практически не затронул производства современного технологического уклада. За исключением экспортно-ориентированной части ВПК и информационных технологий, они продолжали деградировать. Из теории известно, что структурный экономический кризис преодолевается внедрением технологий, создающих новые производственные возможности, освоение которых обеспечивает прорыв в повышении эффективности экономики и переход к новому этапу ее роста. При нормальном течении кризиса сокращение экономической активности не затрагивает перспективных производств нового технологического уклада, имеющих потенциал роста и способных стать «локомотивами» будущего экономического развития страны. Наоборот, в это время на фоне общего спада наблюдаются рост производства принципиально новых товаров, подъем инвестиционной и инновационной активности в перспективных направлениях. Происходит «созидательное разрушение» (3) сложившейся техно-

логической структуры, ее модернизация на основе расширения нового технологического уклада, что создает новые возможности для экономического роста. При этом происходит переток капитала из устаревших производств в новые, так как продолжение инвестиций в сложившихся направлениях оказывается более рискованным, чем инвестиции в нововведения (4).

Экономический кризис в России кардинально отличается от классического механизма обновления народного хозяйства. Спад производства в высокотехнологичных отраслях оказался намного больше среднего по промышленности. При этом спад производства был тем больше, чем выше технический уровень отрасли. Резко снизилась инновационная активность предприятий. Если в конце 80-х годов доля промышленных предприятий, ведущих разработку и внедрение нововведений в СССР, составляла около 2/3, то после радикальных реформ, по данным Госкомстата, к 2002 г. она снизилась до 9,8% (в развитых странах эта доля превышает 70%) (5). Интенсивность инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности упала до 1%, а уровень инновационности продукции составляет около 10% (6). Производительность труда (по ВВП) снизилась в 1998 г. на треть по сравнению с 1990 г. В 2005 г. уровень 1990 г. был несколько превышен благодаря росту ВВП, порожденному высокими мировыми ценами на углеводороды. Однако это повышение эфемерно и будет утрачено в результате либо очередного обвала цен на нефть, либо поэтапного повышения внутренних цен на энергоносители до уровня мировых под давлением стран Запада.

Самые серьезные разрушения произошли в научно-техническом потенциале страны, который является главным источником современного экономического роста. Объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок сократился на порядок, снизившись втрое по отношению к ВВП (см.: Приложение, рис. 1), что повлекло за собой резкое снижение конкурентоспособности национальной экономики и утрату значительной части потенциала экономического роста. Учитывая, что на долю научно-технического прогресса в современных условиях приходится подавляющая часть прироста национального дохода, деградация научно-технического потенциала страны ведет к необратимой утрате возможностей будущего социально-экономического развития. Дальнейшее снижение конкурентоспособности российской экономики предопределяется профилем ее инновационной системы – по всем показателям инновационной активности она существенно отстает от развитых стран.

Технологическое отставание российской экономики наглядно проявляется в структуре национального богатства. Если по величине всего национального богатства на душу населения Россия лидирует в мире, то по величине воспроизводимого капитала на душу населения она существенно отстает от США и ЕС, а по среднедушевому уровню производства многократно уступает развитым странам.

Таким образом, в кризисе российской экономики мы наблюдаем явную патологию, характеризующуюся хаотичным распадом экономической системы, ее деградацией и примитивизацией. Кризис не привел к обновлению производства на передовой технологической основе. Начавшийся после банкротства государственной финансовой системы подъем обеспечивается, главным образом, конъюнктурными факторами и проходит на старой технологической основе. Экономика распалась на относительно благополучный экспортно-ориентированный сырьевой сектор и сужающийся под давлением импорта внутренний сектор, который все больше отстает в технологическом и институциональном отношении от зарубежных конкурентов и разрушается. При этом воспроизводственный контур первого все более замыкается на мировой рынок, изолируясь от внутреннего. В результате доходы от экспорта сырья и энергоносителей остаются за рубежом, лишь в незначительной степени трансформируясь в спрос на отечественную продукцию. Вклад повышения внутренней конкурентоспособности в прирост ВВП постоянно падает, составив в 2004 г. 2,1% вместо 5,9% в 1999 г., в то время как вклад роста экспорта вырос за этот период с 0,5 до 5,1% (7). Согласно прогнозу правительства, снижение значения внутренних факторов экономического роста продолжалось и в 2005 г., тогда как вклад увеличения цен на нефть продолжал нарастать (8).

Дезинтеграция экономики усиливается в процессе воспроизводства сложившихся контуров перераспределения добавленной стоимости между секторами. По имеющимся оценкам, через «ножницы цен» и заниженный «курс национальной валюты» внутренне ориентированный сектор передает экспортно-ориентированному сектору и торговле большую часть создаваемой им добавленной стоимости (7, с. 25). В свою очередь, финансовые органы власти изымают из экспортно-ориентированного сектора около 6% ВВП в Стабилизационный фонд, размещая его за рубежом.

По мере деградации внутренне ориентированного сектора будут уменьшаться и перетоки создаваемой им добавленной стоимости и, соответственно падать темпы экономического роста (до 2–4% прироста ВВП к 2010 г.) (7, с. 9). Неизбежное в этом случае резкое сужение возможностей воспроизводства экономического потенциала повлечет его же резкое сжатие вследствие массового выбытия устаревших основных фондов во внутренне ориентированном секторе и социальной сфере. В результате российская экономика попадет в сырьевую ловушку и окажется на периферии мирового хозяйства.

Прирост дешевого импорта намного превышает прирост товаров отечественного производства, вследствие чего постоянно растет доля импорта в структуре товарных ресурсов розничной торговли, приближаясь к половине (см.: Приложение, рис. 2). Последовательная поддержка доллара российскими властями в отсутствие действенной политики модернизации отечественной промышленности лишь усугубляет деградацию экономики, стимулируя дальней-

шее наращивание сырьевого экспорта за счет сдерживания роста уровня жизни и конечного спроса.

Преодоление негативных тенденций в развитии научно-производственного потенциала требует резкого наращивания инвестиционной и инновационной активности. Только для выхода в режим простого воспроизводства основного капитала объем производственных инвестиций должен быть увеличен втрое, а НИОКР – впятеро. Сделать это надо в ближайшие два-три года, поскольку вследствие запредельного износа устаревших производственных фондов до половины их может выбыть уже до конца текущего десятилетия (9).

Имеющиеся на сегодня механизмы инвестиционной деятельности неспособны решить эту задачу. Сложившаяся в России модель инвестиционной деятельности характеризуется маломощностью, неэффективностью и примитивностью. Ни фондовый рынок, ни банковская система не выполняют своих функций по аккумулярованию сбережений и их трансформации в инвестиции. Главными инвесторами являются сами производственные предприятия, на долю которых приходится более 60% всего объема негосударственных инвестиций, в том числе немногим более 28% из них предприятия финансируют за счет прибыли. Инвестиционная активность выродилась до уровня минимальных технологических нужд предприятий. Удельный вес долгосрочных финансовых вложений в общем объеме вкладываемых средств предприятий составляет около 20% (11, с. 381). Государство фактически прекратило поддерживать инвестиционные процессы и сняло с себя ответственность за развитие производства, а новые рыночные институты обеспечения расширенного воспроизводства, прежде всего, банковская система и фондовый рынок, так и не сложились.

Спецификой российской банковской системы является ее дисфункциональность. Большинство российских коммерческих банков не выполняет главную функцию трансформации сбережений в производственные инвестиции. Совокупный капитал частных российских банков оценивается сегодня в 51 млрд. долл., а суммарные активы всей банковской системы России составляют 409 млрд. долл., что сравнимо с капиталом и активами одного крупного зарубежного коммерческого банка. При этом российские частные банки работают в своеобразном институциональном вакууме: отсутствует доступ к кредитным ресурсам, предложение которых искусственно сдерживается финансовыми властями. В отсутствие реальных механизмов рефинансирования Центральным банком, трудно рассчитывать на то, что банковская система сможет обеспечить необходимый уровень инвестиционной активности. Совокупный вклад банков в инвестиции основного капитала не превышает 10% (10). Еще меньше инвестиционный вклад фондового рынка, который в России обслуживает преимущественно финансовых спекулянтов. Его небольшой объем предопределяет высокую уязвимость по отношению к атакам спекулятивного капитала. Другой слабостью нашего фондового рынка является также его спе-

кулятивный характер, сохраняющийся несмотря на повышение рейтинга российских ценных бумаг. В этом сочетании незначительного объема и спекулятивного характера российского фондового рынка заключается своеобразный порочный круг, замыкающий его в обслуживании краткосрочных спекулятивных инвестиций.

Вместе с тем финансовые возможности предприятий, несущих основную нагрузку поддержания инвестиционной активности в экономике, весьма ограничены. Объем амортизационных отчислений, являющихся главным источником финансирования инвестиций, составляет 2,2% к объему основных фондов. Невелики и возможности финансирования инвестиций за счет прибыли. За исключением экспортно-ориентированных отраслей топливно-энергетического и химико-металлургического комплексов, в которых объем прибыли остается весьма высоким благодаря благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре. Рентабельность в промышленности в среднем составляет около 6%, не позволяя финансировать расширенное воспроизводство основного капитала. В 2005 г. треть предприятий обрабатывающей промышленности, более четверти строительных организаций и 40% сельхозпредприятий были убыточными (10). В результате закрепляется сырьевая структура российской экономики – основная часть капитальных вложений в промышленность концентрируется в топливно-энергетическом и химико-металлургическом комплексах.

Неудовлетворительное финансовое состояние производственной сферы и отсутствие у ориентированных на внутренний рынок предприятий возможностей привлечения кредита являются главными барьерами для модернизации, повышения эффективности и увеличения объемов производства. Аккумулируемые ими финансовые ресурсы существенно меньше величины износа и выбытия основных фондов, интенсивность обновления которых составляет 1,4% (7, с. 13).

Экспортно-ориентированные предприятия топливно-энергетического и химико-металлургического комплексов переходят на привлечение кредитов из зарубежных источников, сужая и без того ограниченные возможности российской финансовой системы. Недостаток кредитных ресурсов для внутренне ориентированных отраслей экономики усугубляет политика стерилизации денежной массы, проводимая денежными властями за счет изъятия денег с внутреннего рынка.

В то же время значительная часть из простаивающих сегодня половины мощностей промышленности может быть еще вовлечена в производство в случае улучшения финансового положения предприятий. По различным оценкам, возможности роста производства на существующих мощностях составляли в начале нынешнего десятилетия не менее 35–40% (12, с. 84). Теперь эти возможности почти исчерпаны и нужны инвестиции в развитие производственных мощностей на новой технологической основе. Сохранившийся научно-технический потенциал позволяет восстановить и обеспечить расширенное воспроизводство ряда

ключевых технологий современного и нового технологических укладов. Но время, в течение которого можно решить эти задачи, неумолимо сжимается.

Вырваться из сырьевой ловушки с каждым годом становится все сложнее вследствие нарастающей глобальной конкуренции, в которой Россия явно проигрывает. Возможности сужаются по мере структурирования нового технологического уклада мировой экономики и соответствующей ему страновой специализации. Чтобы выйти из тупика, необходимо кардинально изменить экономическую политику государства. Она должна основываться на наращивании национальных конкурентных преимуществ на магистральных направлениях формирования нового технологического уклада с учетом глобальных закономерностей современного экономического роста.

Налогово-бюджетная политика

Налогово-бюджетная политика включает наиболее мощные инструменты государственного воздействия на развитие стран с рыночной экономикой. Через них осуществляется перераспределение от 1/3 до 1/2 ВВП. При этом развитые страны поддерживают уровень расходов бюджетной системы государства в пределах 40–50% ВВП.

Более чем четырехкратное увеличение уровня государственных расходов в течение последнего столетия (с 10% ВВП в конце XIX в. до 40–50% ВВП в конце XX в. и в настоящее время) объясняется резко возросшей ролью НТП в генерировании экономического роста. В силу специфической открытости науки и образования для общего пользования и невозможности приватизации знаний государство вынуждено финансировать около половины совокупных расходов на НИОКР и подавляющую часть расходов на образование. Именно за счет этих составляющих (социальных трансфертов) произошло многократное увеличение расходов государства, которое в условиях современного НТП вынуждено стать государством развития, приняв на себя обязательства по финансированию расходов на воспроизводство интеллектуально-человеческого потенциала и генерирование новых знаний.

Сопоставление динамики структуры государственных расходов развитых стран, приведенные директором Института США и Канады РАН С.М. Роговым (19), убедительно доказало, что увеличение государственных расходов на цели социально-экономического развития является необходимой составляющей современного экономического роста, основанного на НТП. Согласно введенному им разделению функций государства на традиционные (оборона и правопорядок) и современные (развитие интеллектуально-человеческого потенциала), можно видеть, что сегодня в мире через государственные бюджеты тратится, в среднем, на современные функции 17,8% ВВП, а на традиционные – только 5,3%. Соотношение между этими статьями расходов – 3,4:1. В

развитых странах эти показатели составляют 25,0% и 3,9% (соотношение – 6,4:1), в странах с переходной экономикой – 22,1 % и 3,8% (соотношение – 5,8:1).

В противовес мировой закономерности увеличения государственных расходов на выполнение современных функций государства, в России большая часть государственных расходов идет на выполнение традиционных функций. У нас соотношение расходов на традиционные и современные функции государства составляет 2:1. Как констатирует С.М. Рогов, такая структура бюджета была характерна для государства образца XVIII–XIX вв.

Как видим, структура расходов российского бюджета разительно отличается от общепринятых в мире стандартов. Эта структура сформировалась в постсоветский период под влиянием псевдонаучной доктрины рыночного фундаментализма, отрицающей очевидную закономерность возрастающего значения роли государства в обеспечении социально-экономического развития в условиях современного НТП.

Судя по параметрам федерального бюджета страны на 2007 г. (20), доктрина рыночного фундаментализма продолжает лежать в основе экономической политики правительства. Структура расходной части бюджета уже многие годы формируется под влиянием доминирующего значения обслуживания внешнего долга, остающегося единственным ярко выраженным приоритетом бюджетной политики правительства. Даже сейчас, после погашения большей части долга и существенного снижения бремени расходов на его обслуживание, в целях успокоения иностранных кредиторов создан колоссальный Стабилизационный фонд (средства которого разрешается тратить только на погашение внешнего долга), отвлекающий из экономики более 13% ВВП. Планируемый на конец 2007 г. размер стабфонда в 4239 млрд. руб. намного превышает размер государственного внешнего долга, составляющего менее 50 млрд. долл. Единственной целью его наращивания сегодня является стерилизация значительной части денежной массы, кажущейся избыточной разработчикам бюджета.

К концу 2006 г. профицит бюджета достиг около 1,8 трлн. руб., или 6,5% ВВП. В 2007 г. он планируется в размере 1,5 трлн. руб., или 4,5% ВВП. Вывод этих налоговых поступлений из экономического оборота означает соответствующее сокращение конечного спроса и соответствующее снижение ВВП. При условии ограничения госзакупок исключительно отечественными товарами это снижение можно оценить в 5% ВВП в 2006 г. и 3,5% ВВП в 2007 г.

Таким образом, темпы экономического роста были бы почти вдвое выше, если бы правительство не замораживало пятую часть бюджетных доходов в Стабилизационном фонде, размещаемом за рубежом. Создание инвестиционного фонда даже с учетом ассигнований на финансирование целевых инвестиционных программ общим объемом в 2,7% ВВП, не компенсируют депрессивное влияние

огромного профицита бюджета. Последнее усиливается политикой правительства по наращиванию внутреннего государственного долга – без какой-либо нужды правительство планирует размещение на рынке под немалый процент дополнительных финансовых обязательств на сумму 300 млрд. руб. Тем самым на эту же сумму уменьшается инвестиционный потенциал частного сектора.

Правительство, оправдывая торможение экономического роста утверждениями о необходимости стерилизации избыточной, на его взгляд, денежной массы, в качестве основной задачи бюджетной политики видит поддержание «соответствия темпов роста непроцентных расходов темпам роста экономики, снижения инфляции, формирования параметров в стабилизационном фонде в целях погашения внешнего долга». Тем самым правительство без каких-либо оснований фиксирует долю непроцентных расходов федерального бюджета на сложившемся уровне около 17%, а консолидированного бюджета – около 33% ВВП. Это существенно ниже уровня развитых стран, при этом разница заключается в многократном недофинансировании российским правительством современных государственных функций.

Исходя из мирового опыта, можно оценить параметры финансирования важнейших государственных функций, соответствующие современным требованиям. Так, расходы на здравоохранение должны составлять от 5% к ВВП (минимально допустимый уровень, рекомендуемый Всемирной организацией здравоохранения) до 10% (уровень наиболее благополучных стран). Расходы на науку – от 1,5 до 3%, на образование – от 5 до 7% ВВП. В консолидированном бюджете России на 2007 г. расходы на образование составляют около 4% ВВП, на здравоохранение – около 2,8%. Если суммировать все отраженные в консолидированном бюджете ассигнования на социальные нужды (3,764 трлн. руб.), то их совокупный вес в ВВП составит 12%. Если к ним прибавить межбюджетные трансферты (1 трлн. руб.), направляемые в основном на поддержку отраслей социальной сферы и социальные программы, то величина социальных расходов государства достигнет 15,5% ВВП. Это существенно меньше уровня финансирования социальных функций государства не только центральными правительствами развитых стран (21,6%), но и находящихся с нами в одной категории стран с переходной экономикой (18%).

Заметим, что в этих сравнениях социальные расходы по России учтены в полном объеме, тогда как межстрановые сопоставления приводятся только в отношении расходов центральных органов государственного управления. Для корректности к ним следует добавить расходы, финансируемые из местных и субфедеральных бюджетов, а также из внебюджетных фондов. Таким образом, отставание российского государства от общепринятых в мире стандартов финансирования социальной сферы в полтора-два раза больше, о чем также свидетельствуют прямые сопоставления социальных расходов федерального бюджета.

Доля социальных расходов в структуре федерального бюджета России втрое ниже среднемирового уровня и вдвое ниже уровня слаборазвитой Африки. Так что социальным проект федерального бюджета назвать нельзя. Правда, с учетом трансфертов, доля расходов на социальные нужды в проекте федерального бюджета достигает почти половины, приближаясь к уровню стран с переходной экономикой. Но по отношению к ВВП и в этом случае Россия существенно отстает не только от среднемирового уровня (более чем в полтора раза), но и от уровня Африки. Таким образом, уровень социальных расходов государства в России является одним из самых низких в мире, он не соответствует ни требованиям социального государства, ни потребностям развития человеческого потенциала.

Чтобы достичь среднемирового уровня социальных расходов, российскому государству их надо увеличить примерно на 5 процентных пунктов. Эта величина соответствует профициту в федеральном бюджете, который планируется на 2007 г. в размере 1,5 трлн. руб., или 4,8% ВВП. Следовательно, профицит российского федерального бюджета фактически равен объему недофинансирования социальных расходов по сравнению со среднемировым уровнем. Эта оценка подтверждается в результате расчета недофинансирования социальной сферы по отношению к необходимому уровню его воспроизводства (7, с. 23). Иными словами, профицит федерального бюджета образуется не потому, что российское государство получает доходов больше, чем ему требуется для выполнения своих функций, а вследствие недофинансирования социальной сферы.

Не лучше обстоит дело и с финансированием другой фундаментальной функции современного государства – функции развития. Объем расходов на ее реализацию складывается из расходов на научные исследования и расходов на национальную экономику. В совокупности они достигают 2,05% ВВП, в том числе расходы на научные исследования – 0,46%. Это более чем вдвое ниже среднемирового уровня. С учетом степени износа основных фондов и деградации научно-производственного потенциала российскому государству необходимо поддерживать относительно более высокий уровень расходов на стимулирование НТП, инвестиционной и инновационной активности. Недофинансирование функции развития может быть оценено как трехкратное.

Вместе с тем, по уровню расходов на национальную оборону, безопасность, содержание госаппарата, российское правительство лидирует в мире. Доля этих расходов по отношению к ВВП в России является одной из самых высоких в мире, а по доле этих расходов в общих расходах федерального бюджета Россия является абсолютным лидером. Если развитые страны на выполнение полицейско-бюрократических функций расходуют около 11% бюджета своих центральных органов власти, среднемировой уровень этих расходов составляет около 20%, то в российском проекте федерального бюджета на эти

цели предусматривается более 42,2%. Это соответствует практике полицейско-бюрократических государств конца позапрошлого века.

Анализ структуры расходов в проекте федерального бюджета, позволяет следующим образом ранжировать реальные приоритеты бюджетной политики федерального правительства. Первым по значимости приоритетом является вывоз капитала, вкладываемого в государственные обязательства США и ряда стран ЕС. Вторым – обеспечение национальной безопасности, поддержание правопорядка, функционирование бюрократии. Третьим, финансируемым по остаточному принципу, – обеспечение социально-экономического развития. Судя по структуре федерального бюджета, его главными целями являются удержание доминирующего положения нынешней властвующей элиты и вывоз капитала за рубеж. Проводимая федеральным правительством архаичная бюджетная политика не соответствует ни требованиям современного государства, ни интересам социально-экономического развития страны, она противоречит конституционным принципам социального и демократического государства.

Вместе с тем в последние годы декларируются попытки применения программно-целевого подхода к планированию социально-экономической политики посредством так называемых национальных проектов. Однако по технологии их разработки, способам и масштабам реализации, они больше напоминают PR-акции, чем реальные прорывные программы. Изначально вместо программно-целевого подхода была использована обычная бюрократическая сборка вполне рутинных мероприятий. Масштаб этих проектов крайне мал как по сравнению с потребностью соответствующих сфер в инвестициях, так и по сравнению с реально существующими возможностями государственного бюджета.

Так, в 2007 г. на национальный проект «Здоровье» выделяется 107 млрд. руб., «Образование» – меньше 50 млрд., «Доступное жилье» – 26 млрд. (плюс 33 млрд. руб. государственных гарантий), «Агропромышленный комплекс» – 23 млрд. руб. На фоне двукратного недофинансирования социальной сферы эти меры несопоставимы с существующими в этих отраслях проблемами. К примеру, программа бесплатной медицинской помощи сводится с дефицитом в 30%, что втрое превышает ассигнования на национальный проект «Здоровье».

Другие национальные проекты еще в меньшей степени отвечают масштабу соответствующих проблем. Так, объем денег, выделяемых на сельское хозяйство, меньше потерь, которые несет эта отрасль вследствие сезонного повышения цен на горючесмазочные материалы. Ассигнования на нацпроекты в сфере образования и жилья вовсе незаметны. Для реализации цели, которую президент сформулировал как подъем жилищного строительства в 1,5 раза, денег нужно в семь раз больше предусмотренных сегодня ассигнований. Общий эффект от реализации всех национальных проектов охватит не более 3% населения и серьезного влияния на развитие страны не окажет.

Сумма всех ассигнований на национальные проекты составляет десятую часть от профицита бюджета. Иными словами, позитивное влияние национальных проектов на социально-экономическое развитие страны десятикратно меньше негативного влияния бюджетной политики в целом. Общая сумма средств, выделяемых на их реализацию, меньше, чем объем обесценивания денег, накопленных в Стабилизационном фонде в 2005 г. В этом состоит объективная характеристика эффективности бюджетной политики государства.

Политика развития

Политика развития является ведущей функцией современного государства и включает в себя научно-техническую, образовательную, промышленную, инвестиционную и внешнеторговую составляющие. С сожалением можно констатировать, что ни по одному из этих направлений российское правительство не предпринимает должных усилий.

Выше отмечалось отсутствие научно-технической политики, сопровождавшееся многократным сокращением финансирования НИОКР и фактической ликвидацией отраслевой науки в ходе приватизации промышленных предприятий. Ничуть не лучше обстоят дела с инвестиционной политикой — лишь в последнее время введены нормы ускоренной амортизации и разрешено списание расходов затрат на НИОКР. Банки развития, созданные несколько лет назад, не получили должной кредитной поддержки и не в состоянии оказывать существенное влияние на инвестиционную активность. Широко разрекламированный Инвестиционный фонд так и не приступил еще к работе. Федеральные целевые программы систематически не выполняются и носят скорее имитационный характер.

Еще хуже обстоят дела с промышленной и внешнеторговой политикой, которые фактически отсутствуют. Если, конечно, не считать таковой государственную поддержку лизинга иностранных самолетов и массовые государственные закупки импортного оборудования. Многочисленные рекомендации ученых и специалистов о необходимости активной промышленной политики были правительством оставлены без внимания. Внешнеторговая политика свелась к единичным случаям применения защитных мер и беспомощным попыткам пресечения так называемого «серого» импорта. Коррупционность органов таможенного контроля сводит на нет результативность основных инструментов торговой политики.

Между тем с присоединением России к ВТО возможности проведения политики развития будут существенно ограничены как обязательными нормами ВТО, так и условиями присоединения России к этой организации. Несмотря на то, что переговоры о присоединении России к ВТО близятся к завершению, адаптация экономической политики государства к требованиям ВТО практически не

ведется, правительство не предпринимает необходимых усилий по выработке адекватных требованиям ВТО мер промышленной и экономической политики. Даже федеральный бюджет на 2007 г. составлен без учета планируемых условий присоединения России к этой организации. Некоторые из предусмотренных в нем мер поддержки отечественных товаропроизводителей и стимулирования экономического роста прямо противоречат нормам ВТО и будут отменены сразу же после присоединения.

Наиболее широко обсуждаемым требованием ВТО к России является снижение ставок импортных пошлин. В настоящее время средневзвешенная ставка ввозной таможенной пошлины по всей товарной номенклатуре оценивается в 13% по сравнению с 3–5% по странам – членам ВТО. В России уже достигнут достаточно высокий уровень открытости внутреннего рынка и для большинства отраслей существующие ставки импортного тарифа не играют какой-либо протекционистской роли, а выполняют главным образом фискальные функции. Небольшое снижение импортного тарифа, ожидаемое по условиям присоединения к ВТО, едва ли существенно отразится на конкурентоспособности большинства отечественных товаропроизводителей. Во всяком случае, это влияние будет меньше последствий колебаний курса рубля, который после трехкратного снижения в 1998 г. растет в реальном выражении на 5–10% в год.

По имеющимся оценкам, наибольшее снижение производства вследствие вытеснения отечественных товаров импортными в связи с планируемым снижением импортного тарифа будет наблюдаться в машиностроении – до 3%. Незначительное снижение производства (менее 1%) возможно в металлургии и в химической промышленности (21).

При этом снижение импортных пошлин может быть компенсировано защитными мерами, вводимыми в соответствии с правилами ВТО в случаях угрозы разорения отечественных товаропроизводителей вследствие резкого роста импорта или применения импортерами недобросовестной торговой практики. Гораздо серьезнее на отечественную промышленность повлияет выполнение системных и дополнительных условий вступления России в ВТО. Среди основных условий присоединения России к ВТО наибольшее значение имеют обязательные для всех членов соглашения по системным вопросам, требования по отмене экспортных пошлин, а также навязываемые России отдельными членами ВТО дополнительные соглашения по торговле гражданской авиационной техникой, правительственным закупкам, информационным технологиям.

Главным предметом экспортных ограничений, отмены которых добиваются некоторые партнеры по переговорам о вступлении России в ВТО, являются экспортные пошлины. Они были введены в 1992 г. на вывоз сырьевых товаров одновременно с либерализацией внешней торговли в целях изъятия в доход государства части природной ренты, образующейся в результате эксплуатации принадлежащих государству природных ресурсов, а также сдерживания роста

внутренних цен на энергоносители и сырьевые товары, которые в то время были существенно ниже мировых. В настоящее время экспортные пошлины действуют на вывоз углеводородов (природного газа, сырой нефти и продуктов ее переработки), на долю которых в совокупности приходится 97% всех поступлений бюджета по этой статье, а также на некоторые товары химико-металлургического комплекса.

Ликвидация экспортных таможенных пошлин приведет к существенному снижению ежегодных доходов государственного бюджета, которые в 2005 г. составили 618,2 млрд. руб., или 20,6 млрд. долл., что эквивалентно 18,5% всей суммы доходов федерального бюджета. Отмена экспортных пошлин приведет к росту внутренних цен на энергоносители, которые будут стремиться к мировым за вычетом транспортных издержек. Навязываемая России эта акция усугубляется еще более спорным требованием выравнивания внутренних и мировых цен на энергоносители, которое провоцируется российскими же энергетическими монополиями. «Газпром» и РАО «ЕЭС России» последовательно добиваются устранения государственного регулирования тарифов на энергоносители, поставляемые коммерческим потребителям, включая промышленные и коммунальные предприятия. С учетом того, что вследствие климатических условий энергоемкость производимых в России товаров в несколько раз выше, чем при производстве аналогичных импортных товаров, приближение внутренних цен на энергоносители к мировым станет системным фактором снижения конкурентоспособности российской промышленности.

В наибольшей степени пострадают самые энергоемкие отрасли: металлургическая и химическая промышленность, в которых издержки производства в этом случае превысят мировой уровень. Рост цен на металлы и химическое сырье еще более ухудшит положение в машиностроении и металлообработке. Общее снижение производства в случае выравнивания внутренних и мировых цен на энергоносители может составить около половины от объема выпускаемой сегодня продукции металлургии и химической промышленности и до четверти продукции машиностроения, что будет иметь катастрофические последствия для многих предприятий и регионов страны.

Несмотря на очевидные негативные последствия либерализации цен на энергоносители, под давлением «Газпрома» правительственные чиновники высказывают намерения о введении свободного ценообразования и повышении тарифов на газ и электроэнергию. Неизбежное в этом случае банкротство значительной части предприятий обрабатывающей промышленности приведет к снижению внутреннего потребления газа и позволит сбалансировать растущий спрос на него на внешнем рынке с сокращающимся производством.

Внешнеторговая политика российского правительства все более подчиняется частным интересам «Газпрома» в ущерб общенациональным. В целях повышения прибыли последнего был резко повышен тариф на газ, поставляемый по-

тенциальным участникам Единого экономического пространства (ЕЭП). Дискриминация наших партнеров по ЕЭП по условиям ценообразования на энергоносители несовместима с общепринятыми правилами функционирования Таможенного союза и ведет к его фактическому разрушению. Таким образом, для максимизации краткосрочных прибылей «Газпрома» в жертву приносятся долгосрочные интересы страны по восстановлению ЕЭП и повышению общей конкурентоспособности российской экономики.

Инвестиционная политика российского правительства также во все большей степени подчиняется частным интересам энергетических монополий. Такая политика оборачивается дополнительными издержками для обрабатывающей промышленности, не выдерживающей опережающего роста цен на энергоносители, конструкционные материалы и химическое сырье, а также снижением конкурентоспособности российской экономики. Государство даже на пытается направить сверхприбыли от экспорта природных ресурсов в модернизацию экономики, упуская возможности кардинального повышения ее конкурентоспособности на основе нового технологического уклада. Реализуемые правительством меры по поддержке наукоемких отраслей экономики крайне незначительны и, вполне вероятно, будут свернуты после присоединения России к ВТО как противоречащие ее нормам.

Это касается, в частности, субсидирования процентных ставок по привлеченным кредитам, предоставления промышленным предприятиям ассигнований на разработку новых технологий и проведение научно-технических исследований по целевым программам, капитальных вложений на безвозвратной основе, финансирования геологоразведочных работ, субсидирования части затрат промышленных предприятий, формирования лизинговых фондов, целевых субсидий на конверсию оборонной промышленности. Кроме того, не соответствующими нормам ВТО могут быть признаны меры бюджетной политики, направленные на финансовое оздоровление предприятий. Например, это касается мер по реструктуризации долгов предприятий по налоговым обязательствам.

Кроме общеобязательных норм ВТО возможности торговой и промышленной политики будут ограничены добровольными соглашениями, на присоединение к которым согласится Россия. К наиболее вероятным из них относятся «Соглашение по торговле гражданской авиатехникой» и «Соглашение по правительственным закупкам».

Практически все практикуемые сегодня и планируемые в будущем формы государственной поддержки отечественного авиастроения придется отменить. Это касается, в том числе, целевой программы развития гражданской авиатехники, государственного субсидирования лизинга и других форм прямой поддержки производства отечественного авиастроения. Кроме того, соглашение по торговле гражданской авиатехникой предусматривает ликвидацию всех тарифных и нетарифных барьеров при ввозе в страну воздушных судов гражд-

данского назначения, а также комплектующих и других компонентов. Вследствие отсутствия механизмов кредитования производства отечественных самолетов за последнее десятилетие произошло снижение объема их выпуска с 150–180 до 4–5 авиалайнеров. Без активной государственной поддержки организовать крупномасштабное серийное производство самолетов предприятия не смогут. Выполнение обязательств данного Соглашения приведет к стремительному вытеснению отечественных воздушных судов иностранными самолетами. Особо опасным для отечественного авиастроения будет беспощадный ввоз поддержанной авиатехники, передаваемой в аренду авиаперевозчикам по бросовым ценам.

Не в пользу российской промышленности обернется принятие обязательств данного соглашения по устранению нетарифных барьеров (правила сертификации, стандартизации) при торговле авиалайнерами гражданского назначения. Согласившись на это, Россия вынуждена будет перейти на западные нормы и производственные стандарты, что вызовет дополнительные издержки и организационные трудности, лишит страну самостоятельности в проведении промышленной политики. В случае подписания данного соглашения России придется изменить механизм ценообразования гражданской авиатехники. Финансовая поддержка государства должна будет учитываться в цене самолетов, так же как и часть затрат, понесенных государством по военным авиастроительным программам, результаты которых использовались при производстве гражданских самолетов. Выполнение данного требования приведет к потере отечественной авиапромышленностью ее главного конкурентного преимущества – относительной дешевизны продукции.

«Соглашение по государственным закупкам» предусматривает, что они должны проводиться в виде тендеров с обязательным участием иностранных производителей. При этом отечественные поставщики не должны иметь никаких преимуществ перед иностранными. Принятие обязательств по этому соглашению повлечет отказ от важной формы защиты перспективных для российских товаропроизводителей рынков наукоемкой продукции.

Выполнение обязательных соглашений ВТО потребует отмены или пересмотра ряда практикуемых сегодня мер государственной поддержки отечественных товаропроизводителей и развития экономики. Их объем в настоящее время невелик. Ассигнования на сомнительные, с точки зрения норм ВТО, меры государственной поддержки не превышают 7% расходной части федерального бюджета. Из них ассигнования, прямо противоречащие требованиям ВТО, составляют не более 1,5% расходной части бюджета. Из этого, однако, не следует, что присоединение к ВТО не окажет существенного влияния на динамику промышленного производства.

Во-первых, даже небольшая по объему государственная поддержка для ряда отраслей может оказаться весьма важной. В частности, без государствен-

ной поддержки НИОКР и лизинга гражданской авиатехники авиационная промышленность просто не выживет. Критически важной для сохранения и развития сельхозмашиностроения является государственная поддержка лизинга сельскохозяйственной техники. При всей незначительности ассигнований, выделяемых на субсидирование процентных ставок, для многих использующих их предприятий это единственный способ привлечения кредитов на модернизацию производства. Без государственных ассигнований на проведение прикладных НИОКР российской промышленности не удастся освоить перспективные направления современного НТП.

Во-вторых, присоединение к ВТО затруднит наращивание государственного стимулирования модернизации и развития промышленности в будущем. Между тем без резкой активизации мер государственной поддержки инновационной и инвестиционной активности российская промышленность обречена на деградацию. Средства, выделяемые в федеральном бюджете на стимулирование модернизации экономики и научно-технического прогресса, явно недостаточны. В 2007 г. 98 млрд. руб. планируется выделить на научные исследования гражданского назначения, 534,3 млрд. руб. – на федеральные целевые программы, 503 млрд. руб. – на финансирование капитальных вложений по этому же разделу (20). Часть средств при этом выделяется на субсидирование процентных ставок, лизинг сельхозтехники и новых отечественных самолетов. Все эти меры затронут не более 10% потенциальной мощности соответствующих отраслей промышленности, которые загружены не более чем на 20%. В отношении большей части находящихся в упадке отраслей наукоемкой промышленности вообще не предусматривается никаких мер стимулирования.

Приведение государственной экономической политики в соответствие с общепринятыми в развитых странах приоритетами поддержки НТП и инновационной активности потребует существенного увеличения выделяемых на эти цели средств. Чтобы выйти на уровень передовых стран хотя бы по финансированию НИОКР относительно ВВП, объем государственных ассигнований на эти цели необходимо увеличить как минимум в полтора раза (см.: Приложение, рис. 3). Присоединение к ВТО существенно ограничит возможные формы поддержки и может затруднить освоение потенциально перспективных направлений развития отечественной промышленности.

В-третьих, полное открытие рынка государственных закупок для международной конкуренции может лишить многих отечественных товаропроизводителей жизненно важных для них возможностей сбыта своей продукции.

В-четвертых, придется пересматривать меры государственной поддержки отечественных товаропроизводителей на субфедеральном уровне, где сосредоточено 60% расходов консолидированного бюджета по статье – «Национальная экономика». Подавляющая часть закупок, осуществляемая муниципальными и региональными органами власти, может не вписаться в ограничения ВТО. Их

прекращение может серьезно ухудшить положение градообразующих предприятий и предприятий местной промышленности.

Таким образом, без применения адекватных мер государственной экономической политики стимулирования НТП и освоения новых перспективных технологий, присоединение России к ВТО может привести к закреплению сырьевой направленности развития экономики, свертыванию отечественного производства товаров с высокой добавленной стоимостью, деградации структуры отечественной промышленности и утрате имеющегося потенциала развития в наиболее перспективных направлениях. Сохранение и наращивание этого потенциала требует активной государственной политики с учетом ограничений, накладываемых обязательными для исполнения нормами ВТО. Развертывание инструментов такой политики необходимо осуществить до присоединения России к ВТО, предусмотрев их сохранение в условиях присоединения.

Литература

1. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М., 1993.
2. Борисов В.Н. Машиностроительный комплекс в воспроизводственном процессе: Методология и инструментальный анализа и прогнозирования: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. – М., 2001.
3. Шумпетер И. Теория экономического развития. – М., 1982.
4. Kleinknecht A. Long Waves, Depression and Innovation // The Economist. 1986, N 1.
5. Инновационный путь развития для новой России / Отв. ред. В.П. Горегляд; Центр социально-экономических проблем федерализма Института экономики РАН. – М., 2005.
6. Голиченко О.Г. Национальная инновационная система России: Состояние и пути развития. – М., 2006.
7. Белоусов А.Р. Долгосрочные тренды российской экономики. Сценарии экономического развития России до 2020 г. – М., 2005.
8. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2007 год.
9. Вальтух К. К экспертизе «Основных направлений социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу». – Новосибирск, 2000.
10. Россия в цифрах. 2006: Стат. сб. – М., 2006.
11. Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. – М., 2005.
12. Гладышевский А.И. Производственный аппарат России: Основные характеристики и перспективы использования. // Проблемы прогнозирования. – 2001, № 1.
13. Денисон Э. Исследование различий в темпах экономического роста. – М., 1971.
14. Глазьев С.Ю. Экономическая теория технического развития. – М., 1990.
15. Наука России в цифрах. 2005: Стат. сб. – М., 2005.
16. Основные направления денежно-кредитной политики на 2007 год.

17. Глазьев С.Ю. Кудрявая экономика // Политический журнал. – 2006. № 43–44.
18. Обучение рынку / Под ред. С.Ю. Глазьева. – М., 2004.
19. Рогов С.М. Функции современного государства: Вызовы для России: Научный доклад. – М., 2005.
20. Федеральный закон «О федеральном бюджете Российской Федерации на 2007 год».
21. Глазьев С., Аюфова З. Россия и ВТО: Преимущества и потери // Наш современник. – 2005, № 2.
22. Стратегия экономического развития России. По материалам общероссийской дискуссии, проведенной Комитетом Государственной думы по экономической политике и предпринимательству совместно с Отделением экономики РАН, Российским торгово-финансовым союзом и Российским экономическим журналом // Российский экономический журнал. – 2000, № 7.

Приложение

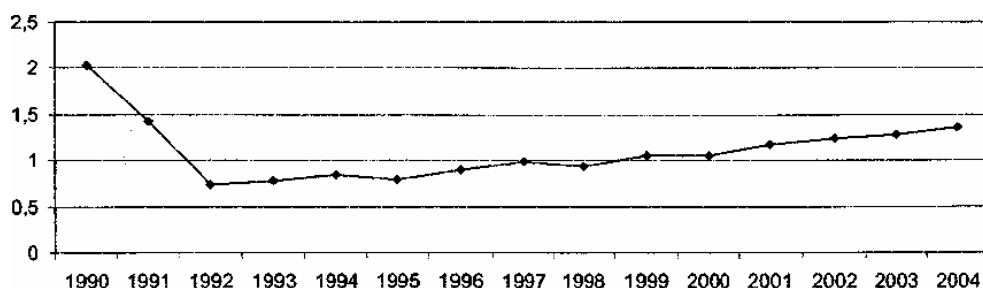

Рис. 1. Внутренние затраты на исследования и разработки в процентах к валовому внутреннему продукту.

См.: Российский статистический ежегодник. 2005.: Стат. сб. / Росстат. – М., 2005. – С. 593; Россия в цифрах. 2006. Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2006. – С. 312.

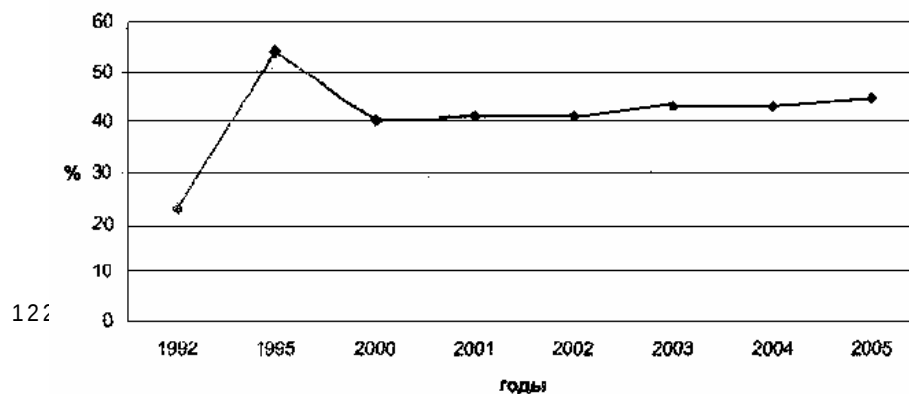

Рис. 2. Доля импорта в структуре товарных ресурсов розничной торговли (в процентах).

См.: Россия в цифрах. 2006. Крат. Стат. Сб. / Росстат. – М., 2006. – С. 292.

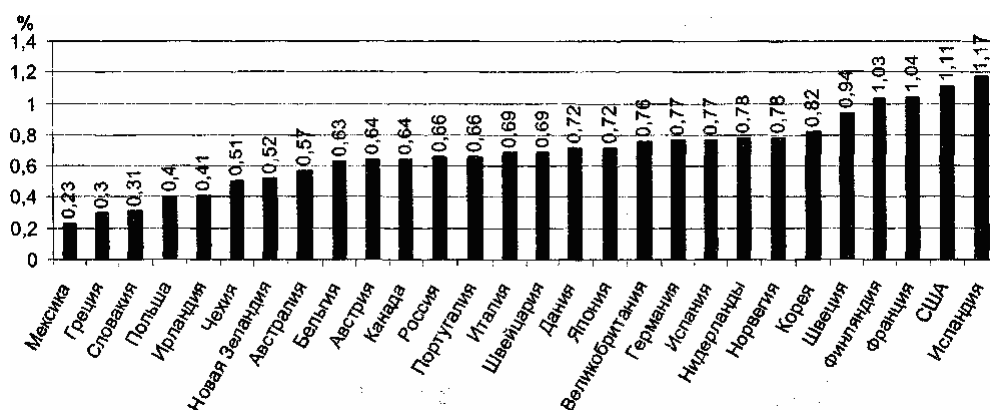

Рис. 3. Ассигнования на исследования и разработки в России и странах ОЭСР из средств государственного бюджета.

См.: Наука России в цифрах. 2005. Стат. сб. / Центр исследований и статистики науки. – М., 2005. – С. 184. Данные по России включают ассигнования на науку из средств федерального бюджета (в оценке ЦИСН за 2004 г. Источник данных по странам ОЭСР: OECD (2005). Main Science and Technology Indicators, N 1, Paris. Информация по Новой Зеландии приведена за 1999 г.; по Италии, Мексике, Польше – за 2001 г.; по Чехии, Швейцарии – за 2002 г.; по Великобритании, Греции, Исландии, Испании, Японии – за 2003 г.; по Австралии, Австрии, Бельгии, Германии, Дании, Ирландии, Канаде, Корею, Нидерландам, Норвегии, Португалии, Словакии, США, Финляндии, Франции, Швеции – за 2004 г.

Е. Я. Виттенберг

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА: ШИРОКИЙ ВЗГЛЯД

**Виттенберг Евгений Яковлевич – доктор
исторических наук, ведущий научный
сотрудник Института социологии РАН.**

Тема социальной ответственности бизнеса в России держится среди архимодных несколько лет. Первые проблески интереса к ней проявились в конце прошлого века, т.е. всего на 20–25 лет позже, чем в цивилизованном мире. А своего пика общественный, предпринимательский и научный интерес к этой проблеме достиг в 2004 г., когда она нашла отражение в Ежегодном послании Президента РС, а также в его выступлении на XIV съезде РСПП. По подсчетам специалистов, только за последние пять лет вопросы социальной ответственности бизнеса затрагивались в СМИ почти 8500 раз. Однако упоминание социальной ответственности бизнеса в большинстве публикаций было лишь данью моде, а содержание статей свидетельствовало о том, что их авторы имели о ней довольно смутное представление.

Вместе с тем, такое количество публикаций не могло не дать и некоего качественного приращения знаний как с точки зрения теории вопроса, так и с точки зрения накопления эмпирических данных об участии бизнеса в решении реальных социальных проблем.

Среди достижений в исследовании проблемы социальной ответственности бизнеса необходимо отметить тот факт, что началось систематическое осмысление отечественного опыта корпоративной социальной ответственности (КСО), осуществляется разработка методик оценки КСО с учетом международных стандартов и методики измерения социальных инвестиций (СИ), состоящей из количественного и качественного индексов, появились публикации первых социальных отчетов, подготовленных по международным стандартам. Значительным продвижением с точки зрения систематизации критериев КСО явилась публикация «Социальной хартии российского бизнеса», подготовленной РСПП¹.

В научных работах, посвященных социальной ответственности бизнеса, были сделаны попытки дать ее дефиниции, сформулировать критерии, определить ее российскую специфику, разграничить социальную ответственность власти, бизнеса и общества².

Особый интерес представляет социологическое исследование, осуществленное ИКСИ РАН в конце 2004 г., на тему «Крупный российский бизнес: Социальная роль и социальная ответственность».

Кроме того, за последние несколько лет был собран и обработан значительный эмпирический материал о социальных инвестициях российского бизнеса, а также его успехах на ниве благотворительности и меценатства³.

Наконец, появились первые информационно-аналитические работы по данной проблематике, выпущенные издательством «Коммерсант» – «Социальный портрет бизнеса»⁴ и фирмой «Интелбридж» – «Бизнес и общество»⁵. И если в первом издании содержалась информация о 20 компаниях, стремящихся вести социально ответственный бизнес, то во втором – уже о 550.

В современной науке и в предпринимательских кругах существуют по меньшей мере три основных подхода к социальной ответственности бизнеса. Первый подход связан с полным отрицанием ее необходимости как таковой. Так, В. Иноземцев считает, что «социальная ответственность бизнеса – это чистое изобретение власти. Копирайт заслуженно принадлежит персоналу администрации президента РФ». И далее, обосновывая этот тезис, он утверждает: «Никакого содержательного смысла за ним (понятием “социальная ответственность бизнеса”)». – Е.В.), как мне кажется, нет. Предпринимательство было всегда делом частным, а не общественным. Даже слово “частный” появилось в европейских языках именно тогда, когда ремесленники, торговцы и банкиры сумели освободиться от опеки и регламентации со стороны государства. Определение “публичный”, “общественный” приобрело современное звучание в те же времена, как бы подчеркивая, что социальную ответственность власть взяла на себя»⁶.

С подобной точкой зрения трудно согласиться. Прежде всего не совсем правомерно переносить разделение социальных обязанностей между бизнесом и властью, сложившееся в XVII–XVIII вв., на XXI в. Далее, являясь частью общества и работая в нем, современный бизнес, безусловно, не может не нести ответственность перед социумом хотя бы по таким статьям как выплата налогов, производство качественной продукции и охрана окружающей среды.

Попытки отрицания необходимости социальной ответственности бизнеса в России ныне осуществляются и с позиций христианства. Так, Ю. Кузнецов весьма категорично утверждает, что «идея социальной ответственности бизнеса, а именно, обязанность крупных корпораций делиться своими доходами с обществом, не имеет ничего общего с христианской этикой. Более того, по своим социально-психологическим последствиям эта идея является глубоко антихристианской, ибо дает повод людям переложить свою личную ответственность на бизнес или на корпорацию». По мнению автора этой точки зрения,

сегодня не следует говорить о социальной ответственности бизнеса еще и потому, что все идеи благотворительности содержатся в заповедях Божьих, где говорится об уплате десятины, долге оказания помощи человеку, попавшему в беду, обязанности помогать вдовам и сиротам и др.⁷

Не вдаваясь в полемику с автором этой точки зрения по поводу соответствия или несоответствия концепции «социальной ответственности бизнеса» христианским ценностям, отмечу лишь два момента. Первый связан с тем, что, как известно, понятие «социальная ответственность бизнеса» в современном звучании гораздо шире, чем понятие «благотворительность». А второй момент связан с тем, что сама церковь считает социальную ответственность бизнеса делом христианским и призывает бизнес к помощи бедным, к содействию возрождению культуры в стране, к сохранению природы. Более того, церковь с благодарностью принимает и участие бизнеса в возрождении духовности в стране, в восстановлении храмов, монастырей и т.д. Одновременно церковь подвергает жесткой критике тех бизнесменов, которые ведут безответственный бизнес и остаются глухими к нуждам общества. Так, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, выступая на XI Всемирном русском народном соборе, заявил: «Стыдно перед всем миром, когда богатые люди России на виду у всех тратят огромные деньги на сомнительные развлечения, в то время как на их родине люди получают мизерные зарплаты» (8).

Среди тех, кто признает важность социальной ответственности бизнеса в современной России имеют место две крайности. Апологеты первой крайности (это прежде всего отдельные представители крупного бизнеса) трактуют ее крайне узко. Они считают, что социальная ответственность бизнеса в России, как, впрочем, и во всем мире, должна сводиться к уплате налогов. А далее государство распределяет бюджетные средства в соответствии с общественными потребностями. Наиболее ясно эту позицию изложил президент «Альфа-Банка» П. Авен. Он заявил: «Наше дело – зарабатывать деньги для акционеров и клиентов в рамках закона. Других обязанностей у нас нет. Мы платим налоги и больше ничего не должны никому, кроме Бога и совести»⁹.

Такая точка зрения безусловно имела бы право на жизнь, если бы не одно обстоятельство. Это обстоятельство связано с тем, что российский бизнес в ходе приватизации получил большую долю национальных богатств по цене значительно ниже рыночной. Как отмечал В. Путин, «у нас есть категория людей, которые разбогатели и стали миллиардерами в одночасье. Их государство назначило миллиардерами: просто раздало государственное имущество практически бесплатно»¹⁰. В этих условиях для того, чтобы хотя бы частично восстановить социальную справедливость, необходимо либо провести деприватизацию с последующей приватизацией по рыночным ценам, либо побудить бизнес к добровольной компенсации обществу потерь от несправедливой приватизации посредством участия в различных социальных проектах.

Противоположное, безграничное толкование понятия «социальная ответственность бизнеса» наблюдается у некоторых представителей власти и у некоторых бизнесменов. Разумеется, прав генеральный директор корпорации «Аэрокосмическое оборудование» С. Бодронов в том, что, если бизнес участвует в выполнении оборонных заказов, то он несет ответственность за качество своей продукции и через это за обороноспособность страны¹¹. Однако также очевидно, что защита страны является прерогативой государства. Нельзя требовать от бизнеса того, чтобы он был за все в ответе. Есть сферы общественной жизни, за развитие которых несет основную ответственность государство. Это внешняя политика, оборона, борьба с преступностью, терроризмом, определение стратегии социально-экономического развития, обеспечение демократических свобод и т.д. Есть проблемы, за решение которых несут ответственность и государство, и бизнес. Это, например, поддержание социальной стабильности, борьба с бедностью, защита окружающей среды. И, наконец, есть области за которые, в основном, ответственность лежит на бизнесе. К ним относятся совершенствование управления на предприятии, развитие трудового коллектива, повышение качества выпускаемой продукции и т.д.

Наряду с трактовками социальной ответственности бизнеса, носящими конкретный характер, существуют и дефиниции, ставящие во главу угла определения КСО некие этические нормы. Так, З. Данаева определяет социальную ответственность бизнеса как его способность «достигать коммерческого успеха таким способом, чтобы соблюсти этические ценности и показать уважение по отношению к людям, обществу и окружающей среде»¹². Естественно, что при такой трактовке понятие «социальная ответственность бизнеса» вообще утрачивает свою смысловую определенность и превращается в некую абстракцию, содержание которой каждый сможет трактовать произвольно, в зависимости от того, что он вкладывает в понятие «уважение к людям», или от того, приверженцем каких этических ценностей он является.

Существуют и другие определения социальной ответственности бизнеса. Однако, как мне представляется, в них нет главного, а именно осознания того, что **сегодня в приоритетах социальной ответственности власти и бизнеса в России первое место, безусловно, должна занимать задача поддержания социального мира и социальной стабильности**, а все остальное в ней необходимо подчинить решению этой проблемы.

Вероятно, кому-то постановка во главу угла этой задачи именно сегодня покажется странной и несвоевременной. Ведь страна более или менее успешно развивается, растет уровень жизни части населения и т.д.

Однако можно утверждать и обратное: в России существует реальная угроза возникновения серьезных социальных конфликтов и более того – социального взрыва. И для развития России по этому сценарию есть историче-

ские, социально-экономические, политические и психологические предпосылки.

Историческая компонента заключается в том, что в России на протяжении XIX в. произошли четыре революции. Таким показателем революционной активности не может «похвастаться» ни одна страна в мире. История свидетельствует о том, что в российском социуме, возможно на генетическом уровне, заложен огромный революционный потенциал, который, как представляется, полностью не исчерпан. Решение вопросов власти, собственности, социальной справедливости в России традиционно осуществляется революционным путем.

Экономические предпосылки возможного социального взрыва связаны прежде всего со способами приватизации, осуществленной в стране. Как показывают социологические исследования, подавляющая часть населения считает себя обманутой и обобранной в ходе приватизации, а новых собственников – ворами. Феномен российской приватизации еще нуждается в серьезном научном осмыслении. Сегодня лишь очевидно, что российская приватизация была крупнейшим обманом в истории человечества. И это россияне поняли, не забыли и не простили. Они также считают несправедливой и существующую сегодня систему распределения сверхвысоких доходов от реализации энергетических ресурсов.

Проповедуемые апологетами режима идеи, согласно которым сытый народ (а он действительно постепенно становится таковым) все более лояльно относится к власти, примитивны и весьма опасны. Российский опыт, и в частности опыт революции 1905 г., свидетельствует как раз об обратном. Именно в России начала XX в., когда страна успешно развивалась, и рос уровень жизни народа, возникло мощное социальное недовольство, проявившееся в революции 1905 г.

Социальные причины потенциальных общественных катаклизмов кроются в том, что нынешняя власть в России практически не имеет под собой сколь-нибудь широкой социальной опоры. Ею недовольна подавляющая часть населения. Сегодня ситуация весьма похожа на ситуацию, в которой оказался коммунистический режим: он казался незыблемым, якобы поддерживаемым большинством населения, но народ поддержал курс реформ, все более радикализуясь по ходу событий.

И, наконец, для выражения социальных протестов в крайних формах более чем достаточно психологических и морально-этических причин. Осуществляя в стране рыночные реформы, власть обещала обществу благополучие, демократию, уверенность в счастливом завтрашнем дне. Ни первого, ни второго, ни третьего общество не получило. Так что будущая революции может быть революцией обманутых надежд.

В свете сказанного выше определение социально ответственного бизнеса должно выглядеть примерно следующим образом: социально ответственный биз-

нес в России – это такой бизнес, который осуществляет свою деятельность не только с целью саморазвития и получения прибыли, но и активно участвует (на своем уровне и в соответствии со своими возможностями) в решении или смягчении наиболее острых проблем общества с целью предотвращения нарастающей опасности социального взрыва. На сегодняшний день это основная совместная задача и власти, и бизнеса.

* * *

Если рассматривать ситуацию в России с точки зрения не утратившего актуальности ленинского определения революционной ситуации как кризиса верхов, когда верхи «не могут управлять по-старому», и кризиса низов, когда низы «не хотят жить по-старому», то обстановка в стране выглядит следующим образом. Кризис верхов, на наш взгляд, просматривается достаточно отчетливо. Ныне построена вертикаль власти, подавлена губернаторская воляница, обе палаты парламента готовы принять любые законы, необходимые администрации президента и правительству, убрана с политического поля мало-мальски серьезная оппозиция, сведена к минимуму свобода СМИ. Одновременно существует весьма благоприятная экономическая конъюнктура, при которой стоимость энергоносителей остается высокой и государство буквально тонет в валютных поступлениях. В этой ситуации у власти появился исторический шанс осуществить, наконец, серьезные рыночные реформы, свести к минимуму бедность, произвести структурные изменения.

Однако вместо рывка мы видим беспомощное топтание на месте. Власть демонстрирует полную неспособность решить какую-либо серьезную социально-экономическую проблему. Практически все намеченные реформы (госрегулирование, административная, бюджетная, военная, пенсионная, реформа ЖКХ и др.) по сути дела, провалились. У власти постоянно не хватает политической воли для того, чтобы довести начатое до конца. Причем сама власть прямо или косвенно признает провал всех своих реформаторских начинаний.

Так, например, на заседании правительства 19 октября 2006 г. был констатирован факт провала 10-летней реформы ЖКХ, суть которой свелась к банальному многократному повышению стоимости коммунальных услуг при неизменности их низкого качества. Единственным следствием этой псевдореформы стало появление весьма состоятельного слоя коммунальной бюрократии.

Аналогичная судьба постигла и административную реформу, а министр финансов А. Кудрин честно признал, что «по сути, административную реформу замотали. Мы остановились на первом этапе. Наша задача состояла в резком сокращении госфункций. Однако правительство в некоторых случаях пошло в обратную сторону – ввело дополнительные функции государства по разрешительным процедурам для бизнеса»¹³. Что касается населения России, то его

буквально начинает трясти при слове «реформа». Для него реформы означают падение жизненного уровня, рост бюрократического произвола и неразберихи.

Сегодняшняя власть, расписавшись в собственной неспособности осуществить ряд декларативных системных реформ, стремится переключить внимание общественности на свои новые начинания в виде четырех национальных проектов. Однако и здесь, судя по тому, как эти проекты были задуманы и как начали осуществляться, власть ждет очередное фиаско. А если посмотреть на то, как власть собирается финансировать национальные проекты, видно, что она и не собирается что-либо серьезно менять. При осуществлении незамысловатых арифметических подсчетов получается, что в 2007 г. государство потратит на осуществление всех четырех национальных проектов в расчете на одного гражданина России менее 60 USD! Едва ли такие ассигнования позволят власти что-либо качественно улучшить в стране.

Что касается общества, то оно в своем большинстве уже не питает иллюзий относительно результатов этих проектов. По данным ВЦИОМа, полученным в конце 2006 г., 57% жителей России считают, что нацпроекты не окажут существенного влияния на их жизнь, 43% уверены, что деньги будут использованы не эффективно, а 31% – просто разворованы. И только 13% верят в успешное освоение выделяемых средств. Стремление власти подменить системное решение вопросов благосостояния населения и борьбы с бедностью рекламной кампанией в канун выборов будет иметь противоположный задуманному результат, а именно, вместо смягчения социальной напряженности в обществе, ее усилит.

Россияне не любят власть за ее равнодушие к их нуждам, за низкий уровень жизни, за невозможность, в силу бедности, решить вопросы приобретения достойного жилья, образования детей, качественного медицинского обслуживания. О подобного рода недовольстве подавляющего большинства населения свидетельствуют данные многих социологических исследований. Деятельность правительства негативно оценивают до 65% граждан, а деятельность Государственной думы – до 75%! Опросы Левада-центра показывают, что недовольство политикой власти среди населения усиливается. Так, если в декабре 2003 г. 51% респондентов поддерживали действия властей, а 35% считали, что «страна движется по неверному пути», то в декабре 2006 г. аналогичный опрос показал прямо противоположную картину: 52% отметили, что страна движется по неверному пути и лишь 35% сказали, что «дела в стране идут в правильном направлении». Согласно социологическому исследованию, проведенному Центром в сентябре 2006 г., 83% респондентов отмечали, что сегодня человеку в России не хватает прежде всего материального достатка, 43% были недовольны жилищными условиями, 35% – своей жизнью в целом, а 62% не чувствовали уверенности в завтрашнем дне.

Опрос, проведенный в конце 2006 г. Институтом экономики РАН, выявил, как сообщил директор Института Р.С. Гринберг в выступлении на радиостанции «Эхо Москвы» 3 января 2007 г., что 83% россиян недовольны оплатой своего труда. И это недовольство связано не только с тем, что люди всегда хотят больше, чем имеют, но прежде всего с тем, что в России явно не доплачивают многим категориям трудящихся. Здесь достаточно сказать, что если по производительности труда Россия отстает от США в 3–4 раза, то по заработной плате в 10–13 раз!

При этом население понимает, что живет в богатом государстве, буквально не зная куда девать деньги. Мало того, граждане России видят, что они живут и в весьма щедром государстве, которое простило долги на сумму около 40 млрд. долл. и тем государствам, которые их действительно не могли заплатить, и тем, которые вполне могли заплатить, если не сегодня, то через некоторое время.

Щедрость российского государства проявлялась до последнего времени и по отношению к ближайшим соседям. Так, в 2007 г. Белоруссия получит от России за счет низких цен на энергоносители 5,8 млрд. долл.

Представители бизнеса, за исключением той его части, которая срослась с бюрократией, испытывают к власти устойчивое чувство неприязни из-за негарантированности прав собственности, тяжелого налогового гнета, тотальной коррупции, бесправия перед лицом криминального и чиновничьего произвола. Не может быть доволен бизнес и степенью экономической свободы в стране. Так, по данным ежегодного отчета, представленного исследовательским центром Heritage Foundation и газетой The Wall Street Journal в 2006 г. Россия по уровню экономической свободы занимала 120 место в мире и находилась по этому показателю между Китаем и Непалом.

Мы живем на пороховой бочке набитой ненавистью, завистью, несбывшимися надеждами, унижениями, национальными комплексами как полноценности, так и неполноценности и, если эта гремучая смесь рванет, то никому мало не покажется. Вот почему первоочередной задачей социально ответственных власти и бизнеса является предотвращение очередного российского бунта, возможно справедливого по целям, но не предсказуемого по последствиям. У нас не будет революции роз и тюльпанов. У нас будет революция большей или меньшей крови, а этого допустить никак нельзя. У власти и бизнеса должен сработать инстинкт самосохранения, поскольку они рискуют потерять все. Не стоит очередной раз наступать на одни и те же исторические грабли. И ситуация в России такова, что в предотвращении возможных социальных потрясений важную роль должен сыграть зарождающийся социально ответственный бизнес. Именно предпринимательство, являющееся главной движущей силой рыночных преобразований, составляющее основу становящегося гражданского общества, может содействовать поддержанию социального мира. Именно класс

предпринимателей, в условиях отсутствия реальной политической оппозиции, должен взять на себя не свойственные ему функции и донести до власти содержание реальных вызовов и угроз, существующих в стране.

У читателя может возникнуть резонный вопрос: почему задача предотвращения возможного кровавого и разрушительного бунта возлагается на бизнес? Да потому, что представители власти и представители крупного бизнеса являются по сути дела членами одной элиты. И, благодаря этому, сегодня у бизнесменов, как у страты, находящейся в какой-то мере ближе к обществу, чем власть, и ближе к власти, чем остальное общество, есть наибольшие шансы для того, чтобы воздействовать на власть с целью недопущения социальных конфликтов.

Прежде всего социально ответственный бизнес должен убедить власть в выгоды для нее существования в стране действительной оппозиции, отражающей интересы недовольных властью, канализирующей их требования и направляющей их в цивилизованное русло. И, разумеется, бизнес, заинтересованный в политической стабильности в стране, должен содействовать появлению соответствующих политических партий и оказывать им всестороннюю поддержку.

Справедливости ради надо отметить, что и власть озабочена отсутствием политического плюрализма в стране и пытается создать некое подобие оппозиции себе. Ведь именно этим можно объяснить появление на политической арене партии «Справедливая Россия». Однако, как и в других случаях, власть стремится подменить системное решение проблемы видимостью этого решения. Очевидно, что это новое политическое образование не сможет в полной мере отразить интересы недовольных властью и не позволит мерить давление в социальном котле.

Социально ответственный бизнес должен бороться за воссоздание независимых СМИ. Без такого мощного инструмента критики и корректировки деятельности власти, донесения до нее общественных настроений ни одно здоровое общество не может существовать. С этой целью социально ответственный бизнес обязан создавать независимые СМИ, которые критиковали бы ошибки власти, задавали ей неудобные и неприятные вопросы и тем самым способствовали ее совершенствованию или смене, но ненасильственным путем.

Социально ответственный бизнес должен содействовать формированию и развитию институтов гражданского общества и прежде всего независимых профсоюзов. К сожалению, как показало наше исследование, сегодня сотрудничают с профсоюзами с целью «бесконфликтного ведения бизнеса» менее 1% опрошенных предпринимателей, а поддерживают другие институты гражданского общества – чуть больше 1%¹⁴. Такому положению дел есть много причин, но прежде всего это связано с тем, что, несмотря на все сказанное выше, взаимоотношения бизнеса и власти не являются равноправными. Сегодня биз-

нес практически полностью зависит от власти, сконцентрировавшей в своих руках разрешительные, фискальные, контрольные и репрессивные функции. Более того, российский бизнес находится в условиях, когда он, желая того или нет, постоянно или время от времени нарушает закон. Такая ситуация делает бизнес уязвимым перед властью. Сегодня практически любой бизнесмен, в случае превышения дозволенного уровня критики власти, на законных основаниях может быть подвергнут уголовному преследованию. И это власть жестко продемонстрировала бизнесу, посадив М. Ходорковского.

Одним из главных источников потенциальных конфликтов безусловно может стать масштабная бедность в России. По данным социологических исследований, в России ныне приблизительно 1% населения может быть отнесен к категории богатых, 15–20 – к среднему классу, 35 – к бедным, а остальные 45–50% уже вышли из категории бедных, но еще не достигли по тем или иным показателям статуса среднего класса (данные о численности бедных и среднего класса, в зависимости от критериев и методик подсчетов, существенно различаются, но в любом случае исследователями повсеместно признается, что средний класс небольшой, а страта бедных – значительна). Такая социальная пирамида является крайне неустойчивой. Хорошо известно, что в западных системах стратификации преобладает средний класс, что является залогом их социальной стабильности. Как нам представляется, власть и бизнес явно недооценивают угрозы социальной нестабильности, вытекающей из подобного социального расклада. Отчасти это связано с тем, что некоторые исследовательские учреждения, видимо стремясь угодить власти, готовы зачислить в средний класс как можно больше граждан. Так, например, Всероссийский центр уровня жизни в своем докладе о динамике доходов населения

в 2006 г. отнес к среднему классу всех, кто имел доходы от 6963 руб. до 20 504 руб. «Именно эту категорию (около 40% населения) мы относим к среднеобеспеченным слоям и понимаем ее как средний класс», – пояснила сотрудница ВЦУЖ А. Гулюгина¹⁵.

Ближе к определению подлинных размеров среднего класса подошел ИС РАН, по данным которого основанных на совокупности объективных и субъективных критериев, что средний класс составляет 20–22% городского населения и около 14% населения страны¹⁶. Такой средний класс безусловно мал для того, чтобы выполнять функцию социального стабилизатора. В докладе ИС РАН зафиксирована и тревожная тенденция сокращения среднего класса. Так, если в 2003 г. средний класс составлял около 25%, то в 2006 г. – лишь 20–22%¹⁷. Уменьшение среднего класса напрямую связано с неразумной политикой государства, вследствие которой происходит сокращение традиционного среднего класса, а именно представителей малого бизнеса.

Было бы неверно утверждать, что власть вообще ничего не делает для сокращения страты бедных. Так, за последние годы росли заработные платы, пособия и росли они нередко быстрее, чем уровень инфляции, что в определенной мере содействовало сокращению страты бедных. Однако, как нам представляется, это сокращение было значительно меньше, чем позволяют сегодняшние возможности государства. Так, например, социально ответственная власть, вместо того, чтобы складывать огромные средства в непрозрачный стабилизационный фонд, могла бы серьезно сократить категорию бедных, существенно увеличив пенсии. В этой связи разговоры о том, что увеличение пенсий повлечет за собой резкий рост инфляции, выглядят не очень убедительно. Серьезное увеличение пенсий не только не вызвало бы сколько-нибудь ощутимого скачка инфляции, но и увеличило бы спрос, а стало быть стимулировало производство. Аналогичным образом категорию «новых бедных» можно было бы существенно сократить, увеличив заработные платы работникам бюджетной сферы. Эти увеличения происходят, но опять-таки значительно медленнее, чем сегодня позволяют возможности государства. И рост потребительских возможностей данной категории трудящихся также мог бы стимулировать экономический рост.

С целью уменьшения категории бедных власть также могла бы пойти на повышение различного рода пособий и субсидий, сокращение или полного освобождения от налогов бедных. Разумеется, и сам социально ответственный бизнес мог бы много сделать для сокращения категории бедных в стране и сделать это не путем благотворительных акций, а с помощью уже апробированных в мире технологий. Среди них необходимо прежде всего назвать создание квалифицированных рабочих мест, корректировку стоимости труда в сторону ее повышения и приведение ее в соответствие с количеством и качеством труда. Мировая практика свидетельствует о том, что важнейшим инструментом уменьшения бедности является развитие малого и среднего бизнеса, ремесленничества, индивидуального предпринимательства. Здесь бизнес и власть могли бы объединить свои усилия. Власть могла бы, наконец, провести дебюрократизацию деятельности бизнеса, обеспечить его действительно дешевыми кредитами (например, создать банк поддержки малого бизнеса с льготными или беспроцентными кредитами), освободить на два-три года от налогов начинающий малый бизнес. Коммерческие банки могли бы также озаботиться вопросами предоставления предпринимателям дешевых кредитов, создать гибкую инфраструктуру микрокредитования.

Серьезным дестабилизирующим фактором в России является увеличивающееся социальное неравенство. Так, по данным Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, разрыв между 10% бедных и 10% богатых граждан по уровню доходов ныне составляет 23 раза, тогда как в Швеции 4 раза, в ЕС – 6–8 раз, в США 9–10 раз. При этом принято считать, что опас-

ность социальных конфликтов нарастает после того, как разрыв между богатыми и бедными начинает превышать 10 раз.

Сегодня в России 60 миллиардеров, (в 1997 г. их было всего 6, в 2005 г. – 36)¹⁸. Столь же быстро растет армия российских миллионеров. Ныне она насчитывает более 500 тыс. человек. На самом деле в России и тех, и других значительно больше. Эти цифры не учитывают представителей теневого и криминального бизнеса, чиновников, поучаствовавших в приватизации и разложивших свои акции на десятки подставных лиц. Ведь неслучайно в России до сегодняшнего дня иногда крайне трудно установить подлинного владельца того или иного предприятия или банка. Быстрый рост категории богатых и сверхбогатых очевиден. И если бы аналогичными темпами уменьшалась страта бедных, рос средний класс, сокращалась бы пропасть между богатыми и бедными, то Россию можно было бы поздравить с приобретением большей социальной устойчивости. Однако этого, к сожалению, не происходит. Более того, пропасть между богатыми и бедными постоянно углубляется, ибо доходы бедных растут в России со скоростью в три раза медленнее, чем доходы богатых. Об этом говорят и данные минувшего 2006 г. Так, Р. Гринберг отмечает, что по данным его Института в 2006 г. доходы половины граждан России снизились или остались на прежнем уровне, а практически весь рост доходов в стране в 11% пришелся на высокодоходные группы.

Что могут сделать для исправления ситуации социально ответственные власть и бизнес? Власть, видимо, должна подумать о возвращении к системе прогрессивного налогообложения, о введении налога на роскошь. Среди апробированных мировой практикой мер необходимо опять-таки назвать развитие малого и среднего бизнеса. Именно они могут стать тем локомотивом, который даст миллионам людей достойный уровень доходов и тем самым сократит пропасть между богатыми и бедными.

Вклад бизнеса в решение этой острейшей проблемы должен заключаться прежде всего в уплате налогов, которые позволили бы государству перераспределять финансовые ресурсы в пользу бедных и тем самым сглаживать социальное неравенство.

Что касается нивелирования неравенства возможностей, то здесь государство и бизнес уже кое-что делают, обратив внимание на разительные различия в качестве образования в городах и деревнях, начав компьютеризацию и интернетизацию школ. Можно надеяться, что принятие закона об эндаументах расширит возможности бизнеса осуществлять программы, направленные на расширение доступа к образованию талантливых выходцев из низов, что позволит интегрировать их в средний класс и высшие слои общества и тем самым лишит возможную революцию потенциальных лидеров. Однако здесь еще непочатый край работы.

Известно, что постоянным общественным раздражителем является тотальная коррупция, ставшая атрибутом всех сфер нашей жизни. Коррупция пропитала все уровни и все ветви нашей власти. Информация о покупке депутатских мест в парламенте, голосов депутатов с целью проведения тех или иных законов, о «заносах» чемоданов и чемоданчиков с деньгами в органы законодательной и исполнительной власти всех уровней (иногда даже с конкретикой: кто, кому, сколько), о продаже и покупке высоких чиновничьих постов время от времени становится достоянием общественности. При этом, с одной стороны, прокуратурой практически не возбуждаются уголовные дела по этим фактам, а с другой – крайне редко судебные иски о защите чести и достоинства. Это свидетельствует о том, что правоохранительные и судебные органы являются одной из коррупционных составляющих государства.

Государство заразило бациллами коррупции и частный бизнес. Ныне на частных предприятиях и фирмах трудно получить заказ, заключить договор без задействования личного интереса того, от кого зависит решение вопроса.

Что могут сделать социально ответственные власть и бизнес для того, чтобы не допустить социального взрыва, спровоцированного тотальной коррупцией? Прежде всего осознать ее глубинные причины, масштабы и начать с ней бороться совместными усилиями повсюду, последовательно и бескомпромиссно. При этом сама власть должна перестать быть источником коррупции: покупать депутатов, продавать государственные должности и подкупать отдельные категории граждан, имеющих влияние на общество. Одним словом, представители высшей государственной власти, которые, как я полагаю (возможно наивно), сами не замешаны в коррупции, должны возглавить борьбу с коррупцией во имя удержания власти и поддержания социального мира. Сложность заключается в том, что у государства сейчас нет структуры, у сотрудников которой были бы, что называется, чистые руки и безупречная репутация. В этой ситуации есть два пути решения проблемы. Первый путь связан с созданием некоей новой структуры по борьбе с коррупцией, в которую можно было бы собрать честных людей из прокуратуры, МВД, ФСБ, Счетной палаты и т.д. Будем надеяться, что они еще там остались. Видимо, необходимо также пригласить специалистов из-за рубежа.

Второй путь – путь жесткой зачистки от коррумпированных элементов органов, призванных бороться с коррупцией. Международный опыт свидетельствует о том, что если такие антикоррупционные зачистки провести раз, два, три, то в конце концов можно будет создать относительно честную команду для борьбы с коррупцией.

Далее, создав тем или иным путем армию борцов с коррупцией, будет, видимо, необходимо довооружить ее законами по борьбе с коррупцией, если их все-таки еще не хватает. Одновременно следует подвергать тщательной

независимой экспертизе все законы на предмет выявления в них щелей для коррупционеров. Среди частных мер следует, наконец, отменить парламентскую неприкосновенность с тем, чтобы парламент не превращался в прибежище для коррупционеров. Возможно есть смысл подумать о замещении большего числа государственных должностей на конкурсной основе, проработав защиту этих конкурсов от проникновения в них коррупции, начать приглашать на высокие и средние должности чиновников из-за рубежа.

Безусловно для борьбы с коррупцией необходимо сделать так, чтобы взяточдатели и взяточполучатели не чувствовали себя в полной безопасности. Перспектива наказания не с вероятностью 1:100 000, как сейчас, а хотя бы 1:10 отрезвит многих коррупционеров. Сильным шагом против коррупции может стать избавление государства от чувства ложной скромности. Я имею в виду тот факт, что государство должно интересоваться тем на какие средства тот или иной чиновник, получающий зарплату 15–30 тыс. руб. в месяц, покупает недвижимость, стоящую миллионы долларов, становится владельцем солидных пакетов акций, отдыхает на самых дорогих и престижных курортах и т.д. Полагаю, что подобные действия могли бы нанести серьезный удар по коррупции.

И, наконец, необходимо подвергнуть чиновничество тотальной проверке на детекторе лжи и установить за ним действительный парламентский, а главное – общественный контроль.

Что мог бы сделать для борьбы с коррупцией социально ответственный бизнес? Прежде всего навести порядок в своих рядах и минимизировать коррупцию внутри самого бизнеса. Как представляется, обуздать коррупцию внутри бизнеса значительно проще, чем в масштабах государства. Для этого существуют службы безопасности, которые имеют технологии выявления коррупционеров в корпорациях.

Необходимо начать активное разрушение коррупционных взаимоотношений бизнеса и власти. С одной стороны, чиновники, ставят массу бюрократических преград на пути предпринимателей и тем самым вынуждают их давать взятки, а с другой – многие бизнесмены, пытаются обойти закон, выиграть любой ценой в конкурентной борьбе, недоплатить в казну налоги, сами выступают инициаторами коррупционных сделок. К сожалению, так поступает значительная часть социально безответственного бизнеса.

Тем не менее у власти и бизнеса есть реальная возможность пойти по пути сокращения коррупции. Для этого прежде всего нужны политическая воля государства и стремление бизнеса решать свои проблемы в правовом поле. Что касается государства, то ему в этом вопросе, как, впрочем, и в других, политической воли явно не хватает. Да и бизнес, несмотря на принятие многочисленных хартий, кодексов чести и т.п., с трудом отказывается от взятки как инструмента решения своих проблем. Вместе с тем социально от-

ветственный бизнес, кровно заинтересованный в минимизации коррупции, просто обязан убедить власть, что следование России по пути коррупционного государства – это путь, ведущий к национальной катастрофе, и поддержать ее в тяжелой борьбе с коррупцией.

С вопросом о борьбе с коррупцией, способной спровоцировать социальный взрыв, тесно связан вопрос о борьбе с всевластием российской бюрократии. Сегодняшняя российская бюрократия впитала в себя все худшие черты царской бюрократии, описанной в произведениях Грибоедова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Островского, и бюрократии советской. В результате возник гибрид нынешнего российского бюрократа, ужасающего по неэффективности своей деятельности, уверенного в своей безнаказанности, бесконечно циничного и наглого. Специфика нынешней российской бюрократии такова, что она эмансипирована не только от общества, что является обычным явлением, но и от высшей бюрократии, нередко саботируя ее решения. Нельзя не согласиться с теми экспертами, которые считают, что бюрократия приватизировала государство, направляя его деятельность не на служение обществу, а самой себе. Она также приватизировала и государственный бюджет, используя его для удовлетворения собственных потребностей. Что касается общества, то его потребности удовлетворяются по остаточному принципу.

Глухое недовольство общества вызывает богатство бюрократии, природа которого, как правило, носит криминальный характер. Сегодня с большой долей уверенности можно утверждать, что чиновники являются самой состоятельной частью общества. Причем это следует из анализа только легальных доходов чиновников. Так, согласно данным Росстата, средняя зарплата органов исполнительной власти выросла в 2005 г. на 44,1%, тогда как средняя зарплата по России увеличилась за год всего на 21,3%. Опережающий рост зарплаты чиновников по сравнению с другими категориями граждан продолжился и в 2006 г. В бюджете 2007 г. также заложен рост оплаты труда чиновников на 30%. Между тем полуполюгальные доходы чиновников значительно, а иногда и на порядок выше, чем цифры, приведенные Росстатом, ибо последние не учитывают премии, стоимость различного рода привилегий (например, стоимости бесплатно получаемых дорогостоящих квартир, бесплатного медицинского обслуживания и т.д.). Интересны данные по отдельным субъектам Федерации, согласно которым средняя заработная плата работников исполнительных органов в конце 2006 г. в Таймырском АО составляла 61 021 руб., в Ханты-Мансийском АО – 39 657, в Ненецком АО – 49 625, в Москве – 24 124, в Московской области – 21 914, в Санкт-Петербурге – 28 928, в Ленинградской области – 32 670 руб. По мнению автора, приведшего эти цифры (Е. Зубченко в статье «Кому у нас жить хорошо») средняя зарплата чиновников по стране в два раза выше средней зарплаты россиян¹⁶. А если к этому добавить средства, полученные от взяток, откатов и т. п., то получится еще более уди-

вительная картина. По подсчетам специалистов, сегодня коррупционный бюджет России в год составляет в экономике порядка 400 млрд. долл. и 3 млрд. в бытовой сфере (взятки сотрудникам ГАИ, врачам, учителям, работникам ЖКХ и т.д.). И если провести грубый подсчет и разделить коррупционные деньги на

1,5 млн. чиновников, то получится, что на каждого чиновника приходится приблизительно 22,3 тыс. долл. взяток в месяц.

Таким образом доходы среднего бюрократа сегодня значительно превышают доходы представителей малого и среднего бизнеса, а доходы высшей бюрократии (легальные и нелегальные) сравнимы с доходами представителей крупного бизнеса.

Что могут сделать социально ответственные высшая власть и бизнес для того, чтобы не допустить открытого столкновения между обществом и бюрократией? Прежде всего, как справедливо отмечал В. Путин, «необходимо отделить деньги от власти». Но сделать это, к сожалению, чрезвычайно трудно поскольку власть и деньги в России сплелись практически в единое целое. И разделить этих сиамских близнецов сможет только весьма опытный хирург. Сегодня во власти находятся тысячи бывших бизнесменов, которые не продали свой бизнес, как это имеет место во всем цивилизованном мире, и, в лучшем случае, передали его в управление, а в худшем, вопреки всем законам, продолжают им распоряжаться через подставных лиц.

Во власти также находятся тысячи чиновников, которые, уже будучи во власти, стали бизнесменами, получив свой бизнес незаконным путем. Кроме всего прочего бизнес и власть в России соединены многочисленными родственными узами, когда, скажем муж – политик, а жена – бизнесмен, отец – политик, а сын – бизнесмен и т.д. Такая ситуация создает нездоровую основу для взаимоотношений власти и общества и чревата непредсказуемыми последствиями. Власть должна настойчиво попросить бизнесменов во власти определиться, где они хотят остаться: во власти или в бизнесе.

Острейшей проблемой для власти и бизнеса, могущей вызвать социальный взрыв, является проблема качества выпускаемой в стране продукции. Сегодня в России по разным данным на рынке находится от 30 до 60% поддельных лекарств, до 30% фальсифицированной алкогольной продукции, до 20% некачественных продуктов питания. Подобные масштабы производства некачественных товаров создают реальную угрозу здоровью и жизни миллионов граждан, а в конечном итоге и самому существованию страны. Такое положение дел является следствием как социальной безответственности власти, плохо выполняющей функции контроля за качеством выпускаемой продукции, так, в еще большей степени, безответственности бизнеса, являющегося основным поставщиком некачественной продукции.

Немногим лучше обстоит дело и с качеством выпускаемых в стране промышленных товаров. Низкое качество российских автомобилей, самолетов, продукции строительной индустрии, связи, различного рода услуг широко известно и вызывает в обществе, судя по публикациям в СМИ, серьезное недовольство. Несмотря на это, власть лишь в самое последнее время (после волны массовых отравлений в 2006 г. некачественным алкоголем и его замечаниями с тысячами летальных исходов) обратила, наконец, внимание на кричащую проблему качества производимой в стране продукции. Что касается бизнеса, то он, как нам представляется, так до сегодняшнего дня до конца и не осознал остроту и опасность для общества этой проблемы. Так, согласно нашему исследованию 2005 г., лишь около 13% предпринимателей отметили качество выпускаемой ими продукции в качестве показателя социальной ответственности бизнеса (5, с. 28).

Между тем эта позиция существенно расходится с ожиданиями общества от социально ответственного бизнеса. Так, согласно социологическому исследованию, осуществленному Ассоциацией менеджеров России, подавляющее большинство респондентов назвали «качество товаров и услуг» одним из основных критериев социальной ответственности бизнеса, а 43% – назвали его «самым важным фактором» социальной ответственности²⁰.

Что должны делать социально ответственные власть и бизнес для того, чтобы недоброкачественная продукция не уносила ежегодно жизни десятков тысяч наших соотечественников? Для начала нужна ясная и полная статистика, констатирующая, что от некачественного алкоголя в стране умерли столько-то тысяч человек, от некачественного медицинского обслуживания столько-то.

Далее необходимо деполитизировать проблему качества товаров и услуг. Так, например, было очевидно, что значительная часть грузинских и молдавских вин, подделанных как в этих странах, так и в самой России, весьма низкого качества и могла представлять определенную угрозу для здоровья россиян. Однако со времени распада СССР, т.е. в течение 15 лет, власти смотрели на это спокойно и позволяли завозить их в страну в огромных количествах. Но как только отношения с руководством этих стран испортились, заговорили о низком качестве вин и запретили их импорт в Россию.

Что касается бизнеса, то без преувеличения можно сказать, что он несет львиную долю ответственности за состояние дел с качеством товаров и услуг в России. Ведь именно частные предприятия производят большую часть некачественных алкоголя, лекарств, продовольствия, строят некачественное жилье и. т.д. Все это деяния социально безответственного бизнеса.

В свою очередь социально ответственный бизнес, который, к счастью, в стране есть и развивается, старается производить качественные товары,

внедряет на своих предприятиях международные стандарты качества, стремится выйти со своей продукцией на международные рынки.

Кроме названных выше проблем, для поддержания социальной стабильности ответственный бизнес должен уделять внимание и таким важнейшим вопросам как соблюдение прав человека, сохранение природной среды, участие в развитии регионов своего местонахождения и др. Однако рамки статьи не дают возможности подробно осветить все аспекты социальной ответственности бизнеса. Мы остановились на главных вопросах, без решения которых страна может в ближайшее время скатиться в пучину социально-экономического хаоса. И от того, насколько социально ответственно в этих условиях будут действовать власть, бизнес и общество, зависит по какому сценарию – эволюционному или очередному революционному – пойдет развитие страны.

Использованные источники и литература

1. См. журнал «Бизнес и общество», выходящий ежеквартально с 2003 г. и в каждом номере публикующий материалы о компаниях, ведущих свои дела с позиций социальной ответственности.
2. См.: Попов И.В. Социальные функции предпринимательства. – М., 1997; «Социальное измерение в бизнесе». – М., 2001; «Социальная ответственность российского бизнеса: Актуальная повестка». – М., 2003; «Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян». – М., 2006 и др.
3. Социальная хартия российского бизнеса. – М., 2004.
4. См.: Социальный портрет бизнеса. – М., 2004.
5. См.: Кто есть кто в российском бизнесе, вып. 3: «Бизнес и общество». – М., 2005.
6. Иноземцев В. Никакого бизнеса – чисто личное // Эксперт Урала. – 20 дек. 2004. – С. 8.
7. См.: Liberty ice. Ru.
8. Коробов П. Церковь попрекнула олигархов // Коммерсантъ. – 6 марта 2007. – С. 3.
9. Кто в России богаче Абрамовича: 500 самых зажиточных граждан // Финансист. – № 6. – 12-18 февр. 2007. – С. 42.
10. Цит по: Зинкович Н.З. Путинская энциклопедия. – М., 2006. – С. 490.
11. Социальный портрет бизнеса. – С. 52.
12. Эксперт Казахстана. – 29 марта 2004. – С. 9.
13. Коммерсантъ. – 15 авг. 2006. – С. 2.
14. Кто есть кто в российском бизнесе. – С. 28.
15. Там же. – 31 янв. 2007. – С. 2.
16. Городской средний класс в современной России. – М., 2006. – С. 12.
17. Там же. – С. 14.
18. Кто в России богаче Абрамовича. – С. 22-25.
19. Новые известия. – 19 дек. 2006.
20. Социальный портрет бизнеса. – С. 14.

М.Е.Борисов

СРЕДНИЙ И МАЛЫЙ БИЗНЕС И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ
В РФ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

**Борисов Максим Евгеньевич – аспирант
Российского государственного гуманитарного
университета, эксперт Агентства регионального развития.**

Изучению взаимосвязей крупного бизнеса с властью на федеральном и региональном уровнях посвящена подавляющая часть работ, касающихся проблематики взаимодействия политических и экономических элит. Система же взаимодействия с властями набирающего вес малого и среднего бизнеса до сих пор оставалась вне сферы внимания политологов.

Отсутствие достаточного внимания к системе взаимодействия данного сегмента «экономического класса» вызвано его крайне малой ролью во взаимодействии с «политическим классом», однако значение, которое приобрел этот сегмент для экономики за 2000–2005 гг., его роль как базиса «среднего класса», а также инновационный потенциал, обязывают рассмотреть проблематику взаимодействия этого сегмента бизнеса с властью с особым вниманием.

Следует сразу отметить коренное отличие крупных и малых форм бизнеса. Если в основе активов крупного бизнеса лежит приватизированное советское наследие (наиболее ценная часть была получена в ходе так называемых «залоговых аукционов»), то средний и малый бизнес – это та часть предпринимательства, где в большинстве случаев использовались собственные и заемные средства, инновации, идеи. Безусловно, и здесь в основу бизнеса иногда включались приватизированная недвижимость и другое имущество, оборудование и т.д., но основная часть ресурсов и основных фондов здесь создавалась «с нуля», а не была получена в результате приватизации (что выводит этот сектор бизнеса из рискованной зоны возможности «деприватизации»). Кроме этого, в малом предпринимательстве владелец фирмы обычно не только вкладывает собственные средства и контролирует их использование, но и лично (зачастую – единолично) осуществляет руководство всеми основными

процессами, несет все риски и разоряется в случае неудачи. Но зато в случае удачи он один пользуется плодами успеха. Отсюда исключительно сильная мотивация к успешному, энергичному хозяйствованию. Сегодня в этом секторе российской экономики можно говорить о полной зависимости малого и среднего бизнеса (в научном обороте уже закрепились аббревиатуры малый и средний бизнес – МСБ и малое и среднее предпринимательство – МСП) от власти и отношений с государством, об одностороннем векторе взаимодействия. Если к крупному бизнесу мы видим повышенное внимание и власти, и общества (самым ярким примером является так называемое «дело ЮКОСа»), то проблемы развития МСП находятся вне общественной дискуссии. Хотя по обилию фактов нарушения прав, внеплановых проверок, коррупции здесь наиболее острая ситуация.

Изучение истории МСП в России показывает, что этому сектору никогда не уделялось должного внимания. В досоветский период малое предпринимательство в европейском смысле слова – как выросший из ремесла и мелкой торговли слой семейных фирм – было развито слабо. Его прообразом можно считать сложившиеся к середине XIX в. в рамках крепких крестьянских, так называемых посессионных, хозяйств полупромышленные формы производства, но это малое предпринимательство после отмены крепостного права либо перешло в разряд среднего (мануфактуры, торговые дома и т.п.), либо погибло, если не считать мелких лавок в городе и так называемых «кулацких» или «середняцких» хозяйств в деревне. Всплеск частной активности наблюдался в первые годы нэпа, когда советская власть дала возможность возрождаться малому предпринимательству. Но в это же время В.И. Ленин писал, что мелкоотварное производство, т.е. тот самый семейный малый бизнес, «ежедневно и ежечасно» рождает капитализм. Поэтому зачаточные формы частнопредпринимательской инициативы были разрушены уже к 30-м годам XX в. за счет шагов по сокращению личных приусадебных хозяйств и ликвидации кооперативных артелей¹.

Элементы политики поддержки малого бизнеса в Советском Союзе появились только в 70-х годах: в то время мелкие предприятия, хотя и не были основаны на праве частной собственности, использовались как инструмент регионального экономического развития, прежде всего в южных республиках СССР и возможность их создания была допущена с целью уменьшения межрегионального неравенства. С началом перестройки в рамках все еще социалистической системы хозяйствования, властвующей элитой была осознана необходимость дальнейшего усиления роли территориальных органов управления в социально-экономическом развитии, что требовало расширения хозяйственных

1. Малое предпринимательство в России: Прошлое, настоящее и будущее // Под ред. Б.Г. Ясина, А.Ю. Чепуренко, В.В. Буева. – М., 2003. – С. 24.

прав местных советов народных депутатов, перехода регионов на принципы самоуправления и самофинансирования. В этот период впервые появилось упоминание о необходимости развития сети «небольших предприятий». Первые попытки оживить малое предпринимательство осуществлялись через арендные отношения, индивидуальную трудовую деятельность и новые кооперативы. Важнейшую роль в развитии арендных отношений сыграл Закон СССР «О госпредприятии (объединении)» (1987). Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», по сути легализовал предпринимательскую деятельность. Тем самым вводилась известная защита от все еще действовавшей статьи Уголовного кодекса СССР, предусматривавшей тюремное наказание за предпринимательство. Принятие этого закона вызвало всплеск хозяйственной активности – только с 1988 по 1989 г. число граждан, занимавшихся индивидуальной трудовой деятельностью, увеличилось с 429 до 723 тыс. человек, т.е. на 69%².

Исходной датой начала развития современного малого предпринимательства считается принятие в 1989 г. на заседании Комиссии по совершенствованию хозяйственного механизма при Совмине СССР протокола по вопросу: «О развитии эксперимента по созданию МП», а также принятие постановление Совмина СССР «О мерах по созданию и развитию малых предприятий». Впоследствии было определено, что такое «малое предприятие» и каковы критерии, очерчивающие его границы. В 1992 г. численность малых предприятий увеличилась в 2,1 раза и началось постепенное развитие инфраструктуры предпринимательства³.

Но в новейшей истории малого предпринимательства в России его рост тесно переплелся со стремлением дистанцироваться от государства, в результате чего большая часть оборотов бизнеса находится в теневой зоне. В начале и середине 90-х годов одним из ярких проявлений «стратегии дистанцирования» стал так называемый челночный бизнес⁴, сыгравший существенную роль в адаптации широких слоев населения к новым экономическим условиям. На данную стратегию также опиралось большинство ныне существующих средних компаний, действующих в торговле и сфере услуг. Уязвимость этой стратегии и связанной с ней модели «свободного предпринимательства» заключалась в том, что в условиях недееспособности государственных институтов подобные мелкие и средние компании сталкивались со значительными ограничениями в

2. Малое предпринимательство в России: Прошлое, настоящее и будущее // Под ред. Б.Г. Ясина, А.Ю. Чепуренко, В.В. Буева. – М., 2003. – С. 33.

3. Малый бизнес в России // Под ред. Долгопятовой Т. – М., 2004. – С. 78.

4. Яковлев А. Эволюция стратегий взаимодействия бизнеса и власти в российской экономике // Российский журнал менеджмента. – 2005. – № 1, т. 3. – С. 74.

развитии бизнеса. Эти ограничения были обусловлены двумя главными факторами: растущим налоговым прессом при отсутствии работающей налоговой администрации и необходимостью защиты собственности и контрактов при отсутствии работающих судебной и правоохранительной систем.

Корни этих проблем лежат еще в советской экономике, где потребности в реальной налоговой системе не было, поскольку государственные предприятия при необходимости дотировались из бюджета и одновременно в бюджет изымались не израсходованные ими финансовые ресурсы. Эта ситуация стала меняться с конца 80-х годов по мере расширения самостоятельности госпредприятий и появления нового частного бизнеса в лице кооперативов, совместных предприятий (СП) и т.д. Новые частные фирмы, как правило, подпадавшие под статус малых предприятий, в этот период имели существенные льготы по уплате налогов. В результате ухода от налогов практически не было: директора госпредприятий считали необходимым расплачиваться с бюджетом, а для «частников» налоги были вполне посильны. Ситуация резко изменилась в 1992 г., когда правительство, безуспешно пытавшееся преодолеть бюджетный кризис, одновременно ввело НДС в размере 28% и 40%-ные отчисления на социальное страхование. Формально новые правила распространялись на все типы предприятий. Однако фактически государственные предприятия могли рассчитывать на льготные кредиты для выплаты заработной платы, на отсрочки в уплате налогов и поставки ресурсов без оплаты, что позволяло им в 1992–1993 гг. расплачиваться по налоговым обязательствам. У частных фирм не было подобных возможностей смягчения бюджетных ограничений, и уже с начала 1992 г. по мере сжатия платежеспособного спроса на их продукцию и услуги они столкнулись с необходимостью минимизации всех видов издержек. Налоги стали первыми в этом ряду, поскольку у государства, декларировавшего высокие налоговые ставки, не было элементарного аппарата для того, чтобы организовать нормальный контроль за сбором налогов⁵.

Наиболее распространенные схемы уклонения от уплаты налогов в частном бизнесе в тот период были связаны с использованием неучтенных наличных, что позволяло примерно вдвое сократить издержки на выплату заработной платы⁶. При этом в ряде случаев бизнес, основанный на подобных схемах, сознательно не пресекался во имя смягчения социальных проблем – как это было с той же челночной торговлей. Одновременно считалось, что подобная политика способствует развитию частной инициативы и в целом направлена на

5. Яковлев А. Эволюция стратегий взаимодействия бизнеса и власти в российской экономике // *Российский журнал менеджмента*. – 2005. – № 1, т. 3. – С. 79.

6. Yakovlev A. «Black cash» tax evasion in Russia: Its forms, incentives and consequences at firm level // *Europe-Asia Studies*. – N 53 (1). 2001 – P. 38.

развитие частного сектора. Широкое распространение названных схем, однако, приводило к тому, что фирмы, пытавшиеся действовать легально, оказывались неконкурентоспособными по издержкам и вытеснялись с рынка. В результате такого негативного отбора средние издержки в торговле и ряде других секторов экономики, связанных с конечным потреблением, снижались до уровня, исключавшего возможность полной уплаты налогов. Любое предприятие в этих секторах было вынуждено уходить от налогов и тем самым совмещать легальные операции с нелегальной активностью.

Надо отметить, что подобная ситуация не уникальна, а типична для многих развивающихся стран. Ее следствием становятся барьеры для развития бизнеса, который не может выйти за определенные границы. Даже если у государственных органов не возникает вопросов об источниках происхождения капитала, инвестируемого в развитие, в рамках крупных бизнес-структур оказывается затруднен контроль неформальных финансовых потоков, и компании, вовлеченные в теневые операции, не могут достичь оптимальных размеров. Например, в опубликованном в 2003 г. докладе компании McKinsey о влиянии иностранных инвестиций на экономику развивающихся стран на примере сектора розничной торговли в Бразилии показано, как развитие и «укорененность» неформального сектора, с одной стороны, препятствуют притоку иностранных инвестиций, а с другой – не позволяют национальным операторам достичь технологически оптимальных размеров бизнеса⁷. Аналогичные проблемы мы видим на российском рынке.

С другой стороны, МСБ, не стремившийся к получению льгот и преференций от государства, тем не менее нуждался в институтах, обеспечивающих защиту собственности и контрактов. Однако в начале и середине 90-х годов эти институты (земельные комитеты, судебные, налоговые органы, правоохранительная система и т.д.) оказались «приватизированы», что означало преимущественный доступ к данному ресурсу для одних компаний и ограничения на такой доступ для других. И если интегрированные с федеральной властью бизнес-группы для защиты своих интересов могли использовать государственные силовые структуры, то независимый частный бизнес стал удобным объектом патронажа со стороны криминальных группировок и в то же время ради урегулирования конфликтов был заинтересован во взаимодействии с ними. Издержки такого взаимодействия закладывались в цены товаров и услуг вместо налогов, которые должны были выплачиваться государству. В результате наряду с конкуренцией возникал второй барьер для возвращения к легальным операциям, поскольку бизнес не мог дважды – и государству, и криминальным «крышам» – платить за услуги по обеспечению безопасности. Сотрудничество

7. *New horizons: Multinational company investment in developing economies* // McKinsey Global Institute. – San Francisco, 2003.

криминальных «крыш» по законам конкурентной борьбы вело к нестабильности в отношении бизнеса и власти. Это ставит перед государством задачу формирования единой инфраструктуры для разрешения конфликтов и защиты собственности, в которой объективно заинтересовано и государство, и бизнес⁸.

Эти властные функции по наведению «порядка» объективно было проще реализовывать через структуры самой государственной власти, что стало предпосылкой для интеграции бизнеса (часто криминального) и власти на муниципальном и региональном уровнях и для запуска с этих нижних этажей процесса восстановления управляемости и консолидации государства. Таким образом, сама логика развития модели «свободного предпринимательства» приводила к необходимости «захвата государства», но с ориентацией на его охранные, а не на распределительно-экономические функции. Этот процесс особенно активно шел в крупных городах – там, где более интенсивно развивался сам бизнес, сильнее была потребность в единых правилах и для их поддержания за счет самого бизнеса могли быть аккумулированы необходимые финансовые ресурсы.

К настоящему моменту классификацию отношений МСП и власти можно провести по следующим критериям: формализованная легальная коммуникация, скрытое взаимодействие (неформальная коммуникация, которая получается в результате сращивания бизнеса и власти) и отсутствие какой-либо выраженной формы взаимодействия.

Инициатива по взаимодействию бизнеса и власти через формализованные процедуры шла от властей, по замыслу которых малый и средний бизнес должны работать с ними через такие институты, как Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России» и, отчасти, через «Деловую Россию» (для крупного бизнеса роль связующего с властью звена играет Российский Союз промышленников и предпринимателей). В меньшей степени посредником в общении МСБ с властью являются Торгово-промышленная палата РФ (ТПП РФ), Институт Национальных проектов «Общественный договор», Российский Союз производителей и импортеров (РСПИ). Все эти структуры были созданы еще в 90-х годах, поддерживаются государством и имеют разветвленную сеть представительств в регионах. Но несмотря на внятность концепции и широкую географию, эти институты с точки зрения МСБ работают формально и неэффективно.

Вследствие этого постоянно растет число координационных структур, создаваемых самим бизнесом. Самыми известными и долговременными из них являются Ассоциация компаний розничной торговли (АКОРТ) и Ассоциация торговых компаний и товаропроизводителей электробытовой и компьютерной техники (РАТЭК). Эти организации по сути являются цивилизованными и, самое

8. Волков В. Силовое предпринимательство. – СПб., 2002. – С. 45.

главное, – действенными лоббистами интересов отрасли. Их действенность подтверждается и тем, что многие госассоциации идут на контакт с ними: например, РАТЭК и АКОРТ сегодня напрямую взаимодействуют с организацией «ОПОРА России». В некоторых крупных регионах существуют местные ассоциации розничных компаний или товаропроизводителей (например, Агентство регионального развития Нижегородской области, Агентство регионального развития потребительского рынка и услуг, Калининградское агентство регионального развития и т.п.). Но и перечисленные структуры имеют минусы. Во-первых, они нацелены на работу с лидерами потребительского рынка – компаниями производителей и торговцев, входящими в ТОП-400 журнала «Эксперт». Во-вторых, как показывает время, работа таких союзов не слишком эффективна: даже самые благие замыслы бизнеса, которые были поддержаны чиновниками, натываются на препятствия при непосредственной реализации. Например, в 2003 г. РАТЭК и Федеральная таможенная служба (ФТС) договорились о ввозе импортной техники с указанием в таможенных декларациях цен производителями и упрощенной проверкой товара на границе, что должно было ускорить таможенную легальность компаний и сделать «серый» импорт неконкурентоспособным. На деле же уменьшения доли «серого» импорта не произошло. Так что подобные организации в большей степени необходимы для решения острых конфликтов с властями, наподобие того, что возник осенью 2005 г., когда ФТС парализовала рынок сотовых телефонов и электроники, арестовав партии «серых» телефонов компании «Евросеть» и склад компании «Техносила»⁹.

Наиболее распространенный вариант системы взаимодействия бизнеса и власти в России – неформальные скрытые связи. У этого типа взаимодействия есть одна общая черта: бизнес, связанный с властями, которые в свою очередь распределяют муниципальную собственность и земельные участки, занимает лучшие позиции в городе. Это наблюдается на уровне муниципальных властей, на уровне субъектов Федерации и, порой, на федеральном уровне.

Примеров же сращивания бизнеса и власти в рассматриваемом сегменте чрезвычайно много. Например, в Кемеровской области работает сеть «Губернский магазин», которой владеет администрация области. Схема работы такова, что по сути власть предоставляет бизнесу усеченную франшизу – магазины, решившие работать под этой маркой, сохраняют за собой право собственности на торговые объекты, получают налоговые льготы, но при этом обязуются обеспечить в магазинах оговоренный ассортимент от определенных поставщиков, который продается не выше указанной администрацией цены. Такая

9. «Техносила» без техники // Ведомости. – 2006. – 13 апр., с. В1; 19 мая, с. А1.

схема работы позволяет администрации говорить о «Губернском» как социальном проекте, так как цены на отдельные виды продукции там действительно в административном порядке установлены на 10–15 % ниже среднерыночных¹⁰.

Необычна ситуация на Ставрополье, где между городской и краевой администрацией сложился баланс интересов и отсутствуют противоречия в разделении сфер влияния на бизнес. Бизнес-интересы обеих администраций во многом совпадают с интересами местных финансовых, торговых и промышленных компаний. В официальной структуре управления городом даже предусмотрен такой институт, как «Совет директоров города Ставрополя»¹¹.

Но при всех плюсах такой формы взаимодействия, эта схема оказывается уязвимой: для бизнеса она опасна тем, что при смене властвующей группировки старая связка «власть – бизнес-группа» сразу оказывается в оппозиции по отношению к новой власти. Уязвимость такой схемы стала особенно очевидной после того, как Президентом В. Путиным было принято решение о назначаемости глав субъектов Федерации. Некоторые назначения 2005 г. (Г. Бооса в Калининградской области, В. Шанцева в Нижегородской области и др.) показали, что речь идет о смене властвующих элит и перераспределении привилегий. Подобный процесс ярко проиллюстрировала ситуация в Челябинске, где в 2005 г. смена главы города Вячеслава Тарасова, контролировавшего средний бизнес (строительство, пищевую и легкую промышленность, торговлю), Михаилом Юревичем, владеющим агропромышленным холдингом «Макфа», сетью розничных предприятий, автотранспортными предприятиями, пакетами акций в ОАО «Челябинскгаз» и медиаактивами, привели к радикальному переделу собственности¹².

Как показывают эти примеры, для бизнеса в регионах сегодня становится актуальным умение дистанцироваться от конкретных личностей во власти и выстраивать систему взаимодействия с властью как с институтом. Такую систему отношений при смене мэра или губернатора будет гораздо легче адаптировать под новое лицо, чем «с нуля» выстраивать новую систему личностных связей.

Среди прочих вариантов взаимодействия с властью можно привести вариант включения в политический процесс через вступление в партию. Развитые региональные сети есть у «Единой России», у позиционирующего себя как партию «бизнеса» «Союза правых сил», у «Яблока». Но наиболее полезным оказывается членство в «партии власти». Например, в конце 2005 г. стало

10. Данные получены нами в ходе исследования Агентства Регионального Развития «Потребительский рынок Кемерово» в 2005 г.

11. Данные получены нами в ходе исследования Агентства Регионального Развития «Потребительский рынок Ставрополя» в 2005 г.

12. Данные получены нами в ходе исследования Агентства Регионального Развития «Потребительский рынок Челябинска» в 2005 г.

известно о вступлении в «Единую Россию» нескольких представителей крупных компаний: Михаила Зайченко («Бабаевский»), Виктора Палатова («Рот Фронт»), исполнительного директора Алексея Иванушкина и вице-президента по связям с госорганами группы «Мечел» Виктора Трегубко¹³. Недавно координатором партии по взаимодействию с бизнес-сообществом и «ответственным за рекрутирование» стал член генсовета партии, депутат Госдумы Владимир Груздев, владеющий сетью супермаркетов «Седьмой континент».

В последние годы многие представители бизнеса самостоятельно двинулись в депутаты местных и региональных законодательных собраний. Например, в Кемерово Сергей Степанов, владелец сети «Кора», был избран депутатом Кемеровского городского Совета народных депутатов и возглавляет Комитет по экономической деятельности, развитию промышленности, предпринимательства и городского хозяйства. Весьма активно процесс инкорпорации бизнеса во власть идет в Екатеринбурге – Олег Хабибуллин, владелец сети магазинов «Купец», был избран депутатом городской думы; владелец крупнейшей сети супермаркетов «Кировский» Игорь Ковпак был избран депутатом палаты представителей Законодательного собрания Свердловской области и собирается бороться за пост мэра Екатеринбурга. Мэром Архангельска весной 2005 г. стал Александр Донской, владелец крупнейшей розничной сети региона «Сезон». Подобные процессы можно обнаружить во многих других российских регионах. Это происходит повсеместно и позволяет местному бизнесу «держать руку на пульсе» законодательной деятельности (а многие вопросы земли и собственности решаются именно этими органами) и в некоторых случаях пытаться воздействовать на нее¹⁴.

Существуют и варианты взаимодействия, позволяющие формально не связываться с политикой и относящиеся к сфере так называемой «социальной ответственности бизнеса», о которой так много говорится в последнее время. На уровне региональных компаний малого и среднего бизнеса это обычно спонсирование благотворительных акций, спортивных мероприятий, социальные акции для малоимущих в магазинах, поддержка различных городских программ, реконструкции инфраструктуры и т.п.

В развитых странах взаимодействие бизнеса с властями – устоявшаяся практика, которая носит название Government Relations. Крупные компании создают собственные отделы связей с правительством, мелкие пользуются услугами консалтинговых и коммуникационных компаний. В России, где реально работающих институтов взаимодействия бизнеса и власти нет, компаниям приходится работать самостоятельно, предпочитая теневые схемы. Действия ме-

13. Сурковский призыв // Ведомости. – 2005. – 20 дек. – С. А1.

14. Борисов М. Работа с «вертикалью» // Точка продаж. – М., 2006. – № 5. – С. 13.

стных властей (неформальные просьбы муниципалитетов «помочь на ремонт больницы» и т.п.) и силовых ведомств (частые внеплановые проверки пожарных, МЧС, налоговиков и т.п.), приводят к тому, что МСП стремится остаться в «серой зоне». С кем выстраивать отношения – с департаментом предпринимательства города, с отделом развития экономики областного правительства или пытаться выходить на федеральные министерства и структуры (например, «ОПОРу России» или «Деловую Россию»), – бизнес решает ситуативно. Со стороны же властей взаимодействие с МСП также распылено по всем уровням власти – лицензирование находится в зоне ответственности республиканских/областных администраций, вопросы собственности – муниципальных, вопросы налогообложения – федеральных (и это лишь малая часть системы взаимодействия). Кто должен заниматься малым бизнесом – Министерство экономического развития и торговли, Федеральное агентство регионального развития, или же необходимо создание новой структуры (агентства), которая будет заниматься именно развитием малого и среднего бизнеса, как это происходит в США, Германии или Японии¹⁵. Эти вопросы остаются открытыми.

Таким образом, проблема взаимодействия малого и среднего бизнеса и власти в России стоит крайне остро. В последнее время среди глав многочисленных ассоциаций малого и среднего бизнеса появилась идея придать проблеме развития МСБ статуса национальной программы. О необходимости внятной государственной политики по отношению к МСП неоднократно говорилось на заседаниях Правительства РФ (как при М. Касьянове, так и при М. Фрадкове), Президент РФ В. Путин касался этой проблематики в федеральных посланиях 2000 и 2003 гг., но реальных сдвигов пока нет. В основе же государственной политики по регулированию МСП должно лежать понимание инновационного потенциала, заложенного в природе малого и среднего бизнеса и его роли как базиса среднего экономически самостоятельного класса, который составляет основу стабильности политической системы любой развитой страны.

15. Опыт стран с развитой рыночной экономикой показывает, что наиболее эффективно государственную политику поддержки и развития МСП осуществляет через специализированный правительственный орган. В США это *Small Business Administration*, в Японии – Агентство малого и среднего предпринимательства (SMEA), созданное в ходе реорганизации Министерства экономики, торговли и промышленности (METI); в Германии – Генеральный директорат малого и среднего бизнеса, ремесленничества, услуг и свободных профессий (DG VIII) в составе Федерального Министерства экономики и технологий (BMWA).

Е.В. Попова

СТАБИЛИЗАЦИОННЫЙ ФОНД: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ БУДУЩЕГО*

**Попова Екатерина Витальевна – кандидат экономических наук,
действительный государственный советник 2 класса.**

В Бюджетном послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о бюджетной политике в 2008–2010 гг. отмечается, что необходимо превратить федеральный бюджет в эффективный инструмент макроэкономического регулирования. «В перспективе должно быть обеспечено снижение инфляции до приемлемого уровня 3–4% в год». Обращено внимание также на важность обеспечения долгосрочной сбалансированности бюджета. «При уменьшении необходимости стерилизации избыточного денежного предложения в целях стабилизации макроэкономических показателей на первый план выходит задача обеспечения устойчивости бюджетных расходов независимо от конъюнктуры сырьевых цен.

Для этих целей Стабилизационный фонд Российской Федерации необходимо преобразовать в Резервный Фонд и Фонд будущих поколений».

В соответствии с этим Правительству Российской Федерации было поручено разработать механизмы и соответствующие изменения в бюджетное законодательство, способствующие увеличению доходов от размещения накопленных средств.

Идея создания Стабилизационного фонда не нова. Такие фонды как инструмент наращивания золотовалютных резервов создавали многие страны с целью уменьшения давления поступающей в страну валютной выручки на курс национальной валюты в сторону его укрепления.

В разное время эти фонды создавали страны, располагающие в настоящее время значительными размерами международных резервов, такие как Япония и Китай (свыше 800 млрд. долл.), Южная Корея (порядка 250 млрд. долл.).

* В статье использованы материалы и расчеты, подготовленные Центром экономической конъюнктуры при Правительстве Российской Федерации.

Основной вопрос состоит в следующем: как разумно распорядиться накопленными ресурсами? Очевидно, что для ответа на него необходимо оценить, на сколько процентов можно снизить инфляцию за счет изъятия валютной выручки в Стабилизационный фонд. И, в соответствии с данными оценками, принять решение по распоряжению накопленными средствами.

В связи с вышеизложенным, целью данной статьи является:

1. Дать количественную оценку того, на сколько процентов можно снизить инфляцию за счет изъятия валютной выручки в Стабилизационный фонд.
2. Показать, в какие проекты, с учетом их общеэкономической оценки, можно вкладывать средства Стабфонда, не вызывая рост инфляции.

При оценке эффективности использования средств Стабфонда необходимо обратить внимание на следующие важные моменты. В последние годы российское государство сконцентрировало огромные финансовые ресурсы в золотовалютных резервах и Стабфонде, в то время как многие отрасли, определяющие экономическую динамику в России, находятся в очень сложном положении. В такой ситуации предприятия и банки вынуждены прибегать к иностранным платным заимствованиям, которые составили на первое полугодие 2006 г. 141,3 млрд. долл. для корпоративного и 67,0 млрд. долл. для банковского сектора.

Например, Внешторгбанк, который почти на 100% является государственным, в последние годы брал кредиты (около 1 млрд. долл.) под 6,25% годовых, а Роснефть, которая на 100% является государственным предприятием, брала синдицированный кредит 7,5 млрд. долл. под LIBOR + 1,55%¹.

В то же время средства Стабфонда вложены в покупку ценных бумаг иностранных государств, т.е. в экономики этих стран – с доходностью 4–5% годовых. **Таким образом, очевидно, что существует 2–3 процентных пункта разницы между размещаемыми и привлекаемыми средствами.** В соответствии с некоторыми расчетами, хранение средств указанным способом, учитывая необходимость постоянно брать займы на внешних финансовых рынках, фактически означает чистые потери доходов российского бюджета в размере до 150 млн. долл. в год. Кроме того, укрепление реального эффективного курса рубля по корзине валют составляет 5–10% в год. **Следовательно, реально средства Стабфонда, размещаемые подобным образом, приносят нулевую или отрицательную доходность.** В экономической литературе достаточно широко освещена проблема «двойного дефицита» в США – дефицита госбюджета (более 0,5 трлн. долл.) и дефицита счета текущих операций Платежного баланса (около 0,8 трлн. долл.), которые финансируются за счет продажи государственных ценных бумаг на внутреннем и внешнем рынках.

1. Пайдиев Л. Стабилизационный фонд – копить или тратить? – М., 2006.

Опыт других стран свидетельствует о возможности гораздо более эффективного размещения средств подобных фондов. Например, масштабы доходов от инвестирования накопленных средств норвежского Государственного нефтяного фонда сопоставимы с поступлениями от природной ренты. По норвежскому законодательству от 30 до 50% вложений средств фонда могут направляться в акции, включая компании Китая, Польши, Турции, Филиппин, Чили. Доходность таких операций норвежского фонда превышает 20%. Аналогичную политику проводит и кувейтский Фонд будущих поколений.

Использование денег из таких фондов в рамках текущего бюджетного процесса законодательно ограничено или запрещено. В ряде случаев ресурсы бюджетных фондов будущих поколений инвестируются в национальную экономику (с ограничениями для нефтяного сектора – например, кувейтский Фонд будущих поколений, Нефтяной фонд Омана).

В целом фонды будущих поколений ориентированы на накопление ресурсов на длительную перспективу: обеспечение бюджетных расходов в условиях исчерпания запасов полезных ископаемых и других чрезвычайных ситуаций. Кроме того, например в Кувейтский фонд будущих поколений зачисляются все виды доходов бюджета при достижении профицита.

Принимая во внимание неэффективность размещения средств Стабилизационного фонда в России, накопление в нем огромных сумм в условиях наличия в стране ряда острых проблем в реальном и финансовом секторах экономики, а также в социальной сфере, представляется весьма спорным с позиции экономической целесообразности. Данная ситуация, конечно, не означает, что денежные средства должны бесконтрольно и непродуманно направляться на удовлетворение всех требований отраслей реальной экономики и социальной сферы. Задача формирования государственной денежной политики состоит в подчинении принимаемых решений потребностям экономического развития, направленного на развитие конкурентных преимуществ России, ее высокотехнологического сектора; и эти решения должны базироваться на строгих расчетах.

Таким образом, прежде чем тратить средства Стабфонда, необходимо определить количественное влияние на снижение инфляции изъятых валютной выручки в Стабфонд.

Согласно оценкам Центра экономической конъюнктуры при Правительстве Российской Федерации, по 5% в формирование инфляции вносят монетарный фактор (рост агрегата M0) – наличные деньги) и рост издержек, и порядка 1% – рост цен за счет структурных диспропорций.

Изъятие «избыточной» и «неэффективной» денежной массы в Стабилизационный фонд является одним из монетарных методов борьбы с инфляцией. Прежде всего рассмотрим, каков был бы уровень инфляции и вклад в нее монетарного фактора, если бы Стабилизационный фонд не был создан, а средства,

полученные предприятиями от экспорта нефти не изымались в Стабилизационный фонд путем выплаты налога на добычу полезных ископаемых.

Валютная выручка предприятий, не изымаемая в Стабфонд, на 80–90% поступает на валютный рынок (так как предприятиям для осуществления расчетов и инвестиций в России нужны рубли), на котором Центральный Банк и другие банки покупают ее, эмитируя рубли и тем самым пополняя свои золотовалютные резервы (которые в дальнейшем вкладываются в покупку долговых обязательств США). Прирост золотовалютных резервов отражается в платежном балансе со знаком минус (так как происходит приобретение иностранной валюты – т.е. тех же обязательств других государств в обмен на валюту национальную), в активе же Банка России – как п. 2 «Средства, размещенные у нерезидентов, и ценные бумаги иностранных эмитентов и пассиве Банка России» в рублях, а в пассиве – как п. 1 «Наличные деньги в обращении».

Стабфонд является таким же резервом государства, используемым в России аналогичным образом, только валютная выручка предприятий не приобретает, а изымается и налично-денежной эмиссии на эту сумму не происходит. Следовательно, рост денежного предложения замедляется. Стабфонд также отражается в активе Центрального Банка со знаком плюс по тому же п. 2, а в пассиве – по п. 3 «Средства на счетах в Банке России» (подпункт – «средства Правительства Российской Федерации»). Разграничения между Стабилизационным фондом и золотовалютными резервами по статье 3 пассива баланса Центрального Банка, к сожалению, не происходит.

Однако существует статистика Минфина о формировании и использовании средств Стабфонда. Итак, что бы произошло, если бы средства, которые поступают в Стабфонд, отправлялись на валютный рынок в виде выручки предприятий и покупались бы Банком России для пополнения золотовалютных резервов?

В таком случае налично-денежная эмиссия увеличилась бы на величину Стабилизационного фонда и это было бы зафиксировано соответствующим образом в балансе Банка России. На ту же величину увеличился бы и агрегат M0. Насколько это повлияло бы на величину инфляции – поможет ответить решение системы уравнений, состоящих из следующих макроэкономических тождеств.

$\Delta B = \Delta ZBP$ (прирост денежной базы в узком определении $\Delta B =$ приросту золотовалютных резервов ΔZBP). 1*

$M2 = m \cdot B$ (денежный агрегат M2 или деньги в национальном определении равны произведению денежной базы B и денежного мультипликатора m, при этом денежный мультипликатор m является в экономике величиной относительно постоянной, равно как и скорость обращения денег). 2*

$Y = M2V$ (ВВП Y есть произведение денежного агрегата M2 на скорость обращения денег V). 3*

Чтобы рассчитать уровень инфляции через **уравнение Фишера**, необходимо привести его к следующему виду:

$$P_t = \frac{1}{(1 + \alpha)} \cdot M_{t-1} \cdot V_t$$

К сожалению, политикам, принимающим важнейшие решения в отношении Стабфонда, без уравнения Фишера не обойтись. Формула Фишера в общем виде выглядит следующим образом:

$MV = PQ$, где M – денежная масса, V – скорость обращения денег, P – уровень товарных цен, Q – количество обращающихся товаров.

Формула Фишера позволяет объяснить явление инфляции с точки зрения нарушений в сфере бумажно-денежного обращения. Экономическая трактовка формулы **$M = PQ/V$** заключается в следующем: чем больше созданный в стране национальный продукт, тем больше денег должно находиться в обращении. С увеличением физического количества товаров и цен этих товаров приходится наращивать денежную массу, и, наоборот, по мере уменьшения количества товаров и цен на них следует снижать денежную массу. В условиях инфляции масса денег в обращении оказывается чувствительной по отношению к уровню цен. Для нормального функционирования товарооборота и денежного обращения приходится увеличивать денежную массу в соответствии с ростом цен. Несоблюдение этого принципа ведет к сбоям в функционировании товарно-денежной системы, дефициту денег в обращении. Контроль со стороны государства за денежной массой необходим в целях воздействия на цены, производство, в целом на экономику.

Определение денежной массы – непростое дело. Проблема состоит в том, что в современной экономике различные виды финансовых активов одновременно выполняют различные функции денег (денежные агрегаты). $M1$ предназначен для измерения объема фактических средств обращения, т.е. денежной массы в узком смысле слова. $M2$ измеряет запас высоколиквидного имущества (активов), которым владеет население.

Для наших расчетов используем формулу Фишера для года t .

Формула Фишера для года t будет иметь следующий вид:

$$Y_t = M_{t-1} \cdot V_t, \text{ где} \quad (1)$$

Y_t – ВВП в году t ,

M_{t-1} – денежный агрегат $M2$ в году t ,

V_t – скорость обращения денег в году t .

Для года $t-1$ формула Фишера будет выглядеть таким образом:

$$Y_{t-1} = M_{t-2} \cdot V_{t-1} \quad (2)$$

Выражение (1) можно представить в следующем виде:

$$P_t(1+\alpha)^t Y_t = M_2 V_t, \text{ где} \quad (3)$$

P_t – рост цен в экономике в году t (дефлятор ВВП),

$(1+\alpha)$ – темпы экономического роста (Y) в году t .

Разделим выражение (3) на (2) и, сократив его на Y_t и перенеся $(1+\alpha)$ в правую сторону, получим:

$$P_t \frac{1}{(1+\alpha)^t} \frac{M_2 V_t}{M_2 V_t} \quad (4)$$

Обозначим $\frac{M_2}{M_2 V_t}$ через $r M_2$, а $\frac{V_t}{V_t}$ через $r V_t$, где r – обозначение для темпов роста. Тогда выражение (4) запишется в каноническом виде:

$$P_t \frac{1}{(1+\alpha)^t} r M_2 r V_t \quad (4^*)$$

Данное выражение можно интерпретировать следующим образом:

1. Повышение темпов экономического роста $(1+\alpha)$ оказывает понижающее давление на рост цен.

2. Снижение скорости оборотов денег, которое, как правило, происходит за счет роста склонности к сбережениям, увеличения кредитной активности, особенно в области долгосрочного (кредиты свыше 1-3 лет) и инвестиционного финансирования (кредиты свыше 5 лет), также способствует снижению цен в экономике за счет «всасывания» денежной массы. При этом обычно наблюдается рост безналичной части агрегата M_2 – срочных депозитов предприятий и физических лиц.

Чтобы рассчитать вклад монетарного фактора в инфляцию, необходимо аналогичным образом переписать уравнение Фишера для розничного товарооборота, платных услуг и общественного питания (т.е. всей массы товаров и услуг, приобретаемых населением), преимущественно обслуживаемых наличными деньгами в следующих обозначениях.

Q (розничный товароборот, платные услуги и общественное питание) = $M_0 * V_{M_0}$

$$i_t \frac{1}{(1+\alpha)^t} r M_0 r V_{M_0}, \quad (4^{**})$$

где i_t – инфляция потребительских цен (CPI),

$\frac{1}{(1+\alpha)^t}$ – средневзвешенные темпы роста розничного товарооборота, платных услуг и общественного питания.

Итак, формула 4** аналогична уравнению Фишера с той лишь разницей, что она рассчитывается для всей массы товаров и услуг, оплачиваемых населением при помощи наличных денег. Для России это уравнение справедливо, так как в настоящее время товарооборот обслуживается в основном при помощи наличных денег. Доля электронных платежей незначительна и составляет не более 5–10% (в основном кредитные карты используются в России именно для снятия наличности, а не для оплаты товаров и услуг и получения потребительских кредитов). Это происходит как по причине недоверия экономических агентов к электронным системам платежей и финансовым институтам, так и по причине достаточно высоких процентных ставок по потребительским кредитам (9–11% годовых). Однако все большая электронизация платежей будет способствовать уменьшению давления налично-денежной массы на потребительский рынок и тем самым – снижению инфляции.

В соответствии с уравнениями 1–3*, 4* и 4** существующие и гипотетические макроусловия (без формирования Стабфонда) представлены в табл. 1.

Таблица 1

ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ
В УСЛОВИЯХ НАЛИЧИЯ И ОТСУТСТВИЯ СТАБФОНДА В 2004±2006 гг.

	2004	2005	2006	2007
Объем средств Стабфонда, млрд. руб.	522,3	1237,0	2200,0	4400,0
Объем средств Стабфонда, млрд. долл.	18,2	43,1	79,3	166,4
Макропараметры – фактические значения				
M0, среднее за период, млрд. руб.	1340,9	1772,0	2257,1	2788,1
M2, среднее за период, млрд. руб.	3788,0	5204,5	6932,5	8885,9
Денежный мультипликатор, раз	2,8	2,9	3,1	3,2
Уровень монетизации, %	22,6	24,0	25,9	28,0
ВВП, млрд. руб.	16 778,8	21 665,0	26 720,8	31 754,9
Объем предоставленных товаров и услуг населению, млрд. руб.	7662,1	9571,9	11 734,1	14 183,7
розничный товарооборот, млрд. руб.	5641,8	7038,3	8583,7	10 276,0
платные услуги населению, млрд. руб.	1789,8	2264,7	2843,6	3561,2
оборот общественного питания, млрд. руб.	230,5	268,9	306,8	346,5
Реальные темпы роста объема предоставленных товаров и услуг населению, %	115,6	114,6	114,7	114,8
Скорость обращения по агрегату M2, раз	4,43	4,16	3,85	3,57
Скорость обращения по агрегату M0, раз	4,21	3,97	3,80	3,69
Дефлятор ВВП, %	117,8	121,4	115,7	111,6

	2004	2005	2006	2007
Инфляция (индекс потребительских цен), %	111,7	110,9	109,5	108,6
Вклад монетарного фактора в уровень инфляции, %	106,6	106,4	104,4	102,6

Продолжение табл. 1

	2004	2005	2006	2007
Макропараметры – сценарий без создания Стабфонда				
M0, среднее за период, млрд. руб.	1863,2	3009,0	4457,1	7188,1
M2, среднее за период, млрд. руб.	5263,5	8837,7	13 689,4	22 909,2
Денежный мультипликатор, раз	2,8	2,9	3,1	3,2
Уровень монетизации, %	31,4	40,8	51,2	72,1
ВВП, млрд. руб.	16 778,8	21 665,0	26 720,8	31 754,9
Объем предоставленных товаров и услуг населению, млрд. руб.	7662,1	9571,9	11 734,1	14 183,7
розничный товарооборот, млрд. руб.	5641,8	7038,3	8583,7	10 276,0
платные услуги населению, млрд. руб.	1 789,8	2 264,7	2 843,6	3 561,2
оборот общественного питания, млрд. руб.	230,5	268,9	306,8	346,5
Реальные темпы роста объема предоставленных товаров и услуг населению, %	115,6	114,6	114,7	114,8
скорость обращения по агрегату M2, раз	3,19	4,42	3,24	2,02
скорость обращения по агрегату M0, раз	4,11	5,74	4,37	2,88
Дефлятор ВВП, %	117,8	121,4	115,7	111,6
Инфляция (индекс потребительских цен), %	113,0	113,5	114,0	113,4
Вклад монетарного фактора в уровень инфляции, %	107,9	109,0	108,9	107,4
Прирост вклада монетарного фактора (или стерилизационный эффект от создания Стабфонда на снижение инфляции), %	1,3	2,6	4,5	4,8

Источники: Росстат – <http://gks.ru>, Банк России – <http://www.cbr.ru>, расчеты и оценки Центра экономической конъюнктуры при Правительстве РФ.

Итак, если бы Стабфонд не был создан, эти средства оказались бы в конечном итоге выплаченными в качестве доходов и зарплаты населению. Давле-

ние прироста эффективного спроса на внутренний рынок привело бы к увеличению уровня инфляции на 1,3%, а затем на 2,6, 4,5 и 4,8% в 2004–2007 гг.

Анализируя точность и достоверность данных оценок, необходимо отметить, что в современной экономике существует множество нелинейных и неоднозначных экономических процессов (которые порой невозможно учесть и заложить в модель). Поэтому, в силу непрерывности экономических циклов и процессов, для корректной оценки влияния на них макроэкономической и денежно-кредитной политики, следует рассматривать ее влияние на инфляционные процессы не одномоментно, а в динамике и в развитии, т.е. за весь период, начиная с 2004 г. (с момента образования Стабфонда) с учетом вариантов сценарного прогноза.

Возвращаясь к вопросу о сценарии без образования Стабфонда, нельзя не отметить, что возрастающие доходы населения будут оказывать давление не только на один товарный рынок, а будут направлены на потребление услуг (в частности таких, как туризм) и создание сбережений, что оказывает минимальное влияние на рост цен внутри страны. А более высокие темпы роста денежного предложения будут способствовать снижению процентных ставок по кредитам, созданию сбережений, росту кредитной активности и, как следствие, – дополнительному росту ВВП.

Безусловно, в представленной модели не учтен тот фактор, что дополнительный спрос на товары и услуги (при условии, если бы Стабфонд не был создан) мог бы быть удовлетворен за счет импорта, и тогда дополнительный прирост инфляции был бы меньшим, а ее уровень, возможно, стабилизировался бы на уровне 12% в 2005 г. и примерно 10–11% в 2006 г. Кроме того, при реализации такого сценария, Центральный Банк вероятно, предпринял бы усилия по понижению валютного курса рубля примерно до уровня 24–25 руб. за 1 доллар в целях дополнительного снижения инфляции, что было бы неприемлемо по макроэкономическим и воспроизводственным причинам.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что создание Стабилизационного фонда, с одной стороны, является правильным шагом, обеспечивая снижение инфляции с уровня 12–13% в год до приемлемого уровня в 9–10% путем некоторого сокращения воздействия монетарного фактора, сбивая инфляцию на 1–2% в год.

Таким образом, мы ответили на первый вопрос, поставленный в данном разделе – дали количественную оценку того, на сколько процентов можно снизить инфляцию за счет изъятия валютной выручки в Стабилизационный фонд.

Необходимо дать ответ на следующий вопрос – как оптимизировать расходование средств Стабфонда, не вызывая дополнительной инфляции?

Очевидно, что «замораживание» средств в Стабфонде представляет собой механистический подход к снижению уровня инфляции без учета перспектив и

потребностей инвестиционного роста в России. **Аккумуляция средств в Стаб-фонде особенно неэффективна при вышеупомянутых условиях их размещения за рубежом и существующих инвестиционных потребностях российских компаний.**

Как уже отмечалось выше, в соответствии с преобразованным уравнением Фишера (4*)

$$P_t = \frac{1}{(1+\alpha)^t} M2_t + V_t$$

можно выделить следующие важнейшие закономерности для инвестиционной политики:

1. Повышение темпов экономического роста $(1+\alpha)$ оказывает понижающее давление на рост цен.

2. Снижение скорости оборота денег, которое, как правило, происходит за счет роста склонности к сбережениям, увеличения кредитной активности, особенно в области долгосрочного (кредиты свыше 1–3 лет) и инвестиционного финансирования (кредиты свыше 5 лет), также способствует снижению цен в экономике за счет «всасывания» денежной массы. При этом обычно наблюдается рост безналичной части агрегата M2 – срочных депозитов предприятий и физических лиц.

Средства Стабилизационного фонда могли бы дополнительно содействовать решению задачи подавления инфляции и экономического роста при условии их использования на инвестирование в те отрасли, где создались структурные дефициты (строительство и промышленность строительных материалов, авиастроение, транспорт, электроэнергетика, нефтепереработка). Отметим, что недостаточный рост производства в таких важнейших отраслях, как электроэнергетика и промышленность строительных материалов, оказывают негативное воздействие на динамику ВВП и капитальных вложений, создавая при этом повышенный ценовой фон в экономике. Данные отрасли являются капиталоемкими, что приведет к реализации схемы, описанной ниже. Данная схема связывает дополнительные инвестиции, всасывание денежной массы экономикой и снижение инфляции.

Для российской экономики на основе исследования помесечной динамики инвестиций в основной капитал и ВВП в 1998–2006 гг. при помощи метода построения регрессионных зависимостей Центром экономической конъюнктуры при Правительстве Российской Федерации была получена следующая формула, связывающая между собой темпы роста инвестиций и ВВП:

$$Y = aI + b, \text{ где} \quad 5^*$$

Y – темпы роста ВВП,

I – темпы роста инвестиций в основной капитал,

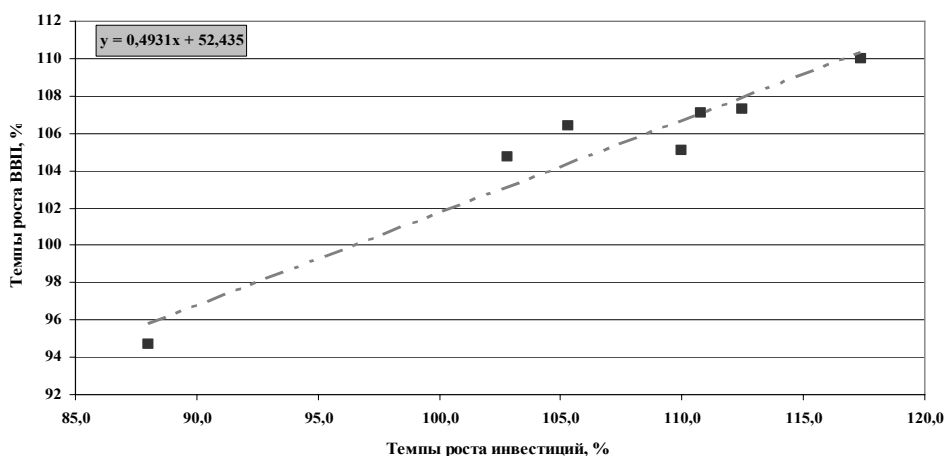
a, b – параметры эконометрического уравнения, где $a = 0,4931, b = 52,435, R^2$ (коэффициент детерминации) = 75%.

Расчеты в соответствии с уравнением 5* показывают, что если инвестиции в реальный сектор экономики за счет части Стабилизационного фонда будут ежегодно составлять 3–5 млрд. долл. в дополнение к их реальному уровню, то рост экономики сверх прогнозного тренда в 6,0% может составить 1,0–1,5%. Таким образом, если темпы прироста экономики составят 7–7,5% в год, то они выйдут на уровень, необходимый для удвоения ВВП к 2011 г. Кроме того, будет достигнут мощный мультипликационный эффект, производимый в экономике России за счет реализации проектов в области энергетики и инфраструктуры и сокращения структурных дефицитов.

Следовательно, рациональное и эффективное использование средств Стабфонда на нужды российской экономики могло бы способствовать снижению инфляции в еще большей степени, создавая тем самым весьма благоприятный макроэкономический и инвестиционный климат в нашей стране.

Диаграмма 1

ЗАВИСИМОСТЬ: РОСТ ИНВЕСТИЦИЙ ± РОСТ ВВП

Так, осуществление дополнительных инвестиций из Стабфонда, как показывает анализ уравнения Фишера (уравнение 4*), будет способствовать еще большему снижению уровня инфляции – примерно на 1–2% от ее текущего уровня. В таком случае инфляция могла бы составить в 2007 г. не 109–109,5%, а 107,5–108,5% (за счет эффекта «всасывания» денег – кредитов и инвестиций, направляемых на развитие экономики, иногда для описания этого процесса применяют термин «связывание ликвидности»).

В дальнейшем, по мере развития и выхода проектов на максимальную мощность и ослабления давления структурных дефицитов на уровень инфляции, этот эффект может увеличиться, и инфляция к 2010–2011 гг. составит при

таком сценарии не 105,3–105,7%², а около 103,0–103,5%, что соответствовало бы уровню западных стран, и, кроме того, способствовало бы решению многих социально-экономических проблем страны за счет существенного понижения уровня процентных ставок на финансовом рынке России. **Такого уровня удалось бы достигнуть без проведения жесткой и напряженной денежно-кредитной политики, связанной с ограничением расходов, и тем самым способствующей разрастанию дефицитов и, в конечном счете – раскручиванию инфляционной спирали.**

Сравнительный анализ экономического эффекта от досрочного погашения долга и инвестирования части средств Стабфонда в национальную экономику показывает, что:

1. Инвестирование средств Стабфонда в необходимые экономике проекты и на погашение госдолга даст преимущественно долгосрочный эффект, ощутимый примерно к 2011–2015 гг.

2. Для того, чтобы эффект от инвестирования средств Стабфонда превысил экономическую выгоду от погашения долга (связанную с уменьшением сумм, затрачиваемых на его обслуживание), необходимо выполнение следующих условий:

- Данные инвестиционные проекты должны быть крупными – порядка 5–10 млрд. долл.
- Рентабельность проектов должна составлять не менее 25%.
- Инвестиционные проекты должны производить мощный мультипликативный эффект в экономике.

Инвестирование средств Стабфонда на нужды национальной экономики (путем создания системы Институтов Развития – банков и корпораций и предоставления льготных кредитов предприятиям³) позволит замедлить нарастание внешнего долга банков и предприятий, который на конец 2004 г. составлял в сумме 108,4 млрд. долл., на конец 2005 – 176,2 млрд. долл., а на конец 2006 и 2007 гг. достигнет соответственно 215,4 и 253,8 млрд. долл. Таким образом, государство будет направлять средства, изъятые у нефтегазового сектора и формируемые за счет высокого уровня цен на нефть, на развитие экономики и конкурентных преимуществ России (для сравнения: доходность по долгосрочным обязательствам США составляет 5,5%).

Исходя из приведенного анализа можно сделать следующие выводы:

2. Оценка Центра финансово-банковских исследований Института экономики РАН.

3. Экспертное заключение на проект Федерального бюджета на 2007 год и прогноз социально-экономического развития Российской Федерации, составленный ЦФБИ ИЭ РАН, 2006 г., разделы III–V.

1. Необходимо рассмотреть возможность эффективного размещения средств Стабилизационного фонда (теперь уже Резервного фонда и Фонда будущих поколений) в соответствии с опытом норвежского Государственного нефтяного фонда, Фонда будущих поколений Кувейта и др. с целью изменения основных негативных моментов.

- Ликвидации дисбаланса в условиях размещения средств Стабфонда за рубежом и условий заимствований российских банков и компаний за рубежом.
- Ликвидации дисбаланса между курсом рубля и условий размещения средств Стабфонда за рубежом.

2. При использовании средств Стабфонда на инвестиционные цели исходить из того, чтобы эффект от инвестирования средств Стабфонда превысил экономическую выгоду от погашения внешнего долга (связанную с уменьшением сумм, затрачиваемых на его обслуживание).

3. Возможность рассмотрения целесообразности использования средств Стабфонда на создание системы Институтов Развития (банков и корпораций) с целью предоставления льготных кредитов предприятиям.

По вопросу регулирования уровня инфляции можно сделать следующие выводы:

1) инфляция в России не носит исключительно монетарного характера, а возникает также вследствие повышения цен на энергоносители (инфляция издержек), и структурных дефицитов, подкрепленных ростом доходов населения (давлением спроса на товары);

2) снижение уровня инфляции до 4–5% в год необходимо с целью выравнивания и снижения процентных ставок в экономике, а также их приведения в соответствие с рентабельностью обрабатывающих производств (7–8%)⁴;

3) борьба с инфляцией при помощи краткосрочных мероприятий будет иметь краткосрочный эффект. К снижению уровня инфляции в обозримой перспективе (3–5 лет) приведут лишь долгосрочные скоординированные усилия различных министерств и ведомств, причем в их основе должна лежать грамотная и хорошо продуманная промышленная политика, направленная на расширение инвестиционного спроса в экономике.

4. Значительная часть предприятий имеет более низкую рентабельность, чем в среднем по стране, на уровне 5–8%. Поэтому они фактически не имеют доступа на кредитный рынок. Соответственно, это указывает на необходимость реализации государством комплекса мероприятий в области финансирования ряда обрабатывающих производств.

М. Н. Арбатская

ГОЛОСОВАНИЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ
И НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ:
НОРМЫ И ПРАКТИКА

**Арбатская Марина Николаевна – кандидат
географических наук, доцент Иркутского
государственного университета.**

Зарубежные или внешние по отношению к территории своего государства избиратели (в англоязычных странах они называются Overseas Voters) от всех остальных отличаются только необычным местонахождением, но именно поэтому могут быть дискриминированы: голосование за рубежом не является обязательной частью избирательного процесса везде и всюду.

Согласно руководящим принципам Венецианской комиссии Совета Европы, граждане, проживающие за рубежом, **могут наделяться правом** (а могут, следовательно, и не наделяться) избирать и быть избранными (29, с. 625). В руководстве для наблюдения за выборами Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека специально указало: «В идеале должны быть созданы условия для регистрации граждан, находящихся за рубежом». Следовательно, реализация права «зарубежных избирателей» на участие в голосовании возможна, если национальное законодательство предусмотрело этот вариант избирательной процедуры.

В странах западной демократии местонахождение избирателя, как правило, не имеет значения: всем правомочным гражданам обеспечено участие в процедуре, независимо от того, где они находятся на момент выборов, и особенностей их профессиональной деятельности, а голос учитывается по месту постоянного проживания (ordinary residence), указанному примерно в месячный срок до выборов в специальном заявлении. Например, проживающие за границей граждане Великобритании (как и немцы), получили право голоса в 1985 г.: срок их пребывания за рубежом не должен был превышать пять лет. В 1989 г. этот срок был увеличен до 20 лет, а в 2000 г. его уменьшили до 15 лет (37, с. 62). Основанием для регистрации является поданная

гражданином соответствующая декларация (Overseas Elector Declaration). Аналогичный порядок заполнения документов предусмотрен в Канаде, Новой Зеландии, Австралии и некоторых других странах, размещающих документы по регистрации на веб-сайтах своих избирательных органов в свободном доступе и широко практикующих почтовое голосование. Уехавшие за рубеж шведские граждане («зарубежные шведы») числятся в списках избирателей, если они выехали из страны в течение последних десяти лет, или если они не позже чем за 30 дней до дня выборов подали заявление в Государственное налоговое ведомство о том, что желают числиться в списках избирателей (20).

Власти США традиционно не придают значения зарубежной части своего электората, хотя за границей проживают порядка 6–7 млн. американцев. М. Слебода, председатель российского заграничного отделения демократической партии США «Демократы за рубежом», рассказал корреспонденту агентства «United Press International» в Москве П. Лавеллю (27), что спустя несколько дней после выборов 2000 г. были «обнаружены» несколько сот бюллетеней заочного голосования избирателей, находившихся в момент выборов за границей. Хотя на них подозрительным образом отсутствовали соответствующие печати военного органа или посольства, на которых проставляется дата и время голосования, бюллетени были взяты в расчет. Таким образом, голоса всего лишь нескольких сотен американских избирателей, живущих за рубежом, сыграв роль «последней капли», вполне могли решить исход выборов в штате Флорида в 2000 г., что и привело в итоге Дж. Буша-мл. в президентское кресло.

История развития российского зарубежного голосования, прослеженная нами подробно (1, с. 45–47), складывалась следующим образом:

- с апреля 1993 г. и по настоящее время произошел трехкратный рост числа российских избирателей, проживающих (находящихся) за пределами страны; голосование происходит почти в ста пятидесяти странах; число регионов и округов на думских выборах, выполняющих специфические «приписные» функции, увеличилось в два раза;

- на парламентских выборах зарубежные избиратели приписываются к конкретным регионам и одномандатным округам, численность и территориальная привязка при этом регламентируются специальными законами;

- на президентских выборах зарубежные избиратели суммарно учитываются отдельной строкой без приписки к регионам;

- российские граждане, постоянно проживающие за пределами территории страны или временно находящиеся во время выборов за границей, являются

единственной категорией избирателей, которых вносят в списки избирателей в день голосования¹ («по факту» прибытия на избирательный участок).

На 54-й сессии ООН (1999) выработка процедур голосования для граждан, проживающих за пределами страны, была названа в числе новых областей деятельности: подразумевались Мексика и Никарагуа (29, с. 220). Что касается стран Латинской Америки в целом и эволюции их региональных избирательных критериев, то реализация «возможности голосовать, находясь за рубежом», включена в комплекс задач второго этапа эволюции (укрепление демократии), начавшегося в регионе после 1995 г. (21, с. 25).

В частности, в Чили нахождение за рубежом до сих пор считается уважительной причиной отсутствия на избирательном участке (42, с. 139), хотя участие в выборах считается не только гражданским долгом, но и юридической обязанностью. Граждане Перу, как и чилийцы, обязанные голосовать, должны делать это везде, в том числе и будучи за границей (17, с. 163). В Эквадоре голосование за рубежом впервые было организовано на всеобщих выборах в октябре 2006 г.

Заслуживает особого внимания случай Мексики. Мексиканские мигранты получили право голоса, начиная с выборов 2 июля 2006 г. (30). За принятие такого закона организации мексиканских эмигрантов в США вели борьбу на протяжении всего XX в. Однако находившаяся 71 год (мировой рекорд) у власти Институционно-революционная партия отказывала им, опасаясь, что они не будут поддерживать правительства, которые вынудили их покинуть Мексику в поисках лучшей жизни. В 2000 г. монополия этой партии на руководство страной была прервана, но возможность реализовать право голоса эмигранты ждали еще пять лет. Текст закона, определившего возможность почтового голосования и предоставившего право голосовать на президентских выборах эмигрантам, имеющим карточку избирателя и постоянно проживающим за пределами Мексики, был опубликован 1 июля 2005 г. в специальном ночном выпуске мексиканской «Официальной газеты Федерации». По сведениям мексиканского Федерального Избирательного Института, только в США эмигрантов с карточками насчитывается свыше 4 млн. человек. По другим оценкам, это число составляет от 12 до 19 млн. человек, проголосовало же почтой в 2006 г. ничтожно мало – примерно 41 тыс. человек (7, с. 60).

Переходя к другим странам (в основном – это страны с модернизируемой политической системой, сравнительно недавно проводящие выборы на альтернативной основе), предварительно отметим, что голосование за рубежом, если оно введено, регулируется по-разному. Так, в Северной Корее при актив-

1. Зарубежному голосованию посвящены пункты 4 ст. 16 и 27 соответственно Закона о выборах депутатов Государственной думы № 175-ФЗ от 20 декабря 2002 г. и Закона о выборах президента № 19-ФЗ от 10 января 2003 г.

ности населения в 99,9% нет необходимости организовывать голосование для горстки избирателей, работающих за рубежом (31). Но и власти Азербайджана для огромного числа своих граждан, выехавших в другие страны (оно оценивается примерно в 1 млн. человек только в России), не предусмотрели возможности голосовать.

Украинское законодательство, в отличие от Азербайджана, такую возможность оставляет: если группа украинских граждан в количестве более 1 тыс. человек, компактно проживающих в одном месте, заявит о своем желании принять участие в выборах, посольство Украины обязано открыть для них участок. Но организация последних украинских выборов за рубежом² была такова, что даже теоретически 90% украинцев, находящихся за рубежом (от 3 до 7 млн. человек), не могли принять в них участие.

Проблема супернизкой электоральной активности мигрантов характерна для всех стран СНГ, в особенности Армении, Азербайджана, Молдавии, из которых «выехала» чуть ли не половина населения. Опыт Португалии, Греции, Югославии, других стран, столкнувшихся 20 лет назад с проблемой трудовой миграции, показывает, что ее основное решение лежит в русле призывов к патриотизму мигрантов и уговоров прийти на выборы. Но не все так просто. В одинаковых по сути решениях властей Азербайджана и Украины явно прослеживается политико-управленческий след. Ведь возможность пропаганды «нужного» кандидата или партии среди граждан, уехавших за рубеж, практически отсутствует; более того, реальны опасения, что живущие в той или иной стране трудовые мигранты могли проникнуться критическими по отношению к властям своей страны настроениями. В частности, описанный выше опыт Мексики, а также Марокко определенно указывает на второй вариант. В 2002 г. в праве голоса было отказано примерно 2 млн. марокканцев, проживающим за границей. Основная причина, побудившая короля Мохаммеда VI оставить своих «подданных-иностранцев» без голоса, состоит в том, что выбор этой категории избирателей традиционно считается наименее прогнозируемым и управляемым. На этот раз голосование за рубежом было чревато риском победы исламистов (26).

Некоторые страны, напротив, очень ревностно относятся к голосованию сограждан, находящихся за границей. В частности, по сообщению отдела по

2. По сведениям председателя правления Комитета избирателей Украины (КВУ) И. Попова и президента НП «Родная Украина – помощь гражданам Украины за рубежом» И. Бабанского (2), на консульском учете Украины состоит только 330 тыс. человек. В России, где, по оценкам, живет половина выехавших с Украины, в 2006 г. было организовано пять избирательных участков (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Тюмень и Владивосток). Расчет строился на прошлой явке, согласно которой голосует только каждый пятый или даже десятый, учтенный в консульстве.

связям с общественностью МВД Эстонии, зарубежные представительства этой страны проводят серьезную работу по уточнению мест жительства каждого человека и высылают им карты избирателя; в этой работе задействованы министерства внутренних и иностранных дел. Голосование на выборах президента Румынии 12 декабря 2004 г. было организовано в 90 странах, а также в международных миссиях в Афганистане, Ираке и Косово, по месту службы румынских военных (14). Власти Латвии отвели своим «зарубежным» гражданам более 4 месяцев для подачи заявок (почтой) на участие в выборах Сейма в октябре 2006 г. (18). В государстве Британского Содружества Гайане внешние избиратели получили соответствующий статус с 1968 г., в Бенине – с президентских выборов в марте 2001 г., в Италии – с парламентских выборов в апреле 2006 г. В 1979–1980 гг. были приняты соответствующие поправки в избирательные законы Туниса, в 1989 – Исландии, в 1992 – Анголы, в 2004 г. – Венгрии.

На парламентских выборах, состоявшихся 30 января 2005 г. в оккупированном Ираке, голосованию иракцев, оказавшихся за рубежом, было уделено большое внимание³. Так, по данным Национальной избирательной комиссии Ирака, в выборах переходной Национальной ассамблеи приняли участие 263 тыс. 685 иракцев, проживающих за рубежом, что составило 26% от общего числа иракцев (около 1,4 млн.), оказавшихся за границей. Голосование за границей Ирака проводилось в 36 городах 14 стран под контролем Международной организации по миграциям (МОМ), подписавшей соответствующее соглашение, в том числе с Турцией, Ираном и Сирией (15).

Референдум по принятию Конституции Ирака 15 октября 2005 г. прошел без участия внешних избирателей. Думается, что решающим аргументом для такого резкого поворота дел были опасения политического свойства: внешние избиратели вполне могли добавить голоса против конституции. В итоге 15 октября 2005 г. пункты для голосования работали только на территории

3. При подготовке иракского голосования 30 января 2005 г. списки избирателей составлялись в Швейцарии, в специально отведенном помещении одного из выставочных центров Женевы. По контракту с Национальной избирательной комиссией Ирака американское агентство временной занятости «Мэнпауэр» привлекло к работе говорящих на арабском и курдском языках выходцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Они вносили в списки избирателей фамилии и имена из карточек на получение продовольственной помощи – пайков, выдаваемых ООН по программе «Нефть в обмен на продовольствие». Отсканированные изображения этих карточек поступали в Женеву из Дубаи, обрабатывались, возвращались в Эмираты и передавались затем в Ирак (15).

К участию в выборах были допущены все граждане Ирака, родившиеся до 31 декабря 1986 г., т.е. старше 18 лет, а окончательные списки подготовлены к 15 декабря 2004 г. Курдам для регистрации надо было предоставить документы о владении собственностью в Ираке.

Ирака (да и то не везде). Так был административно подстрахован благоприятный исход принятия важного политического документа. При подготовке выборов постоянного парламента 14 декабря 2005 г. избирательная комиссия Ирака также выступила за нецелесообразность голосования внешних избирателей, мотивировав свою позицию организационными трудностями и огромными финансовыми расходами при незначительности числа голосов. Кроме того, неизвестно, сколько именно иракцев проживают в той или иной стране: власти пользуются статистикой, которую предоставляют местные иракцы; избирком Ирака опасался, что те или иные группы могли воспользоваться таким положением. Тем не менее в данном случае парламент позицию избиркома не подержал, и голосование проходило в 15 странах.

Граждане Ирана 17 июня 2005 г. выбирали нового президента в 93 странах, граждане Эквадора в октябре 2006 г. впервые могли проголосовать в 42 странах (3, 5). Избирательная комиссия Тибетской автономии Китая, независимый орган, занимающийся выборами Калон Трипа и представителей Совета народных депутатов Тибета, заранее издала приказ 57 районным избирательным комиссиям в Индии, Непале, Бутане, Европе, Северной Америке, Тайване, Японии, Африке и Австралии обновить списки избирателей для предварительных выборов XIV СНДТ в сентябре 2005 г. (4).

При подготовке всенародного опроса по условиям предоставления Восточному Тимору особой автономии в составе Индонезии в 1999 г. Миссией ООН было открыто более 200 центров регистрации: на территории Тимора, в других районах Индонезии, в Австралии, Лиссабоне, Мапуту, Макао и Нью-Йорке. Регистрация продолжалась в течение трех недель, затем компьютеризованные списки были обнародованы и в течение пяти дней принималось их обжалование (29, с. 232–233).

Что касается динамики числа голосующих за рубежом граждан тех стран, в которых участие в выборах не является их юридической обязанностью (т.е. оно добровольно), то помимо собственно общего числа, состояния консульского учета и желания проголосовать, как минимум еще один фактор во многом определяет их активность. Таким фактором является число избирательных участков, и их расположение, зависящее от состояния отношений государства, проводящего выборы, и государства пребывания. Последнее может разрешить открытие избирательных участков только в посольствах и консульских учреждениях (36). Поэтому граждане, проживающие, скажем, на расстоянии нескольких часов пути до консульства, должны быть серьезно мотивированы своим гражданским долгом, чтобы доехать в пункт голосования.

Этот долг с точки зрения классических политологических постулатов вытекает, по Т. Парсонсу, из нормативного порядка, который «содержит ценности, дифференцированные и детализированные нормы и правила, причем только соответственность с культурой придает им значимость и легитимность» (33, с. 102).

Распространение нормативного порядка среди коллективно организованного населения требует контроля над территорией (33, с. 110). В зонах геополитического риска, к которым можно отнести и большие анклавы проживания одного этноса в территориальных пределах государств с другим титульным этносом, установление нового или поддержание существующего порядка требует особых усилий от участников процесса.

Фундаментальность императива Парсонса о контроле над территорией в период установления порядка подтвердило внимание Турции к регистрации иракских курдов (38). Дипломатический представитель Турции в Ираке предупредил избирательные власти Ирака, чтобы они опротестовали регистрацию тех избирателей-курдов, которые по закону не должны были принимать участие в голосовании в Киркуке как не имеющие там собственности, поскольку внезапно увеличился риск потери турецкого управления той частью турецкой государственной территории, где исконно живут курды. Турецкий представитель в Ираке выступил после того, как курды достигли соглашения с правительством Ирака, которое позволило участвовать в голосовании на выборах нового провинциального совета провинции Тамим, куда входит Киркук, около 100 тыс. курдов (38). Турция не возражала против возвращения перемещенных курдов в Киркук, но была обеспокоена тем, что в этот район после оккупации Ирака силами коалиции прибыло курдов больше, чем было выселено⁴. Ни для кого не секрет, что Киркук рассматривается курдами как столица («курдский Иерусалим») будущего независимого Курдистана.

Перед выборами президента Афганистана 9 октября 2004 г. наряду с многочисленными нарушениями выдачи карточек избирателя на территории страны таковые отмечены и в лагерях афганских беженцев (карточки выдавались без надлежащего удостоверения личности) (9).

Приведенные примеры характерны для десятков стран, большое число граждан которых по тем или иным причинам оказывается за границей. В целях повышения легитимности избираемой власти их всемерно стараются привлечь к

4. В частности, обозреватель «Вашингтон Пост» Р. Коэн писал в 2005 г.: «Ирак расползается на части. Курды двигаются к созданию собственного государства (со своим собственным флагом), сунниты концентрируются в своих военных лагерях, а преобладающие количественно шииты идут к созданию исламской республики, которая в свое время будет объявлена нашим врагом».

На выборах 30 января 2005 г. в Киркуке победил объединенный курдский список с участием некоторых туркменских и арабских партий. Противники возвращения курдов и присоединения к Курдистану данное голосование бойкотировали. Одновременно с выборами в национальный и региональный парламент в Курдистане состоялся неофициальный референдум. Избирателям предлагалось ответить, хотят ли они независимости или федерации. Из заполнивших бюллетени около 95% высказались за независимость Курдистана (13).

голосованию, если политические аргументы «против» не перевешивают – как, например, в Палестинской автономии в 2005 г. Палестинцам, имеющим израильское гражданство или проживающим на сопредельных с Израилем территориях на правах беженцев, было отказано в праве голоса. Считая весь Иерусалим своей территорией, власти Израиля только по настоянию бывшего президента США Дж. Картера согласились, чтобы шесть почтовых отделений в восточной части города превратились в январе 2005 г. во временные избирательные участки (22). Бюллетени при этом должны были складываться не в урны, а в стандартные (красного цвета) ящики для приема почтовой корреспонденции. По мнению израильских властей, это должно было символизировать факт «пересылки» бюллетеней (точнее – открепительных талонов) за пределы Иерусалима, чтобы прецедент голосования палестинцев не толковался затем в качестве подтверждения их претензий на палестинский статус этого города (который, однако, по действующим международным нормам считается оккупированной израильтянами территорией).

Современная глобальная взаимозависимость межгосударственных связей выражается во внимании к голосованию граждан определенной национальности со стороны государства их этнической принадлежности как разновидности своей «мягкой силы» (soft power) или «агентов влияния». Так, в Турции с обеспокоенностью ожидали результатов внеочередных парламентских выборов в Германии 18 сентября 2005 г. (39). Дело в том, что основные политические противники на этих выборах придерживались разных подходов относительно вступления Турции в ЕС. В данной связи турецкие власти призывали 500 тыс. этнических турок – граждан Германии – обязательно принять участие в выборах на стороне партии, поддерживающей турецкий интерес.

Имеют место ситуации, в которых граждане отказываются принимать участие в электоральных событиях своей страны, когда родная земля становится чужой. Так произошло после всем известных событий в Югославии: сербы Косово, несмотря на уговоры «миротворцев» из НАТО (КФОР), не участвуют ни в регистрации, ни в голосовании, начиная с 2000 г., когда была объявлена регистрация для первых выборов послевоенной администрации, состоявшихся осенью 2001 г. В специальном выпуске «Вестника НАТО» «Историческая перемена на Балканах» по поводу бойкота выборов сербами отмечено: «... изменения в настрое сербов в Косово в период, когда переговоры о статусе края кажутся неизбежными, могут, в конечном счете, зависеть от решения, принятого в Белграде»⁵ (19, с. 17).

5. Такое решение было принято 28-29 октября 2006 г. на конституционном референдуме в Сербии: в проект конституции включен пункт о том, что Косово считается автономией в составе Сербии.

Подводя итог обзору практики зарубежного голосования, можно сказать, что избиратели, постоянно проживающие или временно оказавшиеся в день выборов за рубежом своей страны, представляют категорию людей, находящихся «на переднем крае» политики страны, и важный элемент априорного управления легитимностью будущей власти. «Внешняя» часть избирателей реализует свое право голоса, если политическая элита страны такой вид волеизъявления граждан считает эффективным инструментом формирования власти. При этом четко прослеживается конкретно-политическая целесообразность: «внешних» избирателей как привлекают к голосованию, так и организационно препятствуют им в реализации права выбора. По мере надобности электоральные события за рубежом становятся также объектом приложения «мягкой силы» того или иного государства.

Территориальный императив Т. Парсонса ярко проявил себя в начале 90-х годов массовым появлением непризнанных государств, ставшим, как считается, одним из следствий краха ялтинско-потсдамского мироустройства. По мнению экспертов, формальная причина «повального самопровозглашения» государств первоначально базировалась на расхождении между принципами территориальной целостности и нерушимости послевоенных границ, с одной стороны, и правом этнических меньшинств на самоопределение – с другой. Впоследствии данное противоречие было юридически подкреплено Международным пактом о гражданских и политических правах (принят в 1966 г., вступил в силу в 1976 г.) как право каждого народа на «свою» территорию (землю) и богатства ее недр. Как указывает С. Маркедонов в посвященной данному вопросу статье с символическим заглавием «Земля и воля», все появившиеся после развала СССР и Югославии непризнанные государства «осуществляли явную или скрытую конвертацию принципа территориальной целостности в принцип права наций на самоопределение» (28, с. 134). Априори разными методами (как спонтанно-ситуативными, так и целенаправленно селективными) создается этнически чистая территориальная целостность. Затем последовательно осуществляется конвертация, в том числе – с помощью регистрации избирателей.

Отметим также, что руководством Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья⁶ было создано Сообщество «За демократию и права народов» (12). **Появление организации непризнанных государств как действующего политического и гео-**

6. В Приднестровской Молдавской Республике после экономической блокады, устроенной Молдавией и Украиной весной 2006 г., к «конвертации» вплотную подошли 17 сентября 2006 г. – в день проведения референдума о независимости территории (самоопределении и возможном присоединении региона к России). Несмотря на то, что результаты такого рода социологических опросов не имеют, как правило, юридической силы, СМИ ситуацию оценили однозначно: «Тирасполь назначил дату своего вхождения в Россию».

политического субъекта – новый международный феномен политической географии современности.

В Республике Абхазия в результате широкомасштабной внутренней миграции появилось большое число избирателей, которые постоянно живут без прописки. В связи с выборами президента в 2004 г. местная комиссия по правам человека распространила заявление о том, что процесс регистрации избирателей должен дать возможность гражданам, проживающим не по месту прописки, принять участие в голосовании без затруднений и материальных затрат. Комиссия сочла необходимым обязать местные администрации и участковые избирательные комиссии осуществить подворовой обход с целью выявления всех граждан, не внесенных в списки избирателей из-за отсутствия у них местной прописки (40).

В Республике Южная Осетия перед выборами президента и вторым референдумом о независимости 12 ноября 2006 г. выверяли списки для голосования, призвав голосовать и грузинское население, проживающее на югоосетинской территории. Референдум о независимости прошел с беспрецедентно высокой активностью (94,6%) избирателей⁷. После его окончания стихийно организовались массовые гуляния, концерты и митинги (23, 24).

Высокая легитимность для власти непризнанного государства особенно важна в ее территориальном аспекте: государственность подвергается оспариванию, вплоть до военного вторжения и физического насилия над людьми, большинство которых имеет, как правило, исторически выраженное культурно-политическое тяготение. Над Абхазией и Южной Осетией во втором полугодии 2006 г. нависла реальная угроза ввода боевых частей Грузии. В данной связи парламент Абхазии 18 октября 2006 г. принял официальное обращение к Президенту РФ с просьбой о признании республики в качестве независимого государства (референдум о независимости Абхазии провели в 1999 г.).

Еще одно непризнанное государство на территории бывшего СССР, не вошедшее в состав тройственного союза (геополитически и культурно ориентированное на Армению), – Нагорно-Карабахская Республика (НКР). Выборы президента НКР 11 августа 2002 г. всеми международными наблюдателями признаны свободными, честными и демократичными, с оповещением хода голосования

7. Первый референдум о независимости Южной Осетии состоялся в 1992 г. после вооруженного трехлетнего конфликта между осетинскими ополченцами и грузинскими военными в 1989–1992 гг. Причина конфликта – нежелание осетин отделяться от СССР в составе Грузии. В день второго референдума 12 ноября 2006 г. действующая в Грузии неправительственная организация «Союз национального освобождения Южной Осетии» провел альтернативный референдум и альтернативные выборы президента для жителей грузинских селений-анклавов на территории Южной Осетии (на территории Южной Осетии, в отличие от Абхазии, этнических чисток не было) (23, 24).

через каждые три часа и не вызывающей сомнений высокой (75%) явкой в итоге. Представители Великобритании в Хельсинкской группе по правам человека даже сочли возможным отметить несовершенство британской процедуры выборов по сравнению с выборами в Карабахе: британские избиратели не регистрируются в списке перед голосованием. Тем самым, по их мнению, в Карабахе лучше гарантировано соответствие голосующих лиц избирательным спискам, аккуратно составленным и вывешенным на участках для всеобщего ознакомления (10).

В странах на территории бывшей Югославии, распавшейся с помощью Запада, также происходила (и происходит) конвертация территориальной целостности в последующее самоопределение с использованием, в том числе, «нужного» режима регистрации избирателей. Например, оказалось, что Сербия желает иметь собственную базу данных избирателей и возможность проверять избирательные списки: ранее в Боснии и Хорватии бесследно исчезали избирательные документы сербских беженцев, переданные международным представителям (25). Сербы бойкотировали как регистрацию, так и голосование на территории Косово. В самой Сербии при подготовке к референдуму по конституции страны (после отделения Черногории) тщательно подошли к составлению списков голосующих, первоначально утвердив их 14 октября 2006 г. и отложив окончательное утверждение еще на десять дней (34).

Западная Сахара или Сахарская Арабская Демократическая Республика (САДР) – непризнанное государство на северо-западе Африки: подконтрольная Марокко пустынная территория площадью 266 тыс. км², место проживания племен кочевников и бывшая испанская колония. Установление контроля над этой землей означает доступ к богатым минеральным (фосфаты, нефть, уран) и рыбным (в протяженной атлантической прибрежной зоне) ресурсам. После деколонизации в 1975 г. борьба за независимость этого «магрибского Кувейта» от Марокко, возглавляемая Народным фронтом освобождения (ПОЛИСАРИО), продолжается по сей день.

Проблема конвертации в Западной Сахаре – принципиально разные подходы к статусу территории и критериям гражданской идентификации для референдума по данному статусу при примерном равенстве противоборствующих сил (Марокко и Алжира). Комиссия по идентификации населения Западной Сахары, являющаяся ведущим компонентом миссии ООН, с 1991 г. не смогла продвинуться дальше первого этапа плана мирного урегулирования (41). Излишнее доверие к вождям племен и воюющим сторонам привело к

тому, что идентификация потенциальных участников референдума⁸ завершилась только к 2001 г., но консенсус по процессу обжалования и репатриации беженцев до сих пор не достигнут. В апреле 2006 г. ООН фактически призналась в своем посредническом бессилии, вернув переговорную инициативу борющимся сторонам (6).

Таким образом, при совпадении интересов элиты (элит) и населения принцип народного суверенитета никто нарушать не стремится; при их несовпадении народный суверенитет приносится в жертву, на авансцену событий выходит «территориальный императив». Дополнительным фактором риска является ключевое геополитическое положение территории, а действие внешнего фактора в зависимости от обстоятельств играет основную или дополнительную стимулирующую роль.

Принцип народного суверенитета оказывается вторичным, если его соблюдение противоречит пониманию «территориального императива» более сильным политическим игроком.

Литература

1. Арбатская М. Сколько же в России избирателей? Политико-географический анализ общего числа российских избирателей и уровня их активности. 1990–2004 / ИГ СО РАН, Избирательная комиссия Иркутской области. – Иркутск. 2004. – 300 с.
2. Бабанский Ю. Украинские власти боятся... // ИА REGNUM. 2006. 12 февраля. <http://www.regnum.ru/news/589063.html>
3. В Иране открылись избирательные участки для проведения выборов // ИРИАН. 2005. 17 июня, <http://www.rambler.ru/db/news/print.html?mid=6127361>
4. В сентябре этого года тибетцам предстоит принимать участие в выборах // Phayul & divide. 2005. 1 июля. <http://tibet.dharma.ru/>
5. В Эквадоре начались президентские и парламентские выборы // Институт политических и медиаметрических исследований. 2006. 15 октября. http://www.ipmi.ru/index.php?ind=news&op=news_show_single&ide=354
6. Висенс Е. Западная Сахара – преданная независимость // ИА REGNUM. 2006. 12 сентября. <http://www.regnum.ru/news/703887.html>.
7. Волков В., Перевозчиков В. Федеральные выборы в Мексике // Журнал о выборах. – М., 2006. – № 6. – С. 58–66.
8. Выборы во всем мире: Энциклопедический справочник / Сост. А. Танин-Львов. – М., 2001. – 1112 с.

8. В 1990 г. СБ ООН утвердил текст мирных предложений и в апреле 1991 г. резолюцией № 690 одобрил развертывание миссии ООН в Западной Сахаре по проведению референдума (MINURSO). 1 сентября 1991 г. соглашение о прекращении огня вступило в силу, и первые военные наблюдатели ООН прибыли в Западную Сахару. Процесс идентификации населения начался в 1992 г., однако из-за разных позиций в вопросе правомочных участников референдума общее число потенциальных избирателей постоянно колеблется.

9. Выборы президента Афганистана: «наркодоллары», «ошибки» в регистрации избирателей... // Фергана.Ру / Центральноазиатский информационный центр. 2004. 30 сентября. <http://news.ferghana.ru/detail.php?id=3213&mode=none>
10. Выборы президента Нагорно-Карабахской Республики // 2003. 31 марта. http://www.nkr.am/rus/mid/bull/text2_02.html
11. Генеральная репетиция для ближневосточной демократии // Vip.lenta. 2005, 10 января. <http://vip.lenta.ru/news/2005/01/09/abbas/>
12. Дмитриев А. Тройственный союз на обломках империи // АПН. 2006. 15 июня. <http://www.apn.ru/opinions/print9855.htm>
13. Добронравин Н. Черное и белое. Ближний Восток от выборов до выборов // Дело. 2005. 14 февраля. <http://new.russian.net.ru/359/17.html>
14. Завершились выборы президента Румынии // Sedmoysanal.com. 2004, 12 декабря. <http://www.sedmoysanal.com/news.php3?id=74853>
15. Загорнова Е. Выборы в Ираке 30 января 2005 г. Подготовительный процесс, ход голосования и предварительные итоги / Институт Ближнего Востока. 2005. 3 февраля. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/03-02-05.htm>
16. Западная Сахара – МООНРЗС: Справочная информация // ООН. 2005. 5 авг. <http://www.un.org/russian/peace/pko/minurso/minursobackgr.htm>
17. Зарубежное избирательное право: Учебное пособие / Науч. ред. В.В. Маклаков. – М., 2003. – 288 с.
18. Зарубежных граждан Латвии приглашают подавать заявки на голосование по почте в выборах Сейма // ИА REGNUM. 2006, 5 мая. <http://www.regnum.ru/news/635613.html>
19. Историческая перемена на Балканах // Вестник НАТО. Специальный выпуск. NATO Public Diplomacy Division. 1110. – Brussels, 2004. – 58 с.
20. Как голосовать? // Radio Sweden. 2006. www.sr.se/cgi-bin/International/nyhetssidor/artikel.asp?nyheter=1&ProgramID=2103&Artikel=8544
21. Каррильо П.М. Некоторые соображения относительно кодификации избирательных стандартов в Латинской Америке // Журнал о выборах. – М., 2006. Спецвыпуск. – С. 22–25.
22. Картер уладил проблему Восточного Иерусалима // Israelinfo.ru. 2005. 5 ноября. <http://news.israelinfo.ru/world/13032.html>
23. Кожемякин В. «Градом» по миру? // Аргументы и факты. – М., 2006. – № 45. – С. 4.
24. Кожемякин В. Мацони на прикладе // Аргументы и факты. – М., 2006. – № 46. – С. 9.
25. Куге А. Проблемы вокруг регистрации избирателей-сербов для предстоящих выборов в Косово // Радио Свобода. 2000. 31 июля. <http://www.svoboda.org/archive/crisis/kosovo/0701/11.073101-1.asp>
26. Куделев В. О некоторых итогах парламентских выборов в Марокко // Институт Ближнего Востока. 2002. 14 октября. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2002/14-10-02.htm>
27. Лавелль П. Как проголосуют американцы, живущие в России? // United Press International. 2004. 1 ноября. <http://www.inosmi.ru/translation/214276.html>
28. Маркедонов С. Земля и воля // Россия в глобальной политике. – 2006. – № 1. – С. 130–140.
29. Международные избирательные стандарты: Сб. док. / Отв. ред. А.А. Вешняков. – М., 2004. – 1152 с.

30. Мексиканские эмигранты будут голосовать на президентских выборах // РИАН. 2005. 1 июля.
<http://www.podrobnosti.com.ua/power/elections/2005/07/01/223973.html>
31. Мирзоев Э. Непредсказуемый Восток // Vestnik.com. 2003. 20 августа. № 17(328). <http://www.vestnik.com/issues/2003/0820/koi/mirzoe>
32. Низская Л. Бенин накануне президентских выборов // Независимая газета. – 2001. 3 марта. – С. 6.
33. Парсонс Т. Понятие общества: Компоненты и их взаимоотношения // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – М., 1993. – Вып 2. – С. 94-122.
34. Пасхин Н. В Сербии утверждено число тех, кто может принять участие в референдуме // РИАН. 2006. 14 октября, <http://www.rian.ru/politics/foreign/20061015/54818536.html>
35. Руководство по наблюдению за выборами. 5-е изд. / ОБСЕ/ВДПЧ. – Варшава, 2005. – 97 с.
36. Симакин Д. Итоги думских выборов оспаривают в Страсбургском суде // Независимая газета, – 2004. 19 октября, http://www.ng.ru/printed/events/2004-10-19/9_strasbourg.html.
37. Современные избирательные системы. Вып. 1: Великобритания, Канада, Мексика, Польша / Д.В. Лафитский, Н.М. Касаткина, А.Г. Орлов, Н.Ю. Трещетенкова. – М., 2006. – 49 с.
38. Турция предупреждает иракские избирательные органы // АРР. 2005а. 17 января. <http://www.kurdistan.ru/17.01.05-3.htm>.
39. Турция напряженно ожидает результатов выборов в Германии // РБК. 2005b. 18 сентября. <http://www.rbc.ru/rbcfreenews.shtml?/20050918150437.shtml>.
40. ЦИК Абхазии не может сосчитать избирателей // Известия, 2005. 10 января. <http://news.izvestia.ru/politic/news91999>.
41. Шашков С., Щербань В. Военно-политическая обстановка в Западной Сахаре // Зарубежное военное обозрение, 2001. – № 5. <http://www.africana.ru/konkurs/raboti/Shashkov/WestSahara.htm>.
42. Ley 18.700. Ley Organica Constitucional Sobre Votaciones Populares y Escrutinios / Servicio Electoral de Chile. 2005, de Septiembre, <http://www.servel.cl/servel/index.aspx?channel=125>

А. Б. Докторович

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ПРЕДМЕТ
СИСТЕМНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

**Докторович Анатолий Борисович – доктор
экономических наук, профессор Российской
академии государственной службы при Президенте РФ.**

В XXI в. стратегической перспективой и основной тенденцией устойчивого и динамичного социально-экономического прогресса государств становится развитие, ориентированное на расширяющееся воспроизводство социального и человеческого потенциала. Одним из главных генераторов такого развития являются социальные инновации в социально-ориентированном государстве на гармоничное, сбалансированное развитие человека, общества и экономики.

В современной России на фоне экономического роста проблемы социальной и инновационной ориентации развития приобрели особую остроту и актуальность. Существенное снижение качества образования, уровня здоровья населения, объемов и качества медицинских услуг (особенно профилактических, первичных, диагностических и высокотехнологичных), многолетние трудно решаемые жилищно-коммунальные проблемы обусловили снижение российского социального и человеческого потенциала, что признают многие ученые, эксперты и политики.

Объективные причины данной ситуации хорошо известны: недостаточное бюджетное финансирование, отсутствие современного научного, лабораторного, социального оборудования и ряд других. Ситуацию усугубляют нецелевое и неэффективное использование бюджетных средств, устойчивая неактуальность и антиновационность тематики деятельности многих научно-производственных коллективов, низкий уровень социальных, особенно медицинских, технологий. В сфере образования многие вузы при выборе направлений и специальностей обучения исходят из краткосрочной коммерческой целесообразности, не стремясь к максимальному удовлетворению потребностей рынка труда, повышению качества образования, внедрению современных информационных и

информационно-аналитических технологий, формированию социальной перспективы.

Дефицит высококвалифицированных специалистов, необходимых для работы в современной рыночной экономике, особенно в ее социальных отраслях, порождает вторую группу проблем – отсутствие *системного социально-экономического анализа развития, низкую эффективность управления отраслями социально-трудовой сферы*. В настоящее время лишь отдельные крупные и эффективно функционирующие предприятия, организации и учебные заведения располагают в своем штате специалистами, обладающими высокой профессиональной квалификацией в области рыночной экономики, финансов и современного менеджмента, способными к инновационной деятельности.

По прошествии 15 лет после распада СССР и перехода России к рыночной экономике наметился долгожданный экономический рост. Но и сегодня, в условиях роста экономики, мы с глубоким огорчением констатируем, что мужественному поколению победителей в Великой Отечественной войне и молодым россиянам приходится жить в «нефтегазовой» экономике, а не в социальной, нацеленной на развитие человека, человеческого и социального потенциала. У нас по-прежнему вся *социально-экономическая конструкция строится из человека, а не для человека*. В такой экономике человек используется в качестве объекта и необходимого рабочего ресурса, а не как главный субъект и бенефициант социально-экономического развития.

Именно поэтому сегодня так актуальна главная проблема – ***проблема целей развития***. В новом тысячелетии мы должны, наконец, признать, что устойчивое развитие экономики – лишь необходимое, но не достаточное условие развития человека и общества. *Главной целью социально-экономического развития всей системы «человек – общество – государство» является всестороннее, сбалансированное, динамичное развитие человека и расширяющееся воспроизводство социального потенциала.*

Социальный потенциал

Термин «социальный потенциал» начал использоваться в социальных и социально-экономических исследованиях со второй половины 70-х годов. Это понятие существенно обогатило и обобщило традиционно использовавшуюся категорию «трудовые ресурсы», наполнило ее качественно новым – социальным – содержанием и получило заслуженное признание.

В концептуальном аспекте переход от анализа трудовых ресурсов как запаса имеющейся рабочей силы, оцениваемого численностью трудоспособного

населения¹, к углубленному исследованию социального потенциала в социально-экономическом и социокультурном пространствах по существу ознаменовал принципиально новый подход и переход на более высокий уровень исследований потенциала труда и социального развития.

Необходима новая программа исследования социального, человеческого и трудового потенциалов, процессов социального развития, основанная на системном подходе и системологических методах. В данной статье предлагается изучение социокультурных и социоэкономических взаимодействий в социальном пространстве², которые обеспечивают воспроизводство социального, человеческого и трудового потенциалов.

С позиций системного подхода представление о социальном потенциале и его качественное описание формируются и развиваются на базе следующих основополагающих концептуальных положений:

1) социальный потенциал – это потенциал сложной самоорганизующейся динамической системы;

2) социальный потенциал формируется и воспроизводится в результате социокультурных и социоэкономических действий, взаимодействий, отношений и деятельности, которые осуществляются во взаимодействующих полях социального пространства;

3) ядром социального потенциала является человеческий потенциал.

В качестве определения социального потенциала принимается следующее.

Социальный потенциал (СП) представляет собой системную совокупность возможностей и способностей индивидов, социальных групп и общества в целом, которые формируются их действиями, взаимодействиями и отношениями, обеспечивая общественное воспроизводство. В определенных условиях и при наличии необходимых ресурсов социальный потенциал реализуется в труде, непротивоположна и обратная связь: социальный потенциал обеспечивает действия, взаимодействия, отношения и социальную деятельность его носителей.

При таком толковании соответствующим термином характеризуются: во-первых, совокупные способности индивида, социальных групп и общества – человеческий потенциал; во-вторых, социальные взаимодействия и отношения, формирующие социальное пространство в качестве «социально сконструирован-

1. Трудовые ресурсы – это трудоспособная часть населения страны – см.: Костин Л.А. Проблемы экономики труда. Избранное: В 2 т. Т. 1. – М.: АТиСО, 2005. – С. 12.

2. Как и П. Бурдье, под «социальным пространством» мы понимаем «абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.)» – см.: Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с франц. – М.: СПб., 2005. – С. 53.

ных полей действия»³; в-третьих, возможности, которыми располагают индивиды, социальные группы и общество в целом (носители СП).

Важно отметить, что социальный потенциал формируется (конституируется по П. Бурдые⁴) и воспроизводится в ансамбле полей социальных взаимодействий (культуры, экономики, науки и др.). В то же время социальные взаимодействия и деятельность обусловлены конкретными проявлениями возможностей действующих агентов, их способностями к активности и деятельности (включая труд), а также совокупностью имеющихся в их распоряжении ресурсов.

Для социального потенциала существенны следующие взаимозависимости.

Первая. Структура и характеристики социального потенциала обусловлены структурой полей социального пространства и взаимодействиями акторов в его полях. При этом изменения социального потенциала, со своей стороны, порождают изменения структуры социального пространства и характера взаимодействий в его полях.

Вторая. Структура и сущностные свойства полей социального пространства обусловлены реализуемыми в них функциями, характером и особенностями социальных взаимодействий.

Третья. Структура и сущностные характеристики социального потенциала обуславливаются и изменяются в зависимости от количественных и качественных показателей человеческого потенциала. Человеческий и трудовой потенциалы определяют способности к воспроизводству социального потенциала.

Структура социального потенциала

Поскольку социальный потенциал – системное понятие, анализ его структуры целесообразно проводить с позиций системного подхода, выделяя в ней основные системные компоненты:

- человеческий потенциал, включающий трудовой потенциал;
- совокупность взаимодействующих динамических полей, формирующих социальное пространство.

С определенными упрощениями структура социального потенциала представлена на рис. 1.

Социальное пространство – не физическое пространство, хотя и «стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно»⁵, включая в себя все возможные поля: культуры, религии, права, экономики, науки, информа-

3. Бурдые П. Социальное пространство: Поля и практики / Пер. с франц. – М.; СПб., 2005. – С. 146. Здесь уместно отметить, что категория «социальное пространство» появилась в понятийном аппарате социологии и ряда других наук в начале 70-х годов.

4. Бурдые П. Социология социального пространства. – С. 53.

5. Там же. – С. 53.

ции и др. Структура социального пространства – это структура распределения формирующих его и взаимодействующих в нем полей. «Социальное пространство, таким образом, вписано одновременно в объективные пространственные структуры и в субъективные пространственные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективизированных структур»⁶.

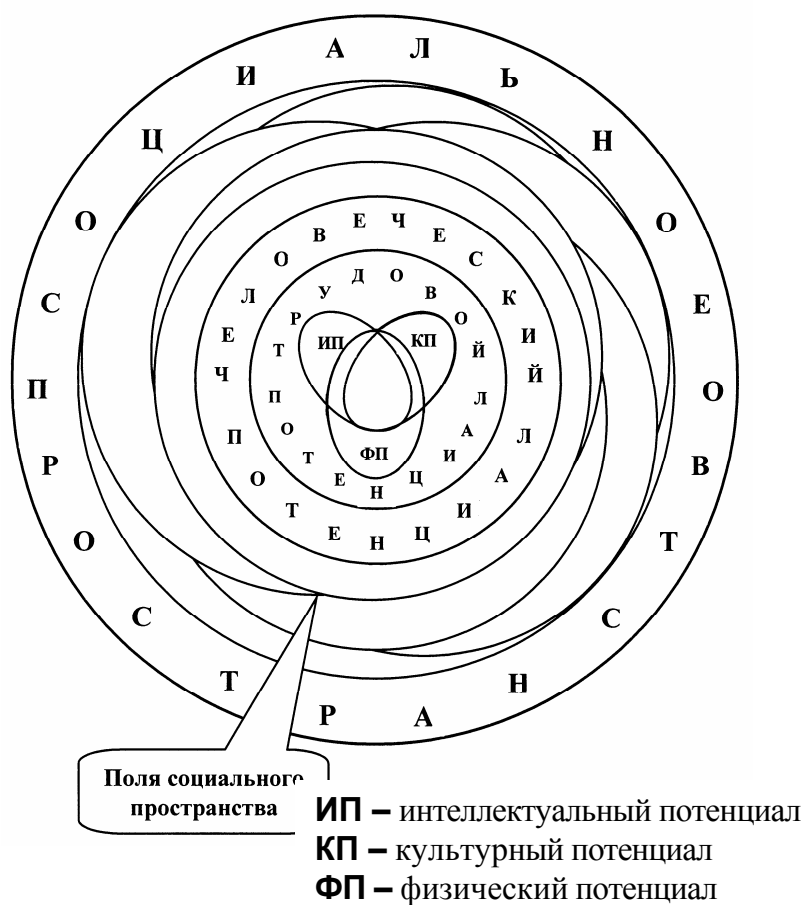

Рис. 1. Структура социального потенциала.

6. Бурдье П. Социология социального пространства. – С. 52.

В такой трактовке предполагается, что социальное пространство, понимаемое как *полиструктура полей и позиций, формирующаяся в «пространстве-времени»*, обеспечивает всеобщую (а не только мыслимую социологом) действительную взаимосвязь предметов познания социально-экономической реальности и является той минимально необходимой системой структурированных отношений, без которой познание невозможно⁷.

Следуя П. Бурдье, мы определяем социальное поле «как такое многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат, значения которых коррелируют с соответствующими различными переменными»⁸.

Подобно тому, как физические поля (гравитационное, электрическое, электромагнитное, тепловое и др.) формируются расположением соответствующих физических тел в физическом пространстве, социальные поля формируются позициями наделенных соответствующими капиталами агентов, взаимодействующих в социальном пространстве.

Мы рассматриваем поле как подпространство социального пространства, определяемое ансамблем различий активных свойств, обуславливающих его специфику и отличие от любого другого подпространства. Поле есть специфическая система отношений между различными *позициями индивидуальных или групповых агентов*. Позиции агентов обусловлены как структурой социального пространства в целом, так и структурой данного поля, и по существу мало зависят от физического существования занимающих эти позиции индивидов. Иными словами, при синхронном рассмотрении поле предстает как *структурированное пространство позиций*. К основным свойствам полей относятся свойства составляющих их позиций, которые могут быть исследованы независимо от характеристик занимающих их индивидов. Индивидуальные или групповые агенты определяются в поле реляционно – их позициями, отличающимися друг от друга властью и влиянием, получаемой материальной и символической прибылью, ценой, которую необходимо заплатить, чтобы их занять, и т.д. Итак, поле – это область социального пространства, в которой проявляют себя

7. В современных исследованиях наметилась актуализация темы социального пространства, о чем свидетельствует все возрастающее число работ, в которых изучается широкий спектр разнообразных тем, относящихся к рассматриваемой проблематике. См.: Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сборник: / РАН ИНИОН; Отв. ред. Гирко Л.В. – М.: ИНИОН, 2003, а также: Филиппов А.Ф. Теоретические основания социологии пространства. – М., 2003.

8. Бурдье П. Социология социального пространства. – С. 16.

достоверно зарегистрированные и доступные измерению или экспертной оценке взаимодействия агентов, занимающих определенные позиции⁹.

Социальный потенциал конкретной социальной системы характеризует ее максимальные (предельные) возможности, которые могут быть реализованы в существующем реальном поле социальных взаимодействий при наиболее благоприятных (оптимальных) условиях и наличии всех необходимых ресурсов. Образно выражаясь, социальный потенциал конкретной социальной системы – это объем запасенной ею «социальной энергии», которая «заложена», сформирована и развита в данной социальной системе.

Исследуя социальное пространство, П. Бурдье подробно изучает различные социальные поля и взаимодействия в них индивидуальных и групповых агентов. Такой подход представляется весьма плодотворным в исследовании социального потенциала.

В исследованиях социального пространства целесообразно и полезно изучение структуры его полей и характера взаимодействий в них. Мы полагаем, что хотя социокультурные и социально-экономические поля различаются существенно, невозможно полностью отделить социокультурные взаимодействия от социоэкономических. С одной стороны, социокультурным взаимодействиям присущи те или иные особенности хозяйствования и традиции труда. А с другой стороны, во всякой экономике и во всех социоэкономических взаимодействиях имманентно присутствуют элементы культуры.

Поле культуры. В последние десятилетия XX в. и в новом XXI в. заметно усилилось внимание и возрос интерес к культурным аспектам социальной жизни. Во многих научных работах глубоко исследуются культурологические аспекты социальных процессов, интенсивно развиваются и получают признание социология культуры, социология средств массовой информации, социология искусства, социология нравственности, а также собственно культурология, имеющая особый теоретический статус.

Культура – это специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях,

9. Такую трактовку анализируемого понятия разделяет Н.А. Шматко. См.: Шматко Н.А. «Социальное пространство» Пьера Бурдье // Послесловие к кн.: Бурдье П. Социальное пространство: Поля и практики / Пер. с франц. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – С. 569.

совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе¹⁰. Культура реализует функцию трансляции социального опыта¹¹.

Выдающийся британский социальный антрополог А.Р. Рэдклифф-Браун определял культуру «как процесс приобретения человеком знаний, навыков, идей, убеждений, вкусов и чувств посредством контакта с другими людьми или из книг и произведений искусства»¹².

Культура общества охватывает «все аспекты, как нематериальные – верования, идеи и ценности, являющиеся содержанием культуры, так и вполне осязаемые – объекты, символы и технологии, которые воплощают это содержание»¹³. Обратимся ли мы к «простой и примитивной культуре или к культуре крайне сложной и развитой, в любом случае мы обнаружим обширный аппарат, частью материальный, частью человеческий и частью духовный, при помощи которого человек способен справиться с встающими перед ним специфическими проблемами»¹⁴.

Следуя Т. Парсонсу, под взаимодействиями «в поле культуры» мы понимаем межличностные взаимодействия акторов-субъектов, разделяющих общие ценности, нормы, убеждения и правила, их взаимодействия с социальными системами, а также с символами и системами символов как объектами¹⁵. Существенным является предположение о том, что акторы, признающие и принимающие некие ценности, нормы, убеждения и правила, сталкиваясь с другими акторами, которые не разделяют их, сохраняют некоторые взаимоприемлемые нормы и правила взаимодействий.

Поле экономики. Представляется приемлемым в качестве основы определения поля экономики использовать следующие дефиниции. Великий английский

10. См.: Энциклопедический социологический словарь РАН / Общ. ред. академика РАН Г.В. Осипова. – М.: ИСПИ РАН, 1995. – С. 343.

11. Подробная систематизация философских определений понятия «культура» приводится в книге: Каган М.С. Философия культуры. – СПб., 1996. Отметим также работы: Ионин Л.Г. Социология культуры. – М., 1996; Келле В.Ж. Культура и социальность // Постигание культуры. Ежегодник. Вып. 7. – М., 1997; Уайт Л. Понятие культуры // Антология исследований культур. Т. I. Интерпретация культуры. – СПб., 1997; Кафанья А.К. Формальный анализ определения понятия «культура» // Антология исследований культур. Т. I. Интерпретация культуры. – СПб., 1997; Пилипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. – М., 1998; Малиновский Б. Научная теория культуры. – М.: ОГИ, 2000.

12. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе / Пер. с англ. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – С. 12.

13. Гидденс Э. Социология / Пер. с англ. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 33-34.

14. Малиновский Б. Научная теория культуры. – М.: ОГИ, 2000. – С. 44.

15. Парсонс Т. О структуре социального действия. – Изд. 2-е. – М.: Академический Проект, 2002. – С. 550-551.

экономист Альфред Маршалл, по инициативе которого с 1908 г. был введен новый курс, получивший название Economics, определял экономику как «учение о нормальной жизнедеятельности»¹⁶. Современные российские авторы под экономикой в общем смысле понимают «совокупность условий, средств, объектов, процессов, которые люди используют для удовлетворения своих потребностей и обеспечения жизни при ограниченности имеющихся в каждый данный момент ресурсов»¹⁷.

Исходя из существующих определений и трактовок анализируемого базового понятия, учитывая совокупность отношений, складывающихся в экономических взаимодействиях агентов, поле экономики можно охарактеризовать как поле, в котором реализуется вся система экономических действий, взаимодействий и отношений, воспроизводимых в процессах производства, обмена, распределения и потребления благ.

Таким образом, поле экономики – это поле действий и взаимодействий, которые осуществляются в процессах производства, обмена, распределения и потребления благ в условиях ограниченности имеющихся ресурсов и формируют воспроизводящиеся экономические отношения.

Поле науки. Это поле действий и взаимодействий, нацеленных на выработку, обоснование, систематизацию, актуализацию и практическое использование объективных знаний о мире и абстрактных моделей, а также признаваемых научным сообществом методов познания, которые формируют систему воспроизводящихся научных действий, взаимодействий и отношений.

Существенными факторами научных отношений являются:

- совокупность факторов, обеспечивающих функционирование научных институтов и ученых;
- факторы производства знаний;
- признание научных результатов и достижений как в научной среде, так и в обществе;
- факторы, влияющие на социальные взаимодействия;
- факторы, обеспечивающие реализацию культурных функций науки;
- совокупность факторов, обеспечивающих развитие производительных сил, реализацию социальных, экономических и политических функций науки в различных сферах и областях практической деятельности.

Анализ развития человеческого
потенциала в современной России

16. Цит. по: Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика / Пер. с англ. 2-го изд. – М.: Дело, 2002. – С. 1.

17. Популярная экономическая энциклопедия / Гл. ред. А.Д. Некипелов. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 2001. – С. 306.

В настоящей работе представлены результаты анализа развития человеческого потенциала в России за период 1990–2004 гг. на основе изучения динамики индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). ИРЧП в Российской Федерации рассчитывался по методике, разработанной экспертами ПРООН¹⁸.

Динамика ИРЧП в Российской Федерации за период 1990–2004 гг. представлена в табл. 1.

Таблица 1

ИНДЕКС РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В РФ, 1990±2004 гг.

	ИРЧП	Индекс ожидаемой продолжительности жизни	Индекс образования	Индекс ВВП
1990	0,809	...	...	...
1995	0,750	0,660	0,892	0,698
1996	0,761	0,682	0,893	0,708
1997	0,759	0,693	0,893	0,691
1998	0,766	0,700	0,901	0,697
1999	0,771	0,683	0,910	0,720
2000	0,763	0,671	0,913	0,703
2001	0,761	0,672	0,893	0,719
2002	0,766	0,664	0,905	0,730
2003	0,795	0,672	0,958	0,756
2004	0,797	0,670	0,954	0,797

Системный анализ динамики ИРЧП в Российской Федерации за анализируемый период позволил выявить следующие тенденции.

В периоды с 1990 по 1995 г. и с 1996 по 1997 г. ИРЧП в Российской Федерации монотонно снижался: 1990 г. – 0,809, 1995 г. – 0,750, 1996 г. – 0,761, 1997 г. – 0,759.

В период с 1996 по 2000 г. имели место вариации значения ИРЧП в пределах от 0,761 до значения 0,771 (1999).

С 2001 г. наблюдается рост ИРЧП от величины 0,761 до значения 0,797, достигнутого в 2004 г. В этот период возрастал индекс образования, дос-

18. См.: United Nations Development Programme (UNDP). Human Development Report 1999. New York: Oxford University Press; Доклад о развитии человека за 1999. Глобализация с человеческим лицом / По заказу ПРООН. – Изд-во «Oxford University Press», Нью-Йорк, 1999. – С. 159–160.

тигнув к 2003 г. значения 0,958, которое соответствует группе стран с высоким уровнем человеческого развития. В то же время монотонно возрастал индекс ВВП: 2000 г. – 0,703, 2004 г. – 0,797. Тем не менее на фоне роста указанных индексов сохранялась негативная динамика индекса ожидаемой продолжительности жизни.

Результаты проведенного системного анализа динамики индексов, характеризующих развитие человеческого потенциала в Российской Федерации за указанный период, свидетельствуют о *тенденции несбалансированного развития человеческого потенциала*, при которой за последние пять лет анализируемого периода на фоне роста индекса образования, индекса ВВП и ИРЧП снижается индекс ожидаемой продолжительности жизни и другие показатели здоровья населения России. В то же время сравнение значения индекса образования для России с соответствующими показателями этого индекса для высокоразвитых европейских стран позволяют утверждать, что и в этой сфере социального развития предстоит решать серьезные задачи.

Д.З.Хамдохов

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ)

**Хамдохов Джамал Залимович – выпускник
магистратуры Кабардино-Балкарского
государственного университета.**

Исследование социального самочувствия представителей различных социальных групп является одним из важнейших аспектов социологического анализа тенденций развития российского общества, поскольку позволяет оценить сдвиги, происходящие в общественном сознании и социальной структуре общества, выявить зоны социальной напряженности, а также изучить многообразные и противоречивые групповые представления о социальной жизни общества. Социальное самочувствие, в котором выражается общая тональность общественных настроений социальной группы, формируется в процессе проводимого людьми сопоставления возможностей удовлетворения своих потребностей, реализации интересов с аналогичными возможностями других. Причем важнейшая роль в процессе сравнения принадлежит групповым представлениям о справедливом распределении приоритетов социального вознаграждения, складывающимся под влиянием господствующих в общественной идеологии оценок социального статуса [1].

Структура воздействующих на социальное самочувствие факторов достаточно сложна и включает в себя социальные явления различных уровней, поэтому полное представление о социальном самочувствии может быть обеспечено лишь посредством всестороннего учета совокупности всех социальных воздействий.

Используемая в отечественных исследованиях операциональная схема социального самочувствия опирается, как правило, на оценку положения людей в обществе в зависимости от степени адаптации к современным условиям жизни. Данная схема, на наш взгляд, не отражает концепт социального самочувствия в условиях многокультурного общества. Мы полагаем, что наличие факторов, обуславливающих мультикультурный характер общества, накладывает

определенную специфику на социальное самочувствие и требует иного подхода к его исследованию. В связи с этим представляется важной диагностика социального контекста социального самочувствия с тем, чтобы выяснить, насколько явно «реалии» многокультурного общества обнаруживаются в самочувствии людей и как воздействуют на него.

Социальное самочувствие проявляется непосредственно в характере отношений представителей различных социальных групп к «своей» и «чужим» группам, а также в направленности и интенсивности их социальных перемещений. Поэтому при изучении социального самочувствия в многокультурном обществе необходимо осуществлять анализ как субъективных (самооценка общественного положения, удовлетворенность групповой принадлежностью), так и объективных (интенсивность социальной мобильности) групповых показателей.

Эмпирическая база исследований, представленная широким спектром наблюдений за развитием политических и социально-экономических процессов в Кабардино-Балкарии (почерпнутых из газетных публикаций, личных бесед с экспертами и аналитиками), а также данные социологических исследований [2, 3] дают нам возможность убедиться в том, что культурное многообразие, принципы организации и внутреннего функционирования общества являются детерминантами социального самочувствия.

Известно, что Россия и в особенности многонациональные республики Северного Кавказа являются многокультурными, а это значит, что существует проблема культуры и конфликта. Главное заключается не в наличии культурно-сложного населения, не в совместном проживании и взаимодействии людей с культурно-отличительными характеристиками, а в том, какой смысл то или иное общество придает культурным различиям, как и в каких целях эти различия используются. И с этой точки зрения, Россия имеет разительное отличие от преобладающего на Западе и в остальном мире опыта [4].

Обычно, когда речь идет о культурных отличиях, имеются в виду этнические, языковые, религиозные, расовые и прочие различия. Однако в условиях современной России, где институализация этнокультурного фактора велика, вплоть до государственно-административного устройства (к примеру, Кабардино-Балкарская Республика), этническая принадлежность признается самым взрывным и вместе с тем наиболее общепринятым, легитимированным индикатором культурных различий [5]. Кроме того, в последние десятилетия в стране развернулось активное конструирование этничности со стороны политических и научных элит: языковые различия вкупе с конструированием истории и акцентуацией религиозных различий позволили создать общество, в котором все люди превратились в представителей своих национальных культур [6]. Другими словами, искусственно был создан социальный феномен, когда людей стали воспринимать не как труженников или безработных, преступников или законо-

послушных граждан, больных или здоровых и т.д., а как представителей того или иного этноса. Таким образом, «фантом» этничности стал основным критерием отличий [7].

Ситуации, когда инакость любого рода однозначно интерпретируется в терминах этничности, ведет к различным конфликтам, которые в наше время возникают в стране, в том числе и в Кабардино-Балкарии. Скажем, республика не является уникальным регионом с точки зрения культурного многообразия. Другое дело, что здесь существует своя особенность, связанная с приданием чрезмерной значимости этнокультурному фактору в обществе. А это означает, что население республики вынуждено жить в напряженном социальном поле, растрачивая большую часть сил и времени на примирение различных и прежде всего национальных интересов этнических групп [8], что создает неблагоприятный фон для социального самочувствия. Вот что по этому поводу пишет Б.Х. Блажников: «...Самочувствие населения и в целом духовная атмосфера современного, как правило, многокультурного общества зависят от удовлетворения этнических потребностей. Таковы хорошо известные потребности в сохранении, развитии, обретении форм этнического бытия, начиная от родного языка, обычаев, традиций, заканчивая различными формами культурной автономии и национальной государственности. В идеологической сфере такие потребности связаны с ценностями и целями этнического социума, с национальными интересами. Удовлетворение этнических потребностей вызывает позитивные этнические чувства, блокирование – негативные. В структуре социального самочувствия его этническая компонента – этносоциальное самочувствие – занимает значимое место, повышая или понижая уровень самочувствия в целом» [9, с. 234]. Вслед за автором мы также полагаем необходимым выделять этническую компоненту как важную составляющую социального самочувствия и для ее измерения предлагаем использовать такие индикаторы, как равенство представителей различных этнических групп в исходных жизненных шансах, доступе к источникам власти и социальным ресурсам, а также статус групп в окружающем политическом и культурном пространстве. Вместе с тем заметим, что вне контекста многокультурного общества анализ самочувствия в терминах «этническое» и «социальное» теряет социологический смысл.

Состояние этнического самочувствия во многом определяется тем, насколько высок в нем уровень конфликтности, проявляющейся, например, в распространении бытового шовинизма или достаточно явном функционировании в массовом сознании представлений о том, что национальная принадлежность определяет положение людей в обществе. Так, на вопрос «каково материальное положение большинства представителей Вашей национальности» 27,2% кабардинцев, 45,6% балкарцев и 45,5% русских ответили: «Хуже, чем у других» [2].

Исходной базой для формирования плохого этнического самочувствия является плохое социальное самочувствие. Такой вывод можно сделать, анализируя оценки респондентов различных сторон этнического бытия в зависимости от уровня социального самочувствия. Показательно, что респонденты с плохим социальным самочувствием, как правило, негативно оценивают различные стороны этнического бытия [9, с. 234].

Одним из проявлений бытового шовинизма является стремление замкнуться в однородной национальной среде, в частности, на работе. Данные исследования показывают, что большинство опрошенных считают нормальным работать с коллегами других национальностей. В целом по массиву 28,8% респондентов предпочитают работать в многонациональном коллективе; для 56,3% национальный состав коллектива не имеет значения. Наряду с ними существуют люди (14,3%), которые убеждены в полезности однонациональных коллективов. Так, 3,6% опрошенных предпочитают коллектив, состоящий из лиц своей национальности, а 10,7% – коллектив, где преобладают представители своей национальности. Нельзя не заметить, что среди кабардинцев данную точку зрения разделяет практически каждый четвертый (25,1%), у балкарцев таких – 7%, у русских – 9,8% [2].

При сопоставлении ответов на вопрос, «приходилось ли Вам сталкиваться со случаями неприязненного отношения к представителям Вашей национальности», обнаружены заметные различия во мнениях респондентов: по оценкам 33,3% опрошенных балкарцев, 24,8% русских и 13,6% кабардинцев, это происходило довольно часто; редко сталкивались с этим 42,2% респондентов балкарской национальности, 43,6% русской и 43,7% кабардинской; не сталкивались – 24,5% балкарцев, 29,7% русских и 42,7% кабардинцев. Таким образом, практически каждый четвертый опрошенный (24,6%) утверждает, что нередко сталкивался со случаями неприязненного отношения к представителям своей национальности, что объясняется, на наш взгляд, ситуацией напряженности в межнациональных отношениях, имевшей место в республике в 90-е годы [2].

В многокультурном обществе в условиях ограниченности ресурсов и этноцентристского управления доминирующая культура, столь важная для социальной конкуренции, приносится в жертву местной культурной специфике [10], а постоянное отождествление этнокультурной и социально-политической идентичности становится постоянным источником неудовлетворенности и скрытой агрессии. Так, обладающие эффективной численностью представители «большинства» имеют больше возможностей оказывать прямое и непосредственное влияние на свое положение в иерархии власти, что ограничивает доступ к управленческим и экономическим ресурсам представителей «меньшинства». Подозрительность, обида, ощущение несправедливости и бессилия в таких условиях возникают гораздо чаще у наиболее малочисленных народов, и кабардино-балкарское общество в этом плане не исключение: в массовом сознании

балкарцев (представителей меньшинства) прочно сложилось представление об ущемленности национальных интересов. К примеру, на вопрос, «в достаточной ли мере в Кабардино-Балкарии учитываются национальные интересы Вашего народа», утвердительно ответили лишь 26,2% опрошенных балкарцев. Сравним: доля таковых среди русских и кабардинцев, являющихся представителями большинства, вдвое больше и составляет соответственно 41,6 и 45,6%) [2].

Данные социологического исследования позволяют сделать вывод, что в Кабардино-Балкарии люди прилагают гораздо больше усилий, направленных на самореализацию. Так, 41,0% опрошенных кабардинцев, 55,9% – балкарцев и 36,6% – русских выразили уверенность в том, что они смогут реализовать свои силы, знания и способности в Кабардино-Балкарии; за ее пределами – соответственно 17,1%, 19,6 и 37,6%; за пределами Российской Федерации – соответственно 18,1%, 10,8 и 5,9%; затруднились ответить соответственно 21,9%, 13,7 и 20,7% [9, с. 235].

Оценка возможности самореализации тесно связана с проблемой доступности различных социальных позиций для представителей разных социальных групп. В пространстве кабардино-балкарского общества (что, впрочем, характерно не только для него) социальная мобильность затруднена, поскольку в нем не действуют механизмы здоровой конкуренции. Практически все социальные связи здесь носят локальный, персонифицированный, межличностный характер, и зачастую людей оценивают не столько по их личным достоинствам и способностям, сколько по тому, оснащены они капиталом «полезных» (первичных) неформальных связей или нет. Так, большинство респондентов сходятся во мнении, что при продвижении по службе предпочтение отдается лицам, чьи родственники или знакомые занимают определенные позиции во властных структурах, либо «своим» (по признаку этнической принадлежности), что имеет место в действительности. Хотя известно, что мобильность необходима для обеспечения стабильности общества, поскольку открытый доступ к позициям элиты позволяет способным и честолюбивым людям покидать низшие социальные уровни. Этим достигается эффект предохранительного клапана, уменьшающего вероятность революционных коллективных действий представителей низших социальных слоев [11].

В связи с этим уместно привести результаты исследований А.Г. Здравомыслова и А.А. Цуциева. Изучая миграционные процессы в Северо-Кавказском регионе, они пришли к выводу, что главный действующий фактор, влияющий на масштаб русской миграции из региона, состоит в том, что русские гораздо в меньшей степени, чем «представители коренных народов», оснащены капиталом первичных неформальных связей. Этот социальный капитал представляет собой совокупность связей, которые могут быть эффективно конвертированы в преимущества в конкурентной борьбе за дефицитные или престижные позиции. К тому же этот социальный капитал, подчеркивают

А.Г. Здравомыслов и А.А. Цуциев, выступает как «естественный», привычно используемый ресурс [12]. Не секрет, что в национальных республиках Российской Федерации элита формируется преимущественно по этническому принципу, а не по профессиональным качествам. Такая система отторгает лучших людей – причем не только «чужой», но и титульной национальности, поэтому многие ее представители также вынуждены искать себе применение в других регионах страны.

Обратимся теперь к данным статистики. В Кабардино-Балкарии, традиционно привлекательной для иммиграции республике Северного Кавказа, миграционный баланс оказывается в целом отрицательным. Только с 2000 по 2004 г. за пределы КБР выбыли 26 512 человек (прибыли 15 464 человека), удельный вес русских среди них составляет 58,7%. И если эмиграция русского и русскоязычного населения республики в 90-е годы была спровоцирована межэтническими конфликтами и затяжными военными действиями в Северо-Кавказском регионе, а также ростом напряженности в межэтнических отношениях в республике, то в последние годы – конкуренцией на рынке труда. Число безработных в республике составляет 25% от всего трудоспособного населения, а уровень безработицы в Кабардино-Балкарии в 2,5 раза выше, чем в среднем по России и почти в 5 раз больше, чем, к примеру, в Москве. Однако наряду с эмиграцией русскоязычного населения имеет место и устойчивая тенденция к оттоку кабардинцев [13].

Следует отметить, что в массовом сознании населения Кабардино-Балкарии прочно закрепились представления о том, что «клан» и «клановость» – незыблемые свойства кабардино-балкарского общества, и преуспеть в нем практически невозможно. Причем даже не важно, так ли это на самом деле. Важно, что люди убеждены в этом.

Известная теорема Томаса гласит: «Если люди воспринимают некоторую ситуацию в качестве реальной, то она будет реальной и по своим последствиям». Поэтому при изучении социального самочувствия необходимо принимать во внимание наличие в массовом сознании предрассудков, поскольку они вплетаются в ткань социальных отношений.

Одним из механизмов формирования стереотипных представлений являются повседневные разговоры [14]. Обмениваясь, к примеру, новостями об успехах других, жители республики не преминут упомянуть, что те принадлежат к такому-то клану, и в доказательство «разберут» цепочку первичных неформальных связей успешных людей. В другой раз они охотно расскажут о том, как благодаря личным качествам (способностям или талантам) преуспевают проживающие за пределами республики соотечественники. Рассказы о подобных историях подкрепляют стереотипные представления, и, в результате, люди довольно пессимистично оценивают свои шансы на успех в Кабардино-Балкарии, им крайне трудно выработать надежную стратегию действий: многие боятся

рисковать (поскольку «из этого ничего не выйдет») и никак не найдут себе достойного места в условиях складывающейся рыночной экономики. Разумеется, все это сказывается на настроении людей, ухудшает их социальное самочувствие. Для иллюстрации данного тезиса приведем характерные для большинства (57%) респондентов высказывания: успешным становится тот, «кто принадлежит к клану» или «имеет высоких покровителей» [3]. Сравним приведенные данные с результатами исследования ВЦИОМ. 36% опрошенных россиян считают, что успех в жизни зависит от их личных качеств, способностей, талантов. Столько же респондентов (36%) утверждают, что успех – это продукт личных связей, «пробивных способностей» [15]. Мнения, как видно, разделились, но очевидно одно: доля кабардино-балкарских респондентов, для которых талант и способности менее значимы, чем личные связи, почти вдвое превышает соответствующую долю россиян в исследовании ВЦИОМ. А если принять во внимание обстоятельство, что понятия «труд» и «успех» относятся к базовым ценностям (по мнению 33% кабардино-балкарских респондентов), то можно представить, как оно воздействует на социальное самочувствие населения Кабардино-Балкарии [3].

Еще один механизм формирования стереотипных представлений связан с работой средств массовой информации. Показательными в этом плане являются многочисленные газетные публикации, которые тиражируют формирующиеся в повседневной жизни предрассудки и стереотипы. Контент-анализ материалов республиканских СМИ за 2005–2006 гг. показал, что большинство статей, характеризующих социальную организацию кабардино-балкарского общества, имеют негативный оттенок. Вот некоторые выдержки из них: «В условиях административного управления рыночные механизмы в полной мере зависят от чиновничьего произвола. В Кабардино-Балкарии это обстоятельство используется корпоративными кругами (если хотите кланами), чьи представители давно и прочно занимают определенные позиции во властных структурах. Ими контролируются наиболее доходные сферы деятельности. Возможности рыночной конкуренции сведены к нулю» [16]; «дотационность северокавказских субъектов РФ не от скудности природных ресурсов и не от отсутствия промышленных мощностей, а от того, что эти ресурсы используются в интересах все тех же региональных бизнес-кланов, коррумпированных политиков и чиновников, превративших государственную службу в бизнес» [17]; «Кабардино-Балкарская Республика рассматривается экспертами как регион с авторитарным, этнотейпо-клановым правлением восточнокавказского типа. В республике слабо развиты гражданский сектор, СМИ, свобода слова и доступ к информации. Здесь... устойчиво действует раздел: свои и правильные, а выражающие несогласие с господствующим мнением – это чужаки – враги, подрывающие мир и существующий порядок» [18]; «в условиях бесправия республика жила долгие годы... Даже более либеральные режимы в мире принято называть диктатурой. В

нашем случае есть другой термин – «клан», т.е. ограниченный круг лиц, состоящих друг с другом в родственных, дружеских и экономических отношениях. Все друг друга знают, уважают, ценят и друг от друга зависят. У клана есть предводитель, управляющий всеми процессами внутри и вне его. Никаких посторонних, никакого шума, гласности и инициатив, круговая порука, строгая иерархия...» [19].

По справедливому замечанию П. Бурдьё, «легитимное право "называть" означает также право "вызывать названные явления к жизни", делать их элементами социальной реальности» [20]. И эти «реалии» уже вживаются в мир повседневности далеких от политики людей и воздействуют на их социальное самочувствие.

Примечания

1. Галин И.Д. Социальное самочувствие. Социологический справочник. Киев. Издательство политической литературы Украины. 1990. – С. 352.

2. Приводятся данные социологического исследования «Социальное и этническое самочувствие народов Кабардино-Балкарии», проведенного в 2003 г. Кабардино-Балкарским институтом гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии». Научный руководитель исследования проф. Б.Х. Бгажников.

3. Данные социологического исследования, проведенного автором в Кабардино-Балкарии в 2005 г. Объем выборочной совокупности составляли 900 респондентов, при этом соблюдался квотный принцип отбора опрашиваемых по полу, возрасту, образованию, национальности и месту жительства (город, село).

4. Тишков В.А. Культурное многообразие в современном мире. http://www.eawarn.ru/pub/About/WebSeminarBretagneAgenda/Tichkov_expose.h – С. 1.

5. Цурхер К. Звездные войны, постмодернизм и столкновение цивилизаций // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. – М., 2002. – С. 69.

6. Бредникова О., Паченков О. «Этническое предпринимательство» мигрантов и мифы мультикультурализма // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. – М., 2002. – С. 160.

7. Radtke F.-O. Multiculturalism, Welfare State and Germany // The Ethnicity Reader / M. Guibernau & J. Rex. (eds.) Polity Press. 1999. – P. 253.

8. Бгажников Б.Х. Основания гуманистической этнологии. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – С. 44-46.

9. Бгажников Б.Х., Хамдохова Ж.М. Социальное самочувствие в многокультурном обществе (по материалам исследований в Кабардино-Балкарии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии: в 2 кн. / отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин, В.А. Тишков. – М.: Наука, книга 2-я. М.: Наука, 2006. – С. 231-238.

10. Тишков В.А. Теория и практика многокультурности // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. – М., 2002. – С. 348.
11. Lipset M.S., Bendix R., Social Mobility in Industrial Society, Berkeley, University of California Press, 1959.
12. Здравомыслов А.Г., Цуциев А.А. Этничность и этническое насилие: Противостояние теоретических парадигм // Социологический журнал, 2003, № 3.
13. Гусейнов О. Стабильность в обмен на деньги / Газета Юга. 2004. 14 октября. № 42.
14. Ван Дейк Т.А. Когнитивные модели этнических ситуаций // Язык. Познавание. Коммуникация / Под ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 161-189.
15. Успех в России // Газета (деловая) «Взгляд» 11 июля 2007 г.
16. Кажаров А. «Со сменой власти должны наступить перемены в обществе» // Газета Юга № 39 (604). – 29.09.2005.
17. Мусов А. «Общественные организации подали голос» // Газета Юга № 48 (509). – 27.11.2003.
18. Эльдаров М. «Республике нужен свой омбудсмен» // Газета Юга № 15 (424), 11 апреля 2002 г.
19. Кажаров А. «Со сменой власти должны наступить перемены в обществе» // Газета Юга № 39 (604). – 29.09.2005.
20. Бурдые П. Социальное пространство и генезис классов // Он же. Социология политики. – М., 1993. – С. 67.

Н. В. Соленикова

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНЕТ В РОССИЙСКИХ
ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

**Соленикова Наталья Владимировна – аспирант
кафедры социологии, политологии и связи
с общественностью Уфимского государственного
нефтяного технического университета.**

Интернет обладает целым рядом особенностей, которые сегодня привлекают внимание политиков: это и оперативность публикации информации при практически неограниченных объемах и малых издержках на распространение, и доступность для пользователя, и мультимедийные возможности, визуализация и интерактивность – вот только самые очевидные преимущества, которые с развитием Сети усиливаются: информация распространяется еще быстрее, становится доступнее, более удобно структурированной, лучше визуализированной и т.д.

Особенно широкими возможностями обладает политический Интернет в ходе подготовки и проведения избирательных кампаний в качестве политтехнологического средства связей с общественностью. Ибо политический Интернет – это новейшая электронно-компьютерная разновидность средства массовой коммуникации в сфере политико-властных отношений, созданная на основе принципа обратной связи и являющаяся как виртуальным пространством для быстрых и разнонаправленных потоков политической информации и коммуникации, так и современным средством и технологией политического влияния, завоевания доверия и поддержки общественности, политического участия и политической борьбы, что существенно влияет на характер актуального политического общения, качественно меняет язык политического дискурса и стилистику политической конкуренции. Политический Интернет представляет собой системно организованную многоуровневую виртуально-пространственную структуру взаимоотношений в Интернете между политическими акторами, прежде всего, с одной стороны, институтами власти, политическими партиями и деятелями, а с другой – гражданами, индивидуальными пользователями.

Можно выделить очевидные преимущества Интернета как PR(пиар)-средства в период избирательной кампании.

Во-первых, Интернет позволяет создать наиболее полный образ кандидата, это можно сделать, используя только традиционные СМИ. Безусловно, все действия по обеспечению присутствия кандидата в Сети должны быть осмысленными и логически вытекать из концепции его имиджа, сформулированной миссии и стандартов. Кроме всего прочего, рассматриваемая особенность Интернета позволяет донести до избирателей точно и ярко сформулированные и оформленные взгляды определенного кандидата, презентовать политические инициативы и программы кандидата.

Во-вторых, специфика политического Интернета как инструмента PR предполагает богатство возможностей интерактивного взаимодействия с пользователями. Цели интерактивного взаимодействия: 1) дать посетителям сайта возможность высказаться и принять участие в обсуждаемых мероприятиях; 2) создать возможность оперативного мониторинга отношения пользователей Интернета к политику и его деятельности. С помощью Интернета можно организовать взаимодействие с избирателями, используя такие сервисы, как форумы, чаты, интернет-конференции, электронная почта, интернет-голосование.

В-третьих, Интернет обеспечивает оперативность связи с электоратом, дает возможность гораздо чаще обновлять новости, может архивировать информацию и обеспечивать быстрый доступ к ней, может использоваться как средство общения с журналистами и т.п.

В-четвертых, неподцензурность Интернета обеспечивает возможность прямой и косвенной агитации за кандидата, а также передачи о нем практически любой информации. Эта особенность Интернета позволяет вести контрпропагандистскую деятельность с возможной дискредитацией конкурентов.

В-пятых, организационная простота. Создать сайт – дело относительно несложное и недолгое. Для запуска полноценного сайта политической направленности иногда вполне достаточно нескольких дней (с момента принятия решения до выкладывания первых материалов и открытия доступа). Поддерживать средний по частоте обновления и разветвленности структуры политический сервер может команда из 2-3 журналистов и 1-2 технических сотрудников (верстка, техническая поддержка).

В-шестых, Интернет расширяет границы социологических исследований в период избирательных кампаний. Разумеется, речь идет не о социологических опросах пользователей по вопросам, связанным с рейтингом кандидатов или с электоральной активностью: пользователи Сети – нерепрезентативная выборка электорального массива. Но приглашение пользователей к участию в оценке качественных характеристик имиджа кандидата, используя его видеофайлы,

или оценка лозунгов избирательной кампании, программы – вещи вполне реальные.

Политики активно используют Интернет для обобщения и учета различной информации, а именно: анализа мнений и настроений электората; получения политических данных в режиме реального времени со всего мира; анализа реакции пользователей Интернета на то или иное политическое явление и др.

В-седьмых, с помощью Интернета успешно ведется поиск добровольцев-помощников для проведения кампаний, привлечения сторонников. Большинство современных политических партий активно набирают себе членов за счет интернет-пользователей. Так, на большинстве веб-представительств политических партий можно стать членом партии или, по меньшей мере, получить информацию о том, как это можно сделать. Большой интерес представляет опыт движения «Новая сила» (С. Кириенко), не только получившего регистрацию в Минюсте фактически на основании «электронной подписки», но и организовавшего первый в российской истории «виртуальный съезд» осенью 1999 г.

В-восьмых, сбор пожертвований через Интернет. На Западе сайты очень активно используются для этих целей во время избирательных кампаний. Например, в США партии и кандидаты через Интернет собирают пожертвования на избирательную кампанию. В России подобные акции пока практически неосуществимы, поскольку не распространено применение кредитных карт в Интернете в силу опасности операций подобного рода¹. Хотя кое-какой положительный опыт уже имеется². Стоит подчеркнуть одну особенность функций, выполняемых предвыборными сайтами России. Если задать вопрос «зачем политикам Интернет?» какому-нибудь американскому кандидату в депутаты, то, скорее всего, вы в первую очередь услышите волшебное слово «fundraising», что переводится как «увеличение фонда», а по сути означает сбор денег с избирателей и спонсоров на деятельность политика или партии. Электронный фандрайзинг в США – это не только дань высоким технологиям, но и эффективный инструмент, благодаря которому был собран не один миллион долларов. Например, в 2000 г. кандидат в президенты Джон Мак Кейн за 48 час. собрал в Интернете 1 млн. долл. на свою предвыборную кампанию. В том же году Джорж Буш-младший собрал через Интернет 3,6 млн. долл. для первого тура выборов на пост президента США и еще 2,4 млн. долл. для второго. В 2003 г. кандидат от демократов Ховард Дин собрал в Интернете 800 тыс. долл. всего за 1 час³.

1. Мельниченко О. Интернет и выборы: Проблемы и перспективы // Информационно-аналитический бюллетень агентства «Обратная связь», 2002, № 7.

2. В рамках кампании по сбору средств через свой веб-сайт (www.kprf.ru) КПРФ по состоянию на 10 сентября 2003 г. собрала более 11 млн. руб.

3. Политические партии на интернет-распутье – Internet.ru – 17 декабря 2003 г.

Перечисленные особенности и примеры их использования в период избирательных кампаний позволяют говорить о том, что для политиков Интернет может стать одним из важнейших средств связей с общественностью, которое будет способствовать более эффективной работе с избирателями, представителями средств массовой информации, союзниками и даже конкурентами.

На наш взгляд, четко вырисовываются следующие тенденции развития политического Интернета в электоральном процессе России в постсоветский период: 1) растущее использование политического Интернета как информационно-коммуникационного канала для общения с электоратом; 2) создание средствами политического Интернета рекламы и привлекательного имиджа участников выборов; 3) использование политического Интернета как инструмента контррекламы в избирательных кампаниях.

Остановимся на практике использования интернет-технологий в российских избирательных кампаниях. Если рассматривать становление политического Интернета в России с точки зрения смены электоральных циклов постсоветского периода, то можно выделить следующие этапы, каждый из которых стал заметным этапом рождения новой политической культуры и утверждения новых электоральных стандартов.

Первый электоральный этап (1993±1995)

Этот этап характеризуется преимущественной концентрацией интернет-услуг в Москве и С.-Петербурге, а также началом развертывания академических, научных и образовательных сетей на территории страны.

Рунет в это время лишь формировал свою среду, поднимался «на ноги». Неудивительно, что редкие пока политологические публикации о российской электоральной истории практически обходят этот период стороной. Так, обширная монография питерского коллектива авторов практически не обращается к анализу политического использования Интернета в данный период, видимо, предполагая малую значимость этой проблемы в сравнении с другими актуальными вопросами⁴. И. Засурский отмечает, что в этот период Интернет для россиян стал, в основном, «проводником процесса глобализации информационного пространства ... в Сети начала формироваться параллельная информационная система, значение которой некоторые исследователи на Западе приравнивают к всплеску молодежной контркультуры шестидесятых годов»⁵. Однако каждый новый виток избирательных кампаний сопровождался появлением невиданных способов реагирования на этот процесс Рунета. А каждое «изобретение»

4. См.: Первый электоральный цикл в России. 1993–1996 гг. – СПб., 2000.

5. Засурский И. Ре-конструкция России. Массмедиа и политика в России девяностых // www.russ.ru

политтехнологов быстро становилось достоянием сетевой общественности благодаря моментальному распространению информации о нем⁶.

В августе 1994 г. появился первый политический проект в Рунете – «Либертариум» А. Левенчука. Таким образом, история политического сегмента Рунета насчитывает около 13 лет. В 1995 г. в Интернете появились первые новостные ресурсы: Национальная служба новостей (НСН) и «Известия». В этом же году в Сети открылось представительство органов государственной власти России «Официальная Россия»⁷.

В числе наиболее используемых инструментов обеспечения политической коммуникации в Интернете в этот период можно выделить электронную почту. Важной особенностью данного периода в развитии российского сегмента Сети было то, что интернет-технологии в значительно большей степени оказались востребованными в политической среде и массмедиа, нежели в сфере бизнеса. Таким образом, определяющим фактором развития российского Интернета, в отличие от Европы и Америки, стала активность крупных медиа- и политических структур, а не коммерческих организаций. В эти годы в России происходил процесс освоения Интернета в качестве средства политической коммуникации.

Второй электоральный этап (1996±1998)

Этот этап характеризуется постепенным распространением Сети по территории страны и уменьшением доли Москвы и Санкт-Петербурга в структуре пользователей. Интернет уже используется различными субъектами российской политической жизни в информационных войнах, во время парламентских и президентских выборов, а также в ходе осуществления международной информационной политики.

Первым опытом политического PR в Рунете можно считать трансляцию хода выборов 1996 г. на сайте «Национальной службы новостей»⁸, где впервые были опубликованы результаты президентских выборов во время подсчета голосов. С этого момента к возможностям Интернета активно обращаются политические партии, движения и их лидеры.

Использование Интернета в качестве средства политической коммуникации преследует не только сугубо информационные цели. Наряду с традиционными для данного этапа развития Интернета представительскими (содержащими исключительно текстовую и графическую информацию) ресурсами и ресурсами,

6. Кузнецов И.И. Рунет как часть российского электорального пространства // *Общественные науки и современность*, 2003, № 1. – С. 70.

7. www.gov.ru

8. www.nns.ru

построенными на принципе простой обратной связи (когда предоставляется возможность передать источнику информации свое мнение о представленной информации через систему электронной почты), появляются ресурсы расширенного коммуникационного типа, позволяющие проводить массовые информационные акции политического характера. К таким ресурсам можно отнести так называемые «чаты», которые позволяют общаться в Сети с известными политиками.

Еще одним направлением развития Интернета как средства общения с политическими целями стали массовые опросы пользователей по заданной тематике. Подобные опросы состоялись в сетевом «Русском журнале» по таким темам, как: «Кого Вы считаете нужным избрать в качестве премьера?» (август-сентябрь 1998 г.) или «Вступили бы Вы в "Отечество"?» (ноябрь-декабрь 1998 г.). При этом число участвующих в обоих случаях превысило тысячу человек, что свидетельствует о достаточно высоком интересе к подобным опросам со стороны пользователей Сети. Фактически речь идет о специфических социологических опросах, которые не только фиксируют общественное мнение среди пользователей Сети, но и активно его формируют⁹.

Спецификой российского политического процесса на данном этапе стала растущая значимость средств массовой коммуникации, особенно в электоральных ситуациях, что выявилось во время президентских выборов. В этот период основные политические субъекты в разной степени освоили Интернет в качестве средства политической коммуникации. В избирательных кампаниях в 1996–1998 гг. лишь самые известные политики имели собственные персональные сайты. Прочие же политические лидеры в большинстве случаев совмещали свои персональные страницы с сайтами тех партий и движений, которые они возглавляли. Практически все основные политические силы страны уже осознали практическую значимость использования Интернета в своей деятельности, но не осознали еще масштабность этих возможностей, поэтому очень часто подходили к Интернету формально. Создаваемые в Сети политические информационные ресурсы отнюдь не всегда были достаточно динамичны и профессионально подготовлены для того, чтобы адекватно и своевременно реагировать на происходящие в стране события. Плохое оформление сайта, слабая информативность, нерегулярное обновление являлись главными факторами, отталкивающими потенциальных посетителей. Кроме того, значительная масса всех политических ресурсов страны, как правило, создавалась накануне выборов и поэтому имела сравнительно небольшой срок жизни – особенно это актуально для персональных сайтов политиков.

9. Чеснаков А.А. Ресурсы Internet и российские политические технологии: состояние и перспективы развития // Вестник МГУ, Серия 18. Социология и политология. № 4, 1999. – С. 68.

На данном этапе большинство интернет-ресурсов можно рассматривать только как информационные ресурсы, использование коммуникационных сервисов ограничено – форумы и чаты присутствуют лишь на немногих сайтах.

Кроме того, политики пока до конца не осознавали, что Интернет является не только местом, где можно разместить сайт-листовку, но и мощнейшим средством ведения предвыборной кампании, а также организационным и даже финансовым ресурсом.

Кроме использования в качестве оружия политической борьбы подконтрольных телеканалов и газет, в этот период большое внимание стало уделяться нагнетанию конфронтации с помощью различных интернет-технологий. Начиная с 1998 г. Интернет становится активным участником всех политических скандалов в стране, начиная с отставки Ю. Скуратова и заканчивая «антилужковской» пропагандой в ходе предвыборной кампании. Более того, часто именно публикации в Интернете предваряли многочисленные статьи в обычных СМИ.

Таким образом, можно утверждать, что период со второй половины 1998 – по первую половину 1999 г. стал начальным экстенсивным этапом формирования ресурсов российского политического Интернета, когда четыре его основные составляющие (сайты властных структур, ресурсы политических партий и движений, пресса, сайты аналитических и исследовательских организаций) были постепенно заполнены. Очевидно, что качественный рост российских политических ресурсов во многом был связан с приближающимися парламентскими и президентскими выборами.

Третий электоральный этап (1999±2002)

Власти России начинают признавать роль Интернета как нового информационного канала и делают шаги на пути его использования. В частности, они публикуют множество официальных документов, до последнего времени доступных лишь специалистам. Появляются профессионально сделанные страницы, сотворенные по образцу телевидения: функции пользователя сводятся лишь к восприятию.

1999 год стал ключевым в плане использования интернет-технологий в политической жизни России. Именно выборы в конце 1999 г. привлекли в российский Интернет первые крупные инвестиции. Именно тогда известные российские политики впервые обратили свой взор на Интернет, обнаружив у себя под боком еще одно информационное поле для продвижения и рекламирования собственных идей и взглядов.

К началу избирательных кампаний 1999–2000 гг. в Российской Федерации практически все крупные политические партии прибегли к созданию своих интернет-представительств: интернет-технологии начинают использоваться в

избирательной кампании. Тогда же впервые расходы на Интернет были прописаны отдельной строкой в бюджете избирательных кампаний многих политиков¹⁰.

Вызванная выборами информационная активность политических объединений совпала по времени со всплеском моды на новые технологии на Западе, что привело к стремительному развитию информационно-политического сектора российского Интернета. В конце 1999 – начале 2000 г. создание интернет-представительств приняло характер массового явления: собственные сайты имели все крупные партии и движения, принимавшие участие в парламентских выборах, и почти все кандидаты в президенты 2000 г. Тогда же Интернет начал широко использоваться в рамках реализации политических PR-кампаний. Включение Интернета в инструментарий политтехнологов предопределило то, что Сеть стала привычным рабочим инструментом для журналистского сообщества.

Итак, начиная с 1999 г. политические силы в России приняли во внимание быстрый рост интернет-аудитории и предприняли шаги, направленные на манипулирование общественным мнением путем использования интернет-технологий. Кроме того, использование политиками интернет-технологий большей частью обусловлено существенным упрощением работы предвыборных штабов на самых ранних этапах деятельности. Происходит это за счет простоты пропаганды, сравнительной дешевизны создания ресурса, оперативности и высокой скорости распространения директив и агитационных материалов, возможности доступа к опубликованной информации из любой точки мира¹¹.

Бурный рост политического сектора российской Сети в конце 1990-х годов объясняется двумя основными причинами. Во-первых, это стремление политических деятелей приобщиться к Интернету как к явлению современного мира, воспринимаемому как символ будущего. Подобную мотивацию можно назвать «логикой Деда Мороза», если воспользоваться формулировкой Ж. Бодрийяра, который следующим образом объяснял природу воздействия рекламы на человеческое сознание: это «не логика тезиса и доказательства, а логика легенды и вовлеченности в нее». Известный парадокс Бодрийяра – «не веря в этот товар, я верю рекламе, которая пытается заставить меня в него поверить» – применим к восприятию не только рекламного сообщения, но и Интернета в целом. Большинство политиков, считавших необходимым создание сетевых проектов, не особенно верили в то, что использование интернет-технологий принесет им какую-либо практическую пользу, но очень хотели

10. Володагин А.А. Интернет-СМИ как арена политической борьбы // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 1. – С. 54.

11. Водолагин А.Л. Интернет-СМИ как арена политической борьбы // *Там же*.

поверить распространенному представлению о том, что такая польза существует.

Второй причиной быстрого развития российского политического Интернета стал функциональный подход к сетевой среде. К концу 90-х годов многие политики и бизнесмены, традиционно использовавшие для решения своих PR-задач традиционные СМИ, открыли для себя Интернет как не менее эффективное средство коммуникации. Подобный технологический подход к Интернету особенно проявил себя в реализации информационно-пропагандистских кампаний во время парламентских и президентских выборов. И все же лишь немногие участники выборов 1999–2000 гг. успешно применяли сетевые технологии в качестве инструмента предвыборной борьбы¹².

Специфика использования интернет-технологий российскими политиками во втором и третьем электоральных этапах (1996–1999) заключалась, с одной стороны, в появлении сайтов, созданных в соответствии с широко распространенными представлениями о необходимости наличия собственного ресурса в Интернете (что породило феномен интернет-аутсайдерства – появление множества некачественных и невостребованных сайтов), а с другой стороны, отдельные политические субъекты начинают использовать Интернет в качестве инструмента для решения коммуникативных задач, следствием чего стало проведение в сетевой среде ряда информационно-пропагандистских операций.

Политические скандалы, потрясавшие страну на экранах телевизоров и в печатных изданиях, продолжались и в Интернете – появились отдельные ресурсы Сети, которые и создавались только для одного – обличения того или иного политика (очень много было направлено против Ю. Лужкова и ОВР), либо, наоборот, для прославления (так в конце 1999 – начале 2000 г. стали возникать многочисленные информационные ресурсы в поддержку В. Путина). Имеют место многочисленные «лжесайты» – Лужкова, Примакова, Березовского и др., пытающиеся дискредитировать этих политиков.

Случаи «вбрасывания» компромата в Сеть слишком многочисленны, чтобы пытаться рассказать о них подробно. Можно только отметить несколько случаев, когда в ходе выборов Сеть использовалась как мощное пропагандистское оружие. Так, Г. Павловский открыл сайт «Объединенная преступная группировка» о лидерах движения «Отечество – вся Россия». В 1999 г. Министерство печати зарегистрировало сайт «Агентство федеральных расследований», учредителем которого выступили известные журналисты, работающие в холдинге «Совершенно секретно».

Четвертый электоральный этап (2003±2004)

12. Иванов Д.Г. Политический PR в Интернете: Российские реалии // Интернет-маркетинг. 2002. № 4. – С. 6–14.

Качественно новым этапом применения избирательных интернет-технологий в России стали выборы президента страны, прошедшие в марте 2004 г. Если проследить динамику использования сети Интернет политическими лидерами, претендующими на пост президента, в избирательных кампаниях 1996, 2000 и 2004 гг., то можно сделать определенные выводы. Наблюдается последовательный и устойчивый рост активности использования Интернета в избирательной кампании претендентами на пост президента, в 1996 г. – 0 из 10, в 2000 г. – 5 из 11, в 2004 г. – 6 из 6 претендентов создали свои персональные страницы или страницы партии, которую они возглавляют.

Интересен тот факт, что технологии, зарекомендовавшие себя на выборах 1999 г., оказались не столь эффективными на выборах в 2003–2004 гг. Очевидно, что общепринятым стандартом стало формальное присутствие в Интернете политиков и политических структур, т.е. создание и поддержка официальных сетевых представительств. Но на данном этапе наличием сайта уже никого нельзя было удивить, поэтому уникальная возможность заявить о себе на политической сцене за счет факта присутствия в Интернете оказалась уже пройденным этапом.

Политики начали понимать, что Интернет – это интерактивность, т.е. взаимодействие. Вновь создаваемые сайты все чаще предоставляли условия для обратной связи. Люди разных политических мировоззрений могли участвовать в дискуссиях, иногда очень бурных, но все же представляющих мнение тех, кем управляют. Зачастую на подобных сайтах проводились интернет-голосования для выяснения отношения аудитории к актуальному вопросу. Эти опросы не могли претендовать на достоверность общей картины, но очень важны для исследования собственной аудитории партии или политика.

Итак, Сеть стала важной составляющей политических коммуникаций, образующих информационную среду предвыборной деятельности политических лидеров и политических партий. Интернет стал реальным интерактивным каналом связи с избирателями, сферой политического влияния на электорат. В связи с этим, увеличение интерактивности и развитие диалоговых возможностей Web-сайтов будет способствовать более эффективной работе с избирателями.

Современный период (2005±2007)

Современная политическая коммуникация не обходится без использования политических информационных технологий, роль которых все возрастает.

Сегодня можно говорить уже о наборе инструментов, с помощью которых может быть реализовано общение граждан и политиков в Сети. Самым простым и популярным инструментом является рассылка текста письма, а также создание собственной рассылки (особенно это касается России, где применяются

устаревшие технологии коммуникации и электронная почта значительно доступнее, нежели остальные виды сетевой коммуникации).

Для политических кампаний особую ценность представляет возможность работать с лидерами мнений. Исследования аудиторного среза Интернета показывают, что подавляющее большинство пользователей Сети составляют посетители политических, агитационных и информационных ресурсов (в ходе предвыборной кампании количество посетителей этих ресурсов возрастает в 1,5–2 раза¹³). Для политической коммуникации в Сети важна не столько реакция на какое-либо информационное послание внутри нее, сколько обеспечение отклика на это послание в традиционных СМИ¹⁴, чему в значительной степени способствует специфика аудитории, а также высокая скорость распространения информации¹⁵.

Хотя даже сейчас далеко не все политические силы страны осознали, что Интернет – это не просто место, где можно разместить очередную листовку, а мощное информационно-пропагандистское средство ведения политической кампании, фактически совмещающее (особенно в перспективе) возможности телевидения и печатных изданий: место для размещения информационных материалов, выражающих мнение конкретной партии (либо политика), ее политических программ, заявлений, агитационных и пропагандистских материалов, фото-, теле- и аудиоматериалов, дополненных возможностями ведения обмена мнения и диалога путем электронной почты, различных форумов, интернет-опросов, чатов, электронных листов рассылок и т.д. Все это дополненное собственными электронными лентами новостей, он-лайн-изданиями, рекламой, использование сайтов как порталов и т.д. превращает Интернет в мощнейший инструмент политики, тем более, что создание собственных информационных ресурсов в Интернете на первом этапе не требует огромных финансовых вложений и достаточно просто в осуществлении – создание сайта и его поддержка намного проще, чем издание газеты или журнала.

В избирательных кампаниях важен информационный обмен, так как без существования обратной связи с электоратом любая кампания обречена на неудачу. Многие политические партии и кандидаты оценили достоинства Интернета в этом качестве.

Еще одной важной тенденцией развития политического Интернета в постсоветский период стало создание средствами политического Интернета рекламы и привлекательного имиджа участников выборов.

13. Данные исследований рейтинговой системы www.rambler.ru

14. Давыдов И. Политика – двигатель веб-прогресса // Сообщение. 2000. – № 1. – С. 45.

15. Политические технологии: ПР и реклама: Учеб. пособие для студентов вузов / Т.Э. Гринберг. – М.: Аспект Пресс, 2005. – С. 263.

С каждой избирательной кампанией органы государственной власти, политики, политические партии и движения все более активно используют интернет-технологии. Эта тенденция сохранится в будущем, учитывая рост числа интернет-пользователей. Вместе с тем, необходимо отметить проблемы, связанные с использованием избирательных интернет-технологий. Во-первых, отсутствует правовая регламентация их применения. Во-вторых, на данный момент недостаточно полно используются возможности Интернета. Наиболее востребованными у субъектов политического процесса являются новостные рассылки, электронная почта, баннерная реклама, создание интернет-представительств, использование форумов и блогов. Как правило, применяемые избирательные интернет-технологии позволяют проводить информационно-пропагандистскую и мобилизационную работу в период избирательных кампаний. Поэтому перед научным сообществом стоит задача дальнейшего исследования избирательных интернет-технологий.

Интернет в России стал реальной политической площадкой – в нем проводятся самые острые идеологические дискуссии и кипит реальная, в отличие от федерального информационного пространства, жизнь, тем не менее существующие в обществе социальные институты, представители партий и общественных организаций, обычные граждане не всегда еще умеют эффективно и масштабно использовать Интернет для выражения и защиты своих интересов. Социально-политический потенциал Интернета пока не освоен и не осознан в должной мере.

В.В.Залужский

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФОРМАТ ОБЩЕНИЯ ±
АЛЬТЕРНАТИВА СМИ?

**Владимир Владимирович Залужский -
аспирант кафедры связей с общественностью
МГИМО (У) МИД.**

Бурный рост информационных потоков оказывает глубинное, трансформирующее воздействие на состояние и развитие культурных процессов. Современная цивилизация самоидентифицируется с помощью набора неестественных для человека средств получения информации массмедиа, кино, сценического искусства, массовой литературы, формирующих в совокупности представления населения об окружающем мире. Если прежде в процессе познания мира человек опирался на собственные органы чувств (глаза, уши, обоняние, осязание) и возможности, то сегодня в большинстве своем он получает субъективно переработанную, препарированную и идеологически заряженную информацию, попадая в зависимость от ее «поставщика». Французский социолог Абраам Мольтен полагает, что с появлением массмедиа прежнее культурное достояние общества или индивида утрачивает свое значение. Даже базовая система образования, принятая в обществе, также перестает играть прежнюю роль. «Для молодого человека сегодня гораздо большее значение имеет не сумма знаний, получаемых в семье, школе или колледже, а то, что он услышит по радио, увидит по телевизору или в кино, прочтет в афише или в газете, узнает из разговора с сослуживцами и соседями. В результате прежняя более или менее целостная система знаний и ценностей заменяется набором переменчивых установок, на которые постоянно воздействуют массмедиа»¹.

Кроме того, технологии, убыстряющий ритм нашей жизни и концентрация людей преимущественно в городах привели к разрушению традиционного формата коммуникации между людьми – очного общения. В любой деревне и городе

1. Науменко Т.В. Лидеры общественного мнения // Социальное исследование. – М., 2003. – № 4. – С. 45.

раньше существовало место, где люди сходились вместе, чтобы поговорить и послушать, узнать последние новости. Сегодня в качестве «информированного собеседника» выступают СМИ.

По мере усложнения мирового информационного пространства, дальнейшей глобализации и под воздействием идеологии, СМИ оказываются вынужденными избирательно освещать социальные явления, отбирая только те новости, которые соответствуют их редакционной политике. В результате представляемая в СМИ картина мира носит фрагментарный, неполный, бюрократизированный характер, который может не соответствовать положению вещей в реальном мире. И можно предположить, что разрыв между реальным миром и «описанным СМИ» будет увеличиваться.

Искажение социальных явлений СМИ ведет к следующим общественным реакциям: 1) стремлению людей к общению за пределами бюрократизированных отношений, к неформальным межличностным связям; 2) к желанию получать новости в «чистом виде», чтобы разобраться в событиях «самостоятельно» без помощи СМИ. Вырваться за пределы «организованного общества» человека толкают и процессы формализации общественных отношений, а также дальнейшая рационализация жизни, происходящая под влиянием капиталистической модели устройства общества. Свою роль в этом процессе играет и глобализация, которая движет общество к все более контролируемой и управляемой модели.

К сдвигу в сторону неформальных межличностных контактов для получения и обмена информацией толкает и политическая ситуация в стране: «Как и раньше, практически за всеми серьезными общероссийскими и региональными ежедневными газетами сегодня стоят либо федеральные и региональные органы власти, либо финансово-промышленные группы, либо аффилированные с ними структуры. Их активное спонсорство деформирует рынок, нередко негативно сказывается на содержании прессы и, следовательно, на доверии к ней читателей», – говорится в докладе «Российский рынок периодической печати. 2006 год»².

Для свободомыслящих членов общества с активной жизненной позицией открываются три пути в сложившейся ситуации: 1) информационная самоизоляция и сознательное игнорирование любых сообщений СМИ в целом, концентрирование на бытовых и семейных проблемах; 2) информационная самоизоляция в рамках традиционалистских этнических или религиозных общин; 3) образование неформальных групп единомышленников с новыми каналами коммуникации. Для большинства приемлем третий вариант, так как полностью ме-

2. Роспечать оценила рынок печатных СМИ в России: По материалам доклада Роспечати «Российский рынок периодической печати. 2006 год» // lenta.ru, 2.06.2006.

нять свой стиль жизни, порвать с установленным в обществе бюрократическим порядком и самоизолироваться они не могут или не желают.

Если раньше «площадкой» для общения неформальных социальных групп единомышленников был выпуск специализированных малотиражных газет, то настоящая революция произошла с появлением Интернета, который в последние годы активно вытесняет прессу. «...Сегодня даже самый циничный медиамагнат не может отмахнуться от того факта, что все больше молодых людей предпочитают узнавать новости в онлайн-режиме. По словам британцев в возрасте от 15 до 24 лет, начав пользоваться Интернетом, они стали тратить на чтение общенациональных газет на 30% меньше времени»³.

В качестве примера создания социального интернет-сообщества может служить «народная энциклопедия» «Википедия» (Wikipedia), только англоязычный раздел которой сегодня содержит почти 1 400 000 статей на широкую тематику. «Википедия» появилась в 2001 г. В ее основе лежит, так называемый, принцип «вики», т.е. каждый посетитель сайта может редактировать и распространять содержимое любой ее статьи. «Википедия» – это еще и среда обсуждения всевозможных тем и споров. Каждый может присоединиться к беседе, и, например, защитить или опровергнуть несправедливо представленное в статье мнение. Источник: Wikipedia.

Популярность «Википедии» столь высока, что ее создатели начали работу над новым проектом – «Ситизендиум» (Citizendium). «В Citizendium, как предполагается, главную роль будут играть эксперты из самых различных областей. Именно они будут утверждать материалы, любые изменения и корректировки. Кроме того, администраторы смогут ограничивать доступ к базе для отдельных пользователей, уличенных в вандализме и преднамеренной порче записей. В основу Citizendium будет положена технология Wiki». Можно не сомневаться, что проект Citizendium также будет удачен, ведь его аудитория, как впрочем и многих других социальных сетей, будет только возрастать: по данным октябрьского доклада CA (бывшая Computer Associates) и Национального альянса кибербезопасности США (NCSA), 47% пользователей социальных сетей относятся к возрастной группе от 18 до 34, а 53% – старше 35 лет⁴.

Другое явление online-пространства – блоги – олицетворяют собой стремление людей обмениваться новостями «без цензуры». По сообщению Itua.info, блог является одним из ключевых элементов в социальных сетях. Под этим словом скрывается сервис, позволяющий вести личный дневник, записи в котором располагаются в обратной хронологической последовательно-

3. ИноСМИ.Ru, 28.08.2006 (по материалам журнала «The Economist»).

4. Социальные сети угрожают безопасности корпоративных сетей, по материалам сайта Cnews // E-executive.ru, 10.10.2006.

сти. Принято считать, что идея публичных авторских дневников принадлежит англичанину Тиму Бернерсу-Ли, разработчику Всемирной паутины. Еще в 1993 г. он разместил на своем сайте info.cern.ch список ссылок на новые сайты и обновления программ. В 1999 г. открылся первый портал portal.eatonweb.com, который объединил пионеров движения «блогинга», ведущих авторские дневники. В том же году программисты компании Pitas предложили всем желающим свою бесплатную службу ведения дневников. Тогда же программист Брэд Фитцпатрик, студент-третьекурсник, закончил писать свою программу для ведения дневников – с целью поддерживать связь со своими одноклассниками. Программа называлась Livejournal и отличалась от других чрезвычайной примитивностью и простотой в использовании. Наконец, известный сетевой деятель и популярный блогер Петер Мерхольц переделал термин web log (запись в вебе) на we blog, в результате чего и появилось современное понятие «блог».

Блоги бросают серьезный вызов одному из ключевых явлений глобализации – созданию более контролируемого и управляемого общества. В опубликованном в октябре этого года компанией Yandex отчете по российской аудитории блогов, «в одной России количество владельцев персональных дневников в сети перевалило за 1 млн. человек. В 2005 г. каждый час появлялось 20 новых дневников, в 2006 – уже более 100»⁵. Четверка лидеров российского блог-хостинга по версии «Яндекса» выглядит так: «Livejournal.com (44,78% от ежедневного количества записей в русскоязычной блогосфере), Liveinternet.ru (19,98%), Diary.ru (13,15%) и Blogs.mail.ru (7,34%)»⁶.

В центре внимания посетителей блогов широкий спектр тем – от развлечений до ключевых мировых событий. «Считается, что блогеры являются настоящим гласом народа, отражающим настроение большинства и в ряде случаев выражающим точку зрения, отличную от официальной. По данным исследования компании Yandex, летом 2006 г. наиболее обсуждаемыми в сетевых дневниках событиями были ливано-израильская война, чемпионат мира по футболу и политический кризис на Украине. Из культурных событий авторов дневников больше всего заинтересовал фильм «Пираты Карибского моря»⁷. Причем, авторы сетевых дневников иногда оказываются «оперативнее и объективнее, чем профессиональные журналисты». В качестве примера аналитики приводят фотослужбу частного веб-сайта Flickr.com. «Фотографии событий на этом сайте появляются быстрее, чем на лентах информационных агентств»⁸.

5. Социальные сети угрожают безопасности корпоративных сетей, по материалам сайта Cnews // E-executive.ru, 10.10.2006.

6. Кто вы, мистер блогер? // Итоги. – М., 2006. – № 41(539).

7. Там же.

8. Ветвинский А. Deutsche Bank предрекает революцию на медиарынке // 18 окт. 2006.

Об усилении присутствия блогов в информационном пространстве свидетельствует и материал журнала The Economist: «...на арене появилась новая сила, жаждущая потребовать ответа от политиков – “журналисты-граждане” и блоггеры. “Всемирная паутина” раскрыла двери в мир, который прежде был вотчиной профессиональных журналистов и редакторов, для каждого, у кого есть компьютер, подключенный к Интернету. Любители, размещавшие в Интернете разоблачительные публикации – вроде снимков ноутбуков Dell, возгорающихся из-за бракованных батареек, или ремонтников из компаний, обслуживающих кабельные телеантенны, дремлющих на диване – уже призвали к порядку несколько корпораций. Что же касается блоггеров, то отдельные онлайновые дневники действительно полны искажений и клеветы, но в совокупности они снабжают того, кто хочет докопаться до истины, кладезем “информации к размышлению”. Конечно, общение с Интернетом способно закрепить сложившиеся заблуждения, но то же самое можно сказать и о многих печатных изданиях»⁹.

Еще более категорично в своих оценках влияния социальных сетей и блогов исследование, подготовленное специалистами Deutsche Bank Research. «Медиаиндустрия стоит перед величайшим потрясением со времен Гуттенберга», – такими словами начинается исследование, подготовленное Deutsche Bank Research. Аналитики банка утверждают, что развитие информационных технологий привело к началу новой эры массмедиа. «Со времен изобретения печатного станка принципы работы СМИ оставались неизменными: информация шла от профессиональных медиапроизводителей к пассивным медиапотребителям. Однако нынешние технологии привели к фундаментальным изменениям», говорится в докладе. Возможность легкого и быстрого доступа в Интернет, появление социальных сетей, в которых пользователи сами создают контент, превращает медиапотребителей в медиапроизводителей. Авторы доклада считают, что, получив возможность выбирать и быть активным участником в создании контента, люди перестают пользоваться традиционными СМИ. Больше всего страдают при этом газеты. Среднее время, которое потребители тратят на их прочтение, с 2000 по 2005 г. сократилось на две минуты и сейчас составляет 30 мин. В то же время среднее время, которое человек проводит в Интернете, за тот же период выросло на 31 мин. и сейчас составляет 45 мин.¹⁰

Возрастающая популярность социальных online-проектов не ускользает от внимания корпораций, заинтересованных в выходе на наиболее активную потребительскую группу – 18–35 лет. Компании начинают перераспределять свои рекламные бюджеты в пользу интернет-проектов. Хотя «Википедия» и «Сити-

9. ИноСМИ.Ru, 28.08.2006 (по материалам журнала «The Economist»).

10. Ветвинский А. Указ. соч.

зендиум» представляются как некоммерческие, «финансировать проект “Сити-зендиум” планируется за счет средств, предоставляемых университетами, частными компаниями и различными спонсорами»¹¹. Вслед за посетителями блогов приходят рекламодатели. Стремительное развитие социальных сетей убеждает их, что продвижение бренда в этом сегменте намного важнее, чем в традиционных медиа. «Аналитики советуют медиакомпаниям начать реагировать на изменение ситуации»¹². А некоторые компании решаются даже создавать свои собственные блоги: «В последнее время в мире становятся популярными сетевые дневники сотрудников корпораций, пишущих по поручению компании, часто за отдельную зарплату. В США корпоративными блогами обзавелись более трети компаний, в том числе такие гиганты как Microsoft, Boeing, Fuji, General Motors, Motorola, Nissan Motor, Proctor & Gamble, Visa, Wal-Mart и Xerox. По данным исследования компании Jupiter Research, 34% крупных американских компаний в настоящий момент ведут корпоративные блоги. В России это явление только начинает развиваться. «Специфика корпоративных блогов заключается в неформальном, часто ироничном стиле повествования о жизни компании. Это позволяет к официальным объявлениям компании добавить “живой голос”, – поясняет руководитель пресс-службы Yandex Михаил Ушаков. – Сейчас таких блогов несколько десятков, например, у таких российских компаний, как “Стардог’s”, Yandex и Mail.ru»¹³.

По мере включения в социальные сети все большего количества людей из различных социальных слоев влияние первых будет возрастать и составит очень серьезную конкуренцию традиционным СМИ. В наихудшем положении оказывается пресса, на которой сказывается, с одной стороны, ужесточение конкуренции на медийном рынке и усиление позиций интернет-ресурсов, а с другой – отсутствие у современной молодежи привычки чтения информации в печатном виде. Следует добавить и многомиллионную сеть мобильной связи, которая быстро эволюционирует в сторону универсального онлайн-ового средства массовых коммуникаций. «На сегодняшний день общее количество зарегистрированных в России печатных СМИ приблизилось к 53 тыс. наименований, в том числе более 26,2 тыс. газет и 18,5 тыс. журналов. Однако количество вновь регистрируемых печатных СМИ в последнее время ежегодно стабильно сокращается, что свидетельствует о насыщении рынка и сокращении свободных тематических ниш»¹⁴.

11. Сайт E-executive.ru, 18.09.2006 (по материалам журнала «Компьюлен-та»).

12. Ветвинский А. Указ. соч.

13. Живой голос корпораций // RBC daily, 27.09.2006.

14. Доклад Роспечати «Российский рынок периодической печати. 2006 год».

Сегодня уже можно говорить о насыщении рынка традиционных СМИ. Люди устали от круглосуточно поступающего потока информации, большая часть которой не касается их лично и не представляет практической ценности. Стремительный ритм нашей жизни не оставляет много свободного времени, поэтому его ценность возрастает, и тратить этот ценный ресурс многие готовы в первую очередь исключительно на вещи, которые им интересны или полезны.

Хотя влияние блогов и социальных сетей пока еще не достигает той, что есть у традиционных СМИ, они к этому приближаются. «Блоги иногда громко называют "новыми СМИ" и даже "угрозой традиционной журналистике"». По данным опросов в США, «34% американских блогеров считают свои дневники разновидностью журналистики. И действительно, были случаи, когда крупнейшие СМИ цитировали сообщения авторов дневников, оказавшихся в центре событий и располагавших уникальной информацией, например, о вооруженных конфликтах в Ираке или Ливане. Однако пока говорить о блогах как о новых СМИ все же преждевременно: большинство блогеров копируют новости в свои дневники из традиционных средств массовой информации»¹⁵.

15. Кто вы, мистер блогер? Журнал «Итоги». – Итоги. – 2006. – № 41 (539).

В.М.Шевырин

«ПРОБУДИТЬ ЧУВСТВА ДОБРЫЕ»
(Графиня С.В. Панина)

**Шевырин Виктор Михайлович – кандидат
исторических наук, ведущий научный
сотрудник ИНИОН РАН.**

Графиня Софья Владимировна Панина, несомненно, была удивительной и «одной из самых замечательных (хотя еще мало известных) женщин предреволюционной России» (2, с. 76). А.И. Шингарев, будущий деятель кадетской партии, познакомившись с Софьей Владимировной в 1903 г., когда она приехала в Воронежскую глушь, намереваясь построить там больницу, пришел в восторг от ее скромности, простоты и деловитости. Все, кто ее знал, «не мог ее не любить и не уважать». Шингарев и годы спустя любовался ею и в собрании попечительств, и в «заседаниях нашего Центрального Комитета, куда она вошла вскоре после начала революции, и в заседаниях Временного правительства» (15, с. 30–31; 6).

Сердце ее «лежало» к культурно-общественной работе. Главным делом ее жизни было создание Народного дома в Петербурге, построенного на ее средства и работавшего при ее непосредственном участии и руководстве. Панина писала, что Народный дом, возникший «в годы безвременья», вырос и «создался силой любви, во имя достоинства, знания, правды и свободы личности». До последних дней жизни хранила она письма своих учеников – людей, прошедших через Народный дом. Среди них было и то, в котором говорилось: «Мой отец был крепостной. Я – конторщица. Примите низкий поклон от меня, как дочери того народа, раскрепощению которого Вы посвятили себя» (13, т. 49, с. 20, 196). Интересен путь, по которому графиня Панина пришла к этому, и ее дальнейшая биография.

Она появилась на свет в богатой и родовитой семье. Ее отцом был граф В.В. Панин. Род Паниных уходит своими корнями в седую древность. Сведения о Паниных встречаются уже в источниках XVI в., а их семейное предание гласит, что предки Паниных обосновались на Руси еще в XV столетии, выехав

218

из города Лукка, что рядом с Флоренцией. В XVII в. среди Паниных – немало воевод, думных дьяков, а в XVIII в. – губернаторов, сенаторов, министров. Некоторые из них оставили заметный след в отечественной истории. Василий Никитич Панин подавлял (вместе с Ю. Барятинским) восстание Степана Разина, а его внук, генерал Петр Иванович Панин, восстание Пугачева. Еще до этого, в 1767 г., он был возведен Екатериной Великой в графское достоинство. Его брат, Никита Иванович Панин, – вице-канцлер и, по сути, руководитель внешней политики России, а затем воспитатель будущего императора Павла I. Сын Петра Ивановича Панина, Никита Петрович, стал одним из организаторов заговора против Павла I, хотя он и не принимал непосредственного участия в покушении. Этот Панин женился на дочери графа Орлова (одного из пяти знаменитых братьев Орловых, особо приближенных к трону), рыжеволосой красавице Софье Владимировне. Их сын, Виктор Никитич Панин (дед Софьи Владимировны Паниной), в течение 20 лет был министром юстиции и председателем редакционных комиссий. Отличаясь консервативными взглядами, он тормозил работу по отмене крепостного права. Его жена, Наталия Павловна, урожденная Тизенгаузен, приходилась внучкой графу Палену, главному заговорщику в царевубийстве 1 марта 1801 г. Наталия Ивановна, бабушка Софьи Владимировны, прожила долгую жизнь (1810–1899). В юности дружила с А.С. Пушкиным. Сын Виктора Никитича и Наталии Ивановны, Владимир Викторович Панин, – отец Софьи Владимировны. Его сестра вошла в семью князей Вяземских, и впоследствии Софья Владимировна имела тесные родственные связи с Вяземскими. Мать С.В. Паниной, Анастасия Сергеевна, происходила из богатого рода Мальцевых. Ее отец, Сергей Иванович Мальцев, владел целой промышленной империей, раскинувшейся на десятках тысяч десятин, «Америкой в России», как ее иногда называли. Сергей Иванович весьма заботился о своих рабочих, участвовал в общественной жизни страны (подавал царю проект о борьбе с голодом в деревне, писал книги на экономические темы и т.д.).

Его красавица дочь выросла при дворе с детьми Александра II (ее мать была ближайшей подругой императрицы Марии Александровны). Женившись на Анастасии Мальцевой (у молодой четы родились две дочери – Софья и ее младшая сестра Наташа, умершая двухлетним ребенком), Владимир Викторович, человек начитанный и либеральных взглядов, взялся, как пишет их сородич Г.И. Васильчиков, «расширять ее умственные горизонты» путем общения с той интеллигенцией, которая придерживалась «прогрессивных взглядов». И так в этом преуспел, что после его преждевременной кончины горячо его любившая Анастасия Сергеевна, оставшаяся вдовой в 22 года, целиком погрузилась в эту среду. Там она встретила И.И. Петрункевича, и, спустя несколько лет, в 1882 г., они поженились.

Бабушка Софьи Владимировны, никогда не любившая невестку и боявшаяся «тлетворного влияния на впечатлительную внучку Софью той среды, в которой

вращалась ее мать», и к тому же опасавшаяся, что деньги, выдаваемые Анастасии Сергеевне на содержание дочери, пойдут, хоть частично, на революционную пропаганду (2, с. 77), подала прошение «об отобрании» девочки у матери. Родные тетки Софьи (графини Левашова и Комаровская), по свидетельству И.И. Петрункевича, написали письмо министру внутренних дел Д.И. Толстому с просьбой содействовать их матери, графине Н.П. Паниной, в ее хлопотах у государя об отобрании их племянницы, а ее внучки – от матери, вышедшей замуж за «террориста», который воспользуется состоянием ее дочери, чтобы передать своим товарищам террористам (14, с. 161).

В октябре 1882 г. к Анастасии Сергеевне явился петербургский градоначальник и объявил, что, по высочайшему повелению он прибыл, чтобы отобрать ее дочь, одиннадцатилетнего ребенка, и доставить ее в Екатерининский институт. Это была неслыханная в то время мера. Дочь по личному приказу Александра III была отнята у матери и отдана на попечение бабушки, которая записала ее в Екатерининский институт. Анастасия Сергеевна и Софья испытали настоящее потрясение, удар.

Впоследствии Софья, как отмечает один из ее родственников, «будучи любящей дочерью и оставаясь полностью лояльной к своей подчас шалой, но обожающей ее матери..., никогда не упрекала бабушку, понимая, что та желала лишь ее счастья». Старая графиня, всегда настолько холодная и строгая, что ее боялись и собственные дети, «так внучку уважала и ценила, что она была, быть может, единственным ее любимым человеком» (2, с. 77–78). И Софья, став взрослой, вернулась к бабушке и провела с ней последние ее годы.

В апреле 1890 г., не без стараний бабушки, юная институтка вышла замуж за А.А. Половцева, блестящего офицера Конногвардейского полка, сына известного сановника А.А. Половцева, личного друга Александра II и Александра III. На свадьбе Александр III был посаженным отцом Софьи Владимировны. Этот великосветский брак был недолог, – последовала шумная и мало-симпатичная история развода, причиной которого «послужили гомосексуальные наклонности А.А. Половцева» (11, с. 201).

Несомненно, что и потрясения в детстве, и роковое замужество глубоко отразились на душевно тонкой, впечатлительной Софье Владимировне. В одном из писем к своей близкой подруге Варваре Петровне Волковой (урожденной графине Гейден) она призналась: «И мне в жизни пришлось пережить минуты, или вернее месяцы и годы, что я сама не знаю как осталась после них жива в здравом рассудке; во всяком случае я была очень близка к самоубийству и к помешательству. Это было время, когда все, решительно все, лежало вокруг меня в развалинах, и среди всего этого хаоса я была абсолютно одинока» (17. Оп. 1. Д. 391. Л. 95об.). Неудивительно, что в ней замечалось «какое-то отрешение от личной жизни». И вполне понятным было ее поступле-

ние на Высшие женские педагогические курсы, обращение к общественной деятельности. В 1890 г. она встретила с Александрой Васильевной Пешехоновой, 39-летней учительницей, жившей высокими идеалами великих реформ 1860-х годов. Эта районная учительница оказала решающее влияние на мировоззрение Софьи Владимировны, о чем она и сама поведала в своих воспоминаниях «На Петербургской окраине» (13, т. 48, с. 171).

А началось все с того, что Пешехонова, задумав устроить бесплатную столовую для необеспеченных учеников начальных училищ Лиговки, попросила Панину принять в этом материальное участие. Софья Владимировна дала деньги, и в октябре 1891 г. столовая была открыта. Только на эту столовую за первые 12 лет ее существования Панина истратила почти 430 тыс. руб. Она могла расходовать огромные средства на благотворительность. В 1892 г., став совершеннолетней, Софья Владимировна могла самостоятельно распоряжаться процентами со своего капитала, а после смерти бабушки Наталии Павловны (1899) стала наследницей несметного состояния Паниных. Бабушку она любила и свою жизнь в последние годы Наталии Павловны строила так, чтобы больше времени уделять ей, поддерживая ее здоровье (17. Оп. 1. Д. 391. Л. 24об.). Сразу после смерти Наталии Павловны она писала В.П. Волковой: «Трудно мне свыкнуться с тем, что бабушки действительно больше нет... Кроме того, меня подавляет та масса обязанностей и та огромная ответственность, которая с этой минуты обрушилась на меня. Чувствую целую глыбу на своих плечах, а сумею ли справиться с ней? Сумею ли в целости вернуть хоть те пять талантов, которые получила, ведь так страстно бы хотелось воздать сторицею за все, что имею!» (17. Оп. 1. Д. 391. Л. 119об.). Ей принадлежали имения в Гаспре (рядом с Ялтой), где у нее отдыхали многие выдающиеся люди России (Лев Толстой, Чехов и др.), в Марфино (ее любимое имение), в Воронежской губернии, а также дома в столице, фамильные художественные и ювелирные ценности и мн. др. Но как симптоматична для ее отношения к своей собственности следующая ремарка в одном из ее писем: «Все начало лета я провела в разъездах по имениям (эта фраза звучит для меня всегда какой-то иронией!) между Москвой и Воронежской губернией» (17. Оп. 1. Д. 391. Л. 129, 130).

На ее средства в 1903 г. в Петербурге по проекту архитектора Л.Н. Бенуа был построен Народный дом, которым и в его теперешнем состоянии «смог бы гордиться любой западноевропейский город» (2, с. 81). Уже в эмиграции племянник Паниной спросил ее немного ехидно: «А как смотрели родственники на то, что ты так щедро расстаешься с семейным наследством?» Она рассмеялась: «Знаешь, меня всегда считали немного эксцентричной, но открыто, конечно, никто не осуждал, тем более, что и твой дед, и бабушка Вяземские всецело меня поддерживали. С дедом я только спорила – следует ли, как я считала, все давать даром, или, как твой дед считал, даже обездоленные

должны понять, что ничего в жизни "даром" не дается, а не то развивается в людях паразитизм» (2, с. 83). Все ее ассигнования были не просто благотворительностью. Уже в феврале 1896 г. она «порядком-таки занята организацией внеклассных народных чтений в помещении моей детской столовой и ужасно увлекаюсь этой перспективой... Ужасно не люблю я приносить свою сильную дань только в форме инициативы или денежной помощи, а хочется именно свою плоть и кровь влить в дело. У меня уже вертится в голове масса планов относительно того, во что эти чтения могут помалу развиваться, но нужно, конечно, тихохонько и скромненько, потому что приходится иметь дело с невероятно глупой и противной Комиссией; когда же они все успокоятся и о нашем существовании забудут, тогда-то мы начнем расправлять крылышки». «Я тебе и сказать не могу, – писала она В.П. Волковой, – до чего меня увлекает это дело и сознание возможности хотя бы в минимальных дозах распространять вокруг себя свет и тепло! Быть лучшей частью души человеческой и хоть раз в жизни зажечь в душе этой огонь высших, наичистейших восторгов и стремлений! Вот, кажется, и все, что я могу сказать о себе совсем нового» (17. Оп. 1. Д. 391. Л. 30–30об). Современники справедливо замечали, что в представлении Софьи Владимировны удовлетворение человеческих нужд не сводилось к заботе об улучшении материального положения тех, для кого она работала. Многое было сделано ею и сотрудниками Народного дома и в этом направлении. Но «основным в глазах Софьи Владимировны, как и ее сотрудниц и сотрудников, было удовлетворение духовных потребностей посетителей Народного дома. Как в те предреволюционные годы, так и позднее, до конца ее жизни, заботой и главным делом С.В. Паниной была борьба за дух человеческий» (13, с. 245).

Начав работу с Пешехоновой на Лиговке, в Александро-Невской части Петербурга, она была поражена жизнью здешних обитателей. Вспоминая об этом, она восклицала: «До чего убога, сера и скучна была жизнь русского окраинного обывателя в 90-х годах прошлого и нынешнего столетия!» (13, с. 169). И тогда, в конце XIX в., она задавалась вопросом: «Как уберечь человека, постоянно погруженного в тоску такой беспросветно-нудной жизни, от раздражения и склоки, от отчаяния и злобы, ведущих к пьянству, преступлениям, к политическим эксцессам?» Она полагала, что одного «просвещения» для этого мало, недостаточно также благоустройство труда. Решающим моментом и влиянием в жизни человека, по ее мнению, является не труд, а тот досуг, который остается у него после труда. Только в часы досуга есть место для любви и радости, «для всего того, что превращает работа в человека и человека в личность» (13, с. 169–171). Она поставила перед собой «задачу создания какого-то нового симбиоза просвещения, развлечения и воспитания населения. Этот симбиоз и есть то, что мы называем культурой» (13, с. 171). Уже в 1896 г. она писала Варваре Петровне: «Ты не можешь себе пред-

ставить во что разрослись мои просветительные планы!... я даже с нетерпением жду этой зимы, т. к. дела будет много и такого дела, к которому всей душой тянет..., попала я здесь в такой водоворот дел, событий и впечатлений, что просто некогда было оглянуться..., нахожу, что ничего так не бодрит, как такая деятельная, полная жизнь с умственными и общественными интересами...» (17. Л. 57об, 62, 70об, 71). По ее признанию, она была «поглощена своими "чтениями"», которые «шли чрезвычайно успешно и обещают со временем разрастись во всевозможные чудеса» (17. Л. 48об). Софья Владимировна с удовлетворением отмечала: «Слушатели наши главным образом фабричные, т. е. публика благодарная» (17. Л. 41об).

Она начала свою работу вдвоем с Пешехоновой. К ним присоединились сперва одиночки, за ними десятки, а потом и сотни добровольцев мужчин и женщин, заразившихся их энтузиазмом. Дом на углу Тамбовской и Прилужской улиц, за Лиговским проспектом, стал известным на всю Россию и за ее пределами «Лиговским Народным домом графини С.В. Паниной» (2, с. 80). Панина по праву снискала славу женщины передовой, «бескорыстно любящей народ» (1, с. 400). Народный дом отвечал потребностям своего времени. В России народные дома появились еще во второй половине 1880-х годов благодаря предпринимателям Морозовым, Бахрушиным, Корзинкиным. Подобные учреждения имелись и в Европе. Панина ездила в Германию, Бельгию, Францию, Англию, была хорошо знакома с опытом этих учреждений. Современные исследователи Народного дома Паниной отмечают как уникальную черту «благотворительно-нравственный характер его деятельности» (6. с. 63) и что Софья Владимировна отдала этому дому на Лиговке часть своей души. В большом зале (на 1000 человек) устраивались выставки, проводились культурно-просветительные программы, научно-популярные лекции, давались концерты (с участием известных артистов), народные балы, театральные представления. В Народном доме открылись первый в России Подвижной музей учебных пособий и первая общественная обсерватория с высококласными специалистами. В нем работали детсад, ремесленные классы, столовая, чайная, библиотека, устраивались воскресные праздники для детей и взрослых и мн. др.

Все это начало сказываться на поведении жителей района, оздоравлило нравственную атмосферу на «окраине» Петербурга. Симптоматична, например, аргументация рабочего, который урезонивал своего сквернословящего товарища: «Это тебе не Невский проспект, чтобы тут ругаться, а Лиговка, и Народный дом тут, и мы с тобой туда ходим, и ты себя соблюдай!» И это говорилось там, куда обитатели Невского проспекта старались не заглядывать, опасаясь пьяных и грабителей (6, с. 64).

Г.И. Васильчиков, вспоминая свои беседы с Софьей Владимировной, отмечал, что она в предреволюционные годы не только настаивала на необходимости нести просвещение в народ и утолять его жажду радости, но страстно

восставала против попытки многих общественных деятелей использовать лишения политически еще не искушенного народа для внедрения их политических идеологий и для прямой вербовки в ряды их партий. «На этом», сказала она мне, – пишет Васильчиков, – «я и порвала с Керенским. Ведь я его взяла на работу в Народный дом. Его рекомендовали мне как многообещающего начинающего адвоката. Зная, что он активный член партии социалистов-революционеров, я взяла с него слово, что он политикой у нас заниматься не будет и вербовать среди наших посетителей не станет...» – «И что же?» – «Слово он, к сожалению, не сдержал, и мне пришлось с ним расстаться...» Сказано это было, – подчеркивает Васильчиков, – сухо, но с явным негодованием» (2, с. 83). Панина писала, что политика, какая бы то ни была политическая пропаганда, явная или тайная, единодушно исключалась из просветительской деятельности в Народном доме. Ей казалось абсолютно бесчестным навязывать какое-либо политическое учение людям, не имевшим в этих вопросах ни знания, ни понимания, ни, следовательно, возможности выбора. За невозможностью критического отношения и убеждения разумными доводами на таких людей обычно воздействуют методом демагогическим, вызывая к элементарным, а часто и низким инстинктам. Эти приемы политической пропаганды, откуда бы она ни исходила, – от крайне правых или крайне левых, – в корне расходились с ее взглядами и взглядами ее сотрудников на обязательную честность просвещения. Злоупотреблять невежеством и умственной беспомощностью слабейшего, «когда ты становишься его "учителем", считалось нами так же непозволительно, как злоупотреблять силой по отношению к ребенку» (6, с. 64–65).

Однако все это не значило, что они хотели бы совершенно оградить своих питомцев от общественно-политической жизни, напротив, стремились «именно "просветить", поставить на ноги людей, беспомощно бредущих в темноте». Правительство «боялось просвещения масс и не сочувствовало ему» (13, т. 48, с. 171), а Народный дом был открыт для лекций и дебатов по актуальным общественно-политическим вопросам. И сама Панина и до его открытия, и после постоянно поддерживала отношения со многими представителями различных политических течений, кроме крайне правых, – она по-настоящему пыталась понять смысл освободительного движения. В декабре 1895 г. она отмечала, что «в Петербурге за последнее время происходит много арестов, главным образом из-за социального движения среди рабочих; по этому поводу мне пришлось слышать курьезные вещи об их развитии, очень меня удивившие. Я как-то не представляла себе нашего рабочего, увлекающимся Марксом!» (17. Оп 1. Д. 391. Л. 30). Через полгода она констатирует: «Забастовка петербургских рабочих окончилась тем, что фабриканты уступили их законным требованиям и уменьшили количество часов работы до 10-ти (вместо 13^{1/2}). Вся эта забастовка замечательна не только своим разме-

ром (до 40 тысяч рабочих), но еще более тем порядком и спокойствием, с которыми рабочие держали себя. Европа, да и только» (17. Оп. Д. 391. Л. 52-52об.).

В это время характерно ее отношение к «высшему свету», к которому она принадлежала по рождению. Делясь с В.П. Волковой своими впечатлениями о коронации, Панина писала: «Благодари Бога за то, что сия чаша тебя миновала. Сами церемонии, правда, великолепны, но вся обстановка, вся атмосфера теперешней Москвы – отвратительны. Вся изнанка самой пошлой петербургской светской жизни развернулась там без удержу и стыда: сплетни, дразги, суэта, подлое лакейство и хамство расцвели во всей красе». Все это было ей чуждо и «тошно» и она не узнавала той Москвы, которую так любила (17. Оп. 1. Д. 391. Л. 48). Но ей претил и политический радикализм. В 1897 г. накануне 19 февраля в среде студенческой молодежи шла острая дискуссия о том, приходить или нет на лекции. Софья Панина стояла, «конечно, за "прихождение", хотя, – как она отмечала, – нам и было по сему случаю объявлено, что значит мы не сочувствуем освобождению крестьян!.. Трусости – масса, а своего определенного мнения ни на грош. Все так боятся прослыть ретроgrадами, что боятся хотя бы единым словом прекословить радикалам, и кончается тем, что только эти последние и говорят» (17. Оп. 1. Д. 391. Л. 85).

Не сочувствуя радикалам, Панина критически, в либеральном духе воспринимала многое во внутренней политике правительства. «Во многих губерниях голод, не лучше 92 года, – писала она в 1897 г., – а правительство не хочет "развращать" народ подачками...» (17. Оп. 1. Д. 391. Л. 103об.). В 1899 г. она решила: «Вероятно, с курсов уйду. Дело в том, что у нас там, как и в других высших заведениях, идет расправа и разгром... Не говоря уже о том, что все лучшее занимающееся из слушательниц уволено и остались одни только "кисейные барышни", но с нашего, т.е. с историко-филологического факультета уволены два лучших профессора-историка: Гревс и Кареев. А именно у первого я хотела специально заняться эту зиму. В таких условиях оставаться на курсах и бессмысленно и противно. Подам в отставку, хотя и жаль ужасно расставаться с милой студенческой жизнью. Да что поделаешь, раз так ее гадят!» (17. Оп. 1. Д. 391. Л. 123). Совсем другую жизнь она видела, например, в Англии, в которой прониклась «удивительным духом страны и вынесла оттуда чувство огромного уважения и удивления» перед ее прошлой и настоящей историей (17. Оп. 1. Д. 391. Л. 126). Но в российских реалиях на Панину в 1902 г. было заведено дело в Департаменте полиции: Софья Владимировна оказалась на квартире Е.Д. Стасовой среди присутствовавших на лекции М.И. Туган-Барановского. А 9 мая 1906 г. в Народном доме графини Паниной на трехтысячном митинге под псевдонимом Карпов выступил Ленин. Такого разговора, как с Керенским, у Паниной с Ле-

ниным не было, но больше в Народном доме он не появлялся. Ученики же Софьи Владимировны получили возможность «почувствовать» это социал-демократическое течение. Собственные воззрения Паниной были либеральными, чему способствовало и ускорившееся после смерти бабушки Наталии Павловны сближение ее с матерью и отчимом И.И. Петрункевичем, патриархом либерализма в России, одним из создателей и руководителей кадетской партии. На квартире ее родителей в Баскаковом переулке в Петербурге проходили многие заседания ЦК этой партии и члены ЦК во время заседания лакомились вареньем, которое присылала из своего имения в Гаспре Софья Владимировна. Но в партию она не вступала до 1917 г. и до того времени, как она отмечала в своих воспоминаниях, «никогда ни к какой политической партии не принадлежала». И далее идет в высшей степени характерный для нее ответ на то, почему она до Февральской революции оставалась вне партии: «Интересы мои были сосредоточены на вопросах просвещения и общей культуры, которые, по моему глубокому убеждению, одни могут дать прочную основу свободному политическому строю» (13, т. 49, с. 192).

Слава Народного дома графини Паниной, а с ней и идея устройства новых народных домов, распространились по всей России. В 1913 г. в стране насчитывалось 222 народных дома (6, с. 62-63). Жизнь, как отмечала Панина, превращала Лиговский Народный дом и в справочно-методический центр: «Со всех концов России потянулись к нам просьбы дать указания, прислать планы и уставы, каталоги для библиотек, списки чтения и театральные пьес» (13, с. 196). По ее инициативе и на ее средства была проведена первая Всероссийская анкета, состоящая из 32 пунктов, о народных домах (12).

В начале Первой мировой войны в Народном доме в Большом зале и в прилегающих помещениях 2-го этажа разместился лазарет Всероссийского союза городов. Подвальный и первый этажи остались в распоряжении мастерских, детского отдела, библиотеки, вечерних классов для взрослых. Его сотрудники обслуживали не только раненых, но и местное население (раздача денежных пайков семействам призванных запасных, обследование семейного положения жителей района и т.д.). Шире стал и диапазон пожертвований Софьи Владимировны. Так, она передала в кассу Всероссийского земского союза 25 тыс. руб. И по-прежнему она была очень инициативна. По ее почину был создан орган в виде Совета попечительств «для координации их работы и руководства ею». Панина была избрана председателем Совета (18, т. 2, с. 704-706). Работая среди жителей района, пишет Панина, «мы дошли действительно “до дна” той толщи населения, которая впервые всколыхнулась и затопила все собой в годы революции». Весной 1917 г. собирались уже «запасихи» (жены запасных, призванных на войну) около Народного дома, обвиняя сотрудников, что они крали их пайки, и что сам Народный дом был выстроен на краденые народные деньги. Но, как философски замечала Панина,

«такие минуты, и много худших, неизбежны во время великих народных потрясений. Невежество всегда подозрительно и хочет знать, "где та правда, которую скрывают от народа". В основе же своей наши взаимоотношения оставались добрыми».

Когда в 1917 г. стал явным недостаток продуктов, Народный дом взял на себя организацию порядка в этом деле. Приходилось устраивать собрания пекарей, трактирщиков, ломовых извозчиков, заботиться о хлынувших в Петроград беженцах. Городские попечительства, сотрудники которых несли свой труд безвозмездно, как некую добровольную воинскую повинность, были ячейкой городского самоуправления, принявшей на себя первые удары народных нужд и бедствий. «И недаром, думается, – размышляла впоследствии Панина, – мы считали себя тоже сидящими в окопах, бессменно, в течение всех трех лет войны» (13, т. 49, с. 190–191). В это время Панина – «высокая, статная женщина, отлично сохранившаяся, довольно массивная, с открытым благообразным лицом, с ясными живыми глазами, с сильными, часто порывистыми движениями. Она безупречно проста в манерах и обращении с людьми, подчас детски непосредственна, экспансивна. Внезапно она вспылит, нетерпеливо отмахиваясь рукой от чего-то, что ей не нравится, в голосе слышатся капризные нотки. Председательствуя в собраниях, она иногда срывается, проявляет нетерпение и настойчивость. Когда ей смешно, откидывает голову назад и хохочет громко, с увлечением. Но, невзирая на всю эту экспансивность, высокая личная и общественная культура сквозит через все ее проявления. Теплота сердца, внимание к окружающим, широта порыва навстречу ко всему истинно прекрасному – придают исключительную ценность ее высокогуманной личности» (2, с. 80–81). Даже в лихорадочной, всепоглощающей работе в конце 1916 г. Панина успевала следить за настроением в российском обществе, в том числе и в великосветских кругах. Она была «вхожа в мир великих князей и просто князей». Через нее и Петрункевича до кадетского руководства доходили, как писал Милюков, их настроения. Это было «сплошное торжество по поводу героического поступка "Феликса" (Юсупова-Сумарокова-Эльстона), рискнувшего собой, чтобы освободить Россию и династию от злокачественной заразы (Распутина. – В.Ш.)» (10, с. 241).

Для Паниной первостепенное значение и в ту пору имела практическая работа. Подытоживая деятельность Народного дома до Февральской революции, она отмечала, что до 1913 г. – рост Народного дома в замкнутых и тесных границах своего района; в 1913 г. – расширение его просветительской деятельности и распространение ее на земство губернии; с 1914 г. – его тесное сотрудничество с Петроградским городским самоуправлением и вхождение в среду интересов государственного масштаба (13, т. 49, с. 191).

Дальше – Февральская революция. И во время нее Панина оставалась столь же деятельной и энергичной и даже пыталась, явившись в Таврический

дворец, влить свою энергию в растерявшееся руководство Государственной думы. 28 февраля 1917 г. А.В. Тыркова записала в своем неопубликованном дневнике: «Вот совет старейшин решил, кто-то соберется. Сейчас Родзянко толкует с Гучковым, пишет телеграмму царю. Ведь они там что-то сделают. Было тяжело смотреть. "Ведь вы, все-таки, господа, народные представители, у вас положение, авторитет". Жмутся. Пришла Панина. Она все время стояла на углу Серг[иевской] и Лит[ейного], наблюдала солдат. "Они ждут приказа. Ждут членов Думы. Идите к ним. Возьмите их в свои руки. Ведь это растерянное стадо". Ее слушали молча или говорили: "Пусть они сначала арестуют министров". Но эти разговоры по телефонам дошли до М[иллюкова]. Он пошел на улицу и привел солдат к Думе. Это было около 2-х часов. Сразу картина стала меняться. Явился центр, к которому потекли и люди, и сведения» (16. Оп. 1. Д. 19. Л. 10об.).

С Февральской революции Панина, по ее словам, «в самой гуще событий». Как отмечает ее племянник, «впервые тетя Софья погрузилась в дотоле ей ненавистную политику». Ее избрали в городскую думу, она вступила в кадетскую партию. В ее мемуарах содержится объяснение, почему она отдала предпочтение этой партии: «Так как многие из окружающих меня считали меня социалисткой по роду моей деятельности и в силу того, что последняя протекала в среде рабочих и самых обездоленных слоев городского населения, я сочла необходимым, в момент обострения политической борьбы, с полной точностью установить свою позицию и отмежеваться от того социалистического безумия, которое охватило страну. Я записалась в члены партии народной свободы (к.-д.), которая одна тогда, из всех несоциалистических партий, открыто боролась с наступающим большевизмом. Вся моя дальнейшая судьба определилась этим моментом» (13, т. 49, с. 192). Так же она объяснила свое решение и родственнику: «Понимаешь, старые партии все разбежались. Одни кадеты боролись с наступающим большевизмом» (2, с. 81). ЦК этой партии 10 апреля 1917 г. кооптировал ее в свой состав, а в мае на 8-м съезде она была избрана в ЦК. В мае этого же года она стала товарищем министра государственного призрения, – первая в истории России женщина – член правительства. Здесь Панина была правой рукой министра Д.И. Шаховского. Стремительно развивавшийся революционный процесс быстро «тасовал» и министров. В июле 1917 г. она вошла в коалиционное правительство товарищем министра народного просвещения С.Ф. Ольденбурга, тоже члена ЦК кадетской партии с мая 1917 г. Наблюдая процесс «углубления революции», Панина на предложение С.Ф. Ольденбурга занять пост его заместителя, 29 июля 1917 г. ответила не без скепсиса: «Очень буду рада поработать с Вами... хотя боюсь, что все это на месяц сроку» (4, с. 184). В министерстве она руководила отделом школьного образования. В течение всех восьми месяцев правления Временного правительства Панина неуклонно отстаивала линию своего ЦК,

«усиленно пропагандировала лозунг Учредительного собрания, противопоставляя его лозунгу “Вся власть Советам”», выступала за войну до победного конца. Не случайно, что Ленин в сентябре 1917 г. усмотрел в ней одного из «самых влиятельных членов партии капиталистов и помещиков, партии “кадетов” или партии “народной свободы”» (8, т. 34, с. 57). Панина стремилась предотвратить приход Ленина и большевиков к власти. В октябре 1917 г., в момент вооруженного восстания, она в составе делегации Петроградской думы пыталась попасть на крейсер «Аврора», чтобы убедить команду не участвовать в большевистском перевороте. Делегацию на судно не пропустили.

Панина активно действовала как товарищ министра народного просвещения. Обращаясь к этому времени в своих мемуарах, она вспоминала, что министры Временного правительства были арестованы и посажены в Петропавловскую крепость. По всей России шли выборы в Учредительное собрание, которое должно было быть созвано в конце ноября. Законной власти в стране больше не существовало, «и потому я, в первое же утро после переворота, с полного согласия всех старших служащих министерства, подписала распоряжение об изъятии из министерства тех сумм, которые хранились в его кассе в наличности, и о внесении их в банк на имя Учредительного собрания, которое одно могло явиться правомочным распорядителем правительственных средств», – этих 93 тыс. руб. Представитель новой власти И.В. Рогальский, принимая дела в министерстве, обнаружил, что касса этого ведомства пуста. Против Паниной было возбуждено уголовное дело о сокрытии государственных средств как акте саботажа. В ночь накануне предполагавшегося открытия Учредительного собрания, 28 ноября 1917 г., ее арестовали и увезли в Смольный. Там у нее потребовали возвращения изъятых сумм большевистскому правительству. На допросе в Следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией она заявила, что «не признает власти народных комиссаров, отчет о своей деятельности и о своих распоряжениях, касающихся хранящихся доверенных ей сумм министерства народного просвещения, она “отдаст единственно признаваемой власти – Учредительному собранию”» (3, с. 285). Ей несколько раз предлагали вернуть общественные деньги, но графиня неизменно отвечала категорическим отказом. Ее отвезли в тюрьму, и дело передали в революционный трибунал.

Тогда же на квартире Паниной арестовали и видных кадетов, только недавно избранных в Учредительное собрание: П.Д. Долгорукова, Ф.Ф. Кокошкина, А.И. Шингарева. Депутатов «взяли» по ленинскому декрету «Об аресте вождей гражданской революции», в соответствии с которым руководители кадетской партии подлежали аресту и преданию суду революционного трибунала. Двое последних через месяц с небольшим были убиты в тюремной больнице группой солдат и матросов.

Когда Панину привезли в тюрьму, надзирательница воскликнула: «Боже мой, Боже мой, и что же это еще будет!». – «Что же вас удивляет?», – спросила Панина. – «Да разве же мы не слышали про Народный дом!». Обитатели тюрьмы, сохранив добрую память о Народном доме, всячески старались скрасить ей жизнь, – мыли камеру, чистили вещи и т. д. Сама же она, даже в заключении, не могла оторваться от дел Народного дела: писала там предисловие к книге (12), начатой еще при самодержавии и законченной при большевиках. Между ее началом и концом легли Первая мировая война и революция. «А меня лично, – писала Софья Владимировна, – вихрь событий перебросил с одной окраины Петербурга на другую, с Лиговки на Выборгскую сторону, из просторов Народного дома в тесную камеру одиночного заключения, из рядов “друзей” русского народа – под официальный штамп его “врагов”» (13, с. 196). Но она меньше всего думает о себе. Судьба книги кажется ей тесно связанной с «судьбой всей политической и общественной жизни». Начатая при самодержавии как результат напряженного искания необходимых форм народной культурной жизни, чуть не погибшая во время сосредоточения всех сил страны на борьбе с внешним врагом, она воскресла и стала претворяться в реальную плоть печатного слова при широко распахнувшейся перед Россией возможностью свободного творчества. Но «наша мечта», что вся Россия станет большим и светлым Народным домом, в котором каждому будет место и всем будет одинаково свободно, тепло и радостно, «осталась только мечтой» (6).

В тюрьме Панина составила и свое пророческое письмо-завещание, которое огласили, когда вновь открылся Народный дом (теперь уже «имени поэта Некрасова»), когда ее уже не было в пределах советской республики. Панина обращалась к сотрудникам и питомцам Народного дома: «Как давно ждала я этого счастливого радостного дня! ...И как я верила, что этот день нашей радости будет одним из дней великой радости и великого счастья и нашей родины – мирной, деятельной и свободной. Главное – свободной! Ибо только там, где есть свобода, может расти и развиваться справедливый и великодушный человек и воспитываться сознательный и мужественный гражданин... Ожидания и надежды мои не оправдались; война и ненависть с фронта перенесены в глубь страны, а свобода, озарившая на одно краткое мгновение, вновь покидает Россию, оставляя ее под властью новых деспотов и нового самовластья. Я же не с вами, не среди вас, а в тюрьме». Свое послание она закончила словами Петра Великого перед Полтавским сражением: «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россия во славе и благоденствии». «Так, – подчеркивала Панина, – должен думать и чувствовать каждый из нас. И так думаю и я. Не то важно, что именно меня лишили свободы, а важно, что сама свобода гибнет на Руси! Пускай этого не будет» (2, с. 82).

Между тем Народный дом, вернее та петербургская окраина, с которой была так связана Панина, выступила в новой, «незабвенной» для Софьи Владимировны роли, заставлявшей ее и в эмиграции вспоминать о времени ее тюремного заключения как «о самом значительном и счастливом» в ее жизни. Она писала, что «в те дни “великих потрясений” мне дано было счастье убедиться в том, что в сердцах людей мы за истекшие годы действительно пробудили те “чувства добрые”, во имя которых шли к ним. Это было редким и мало заслуженным счастьем» (13, т. 49, с. 196). Окраина встала на защиту Паниной от суда революционного трибунала. Жители Александро-Невской части Петрограда, той окраины, на которой вырос Народный дом, собрали несколько сот подписей и представили свое заявление в Совет народных комиссаров. В нем говорилось: «Мы, жители Александро-Невской части, в рядах которых насчитывается немало большевиков, испытали на себе и детях своих пользу тех или иных учреждений, основанных гр. Паниной, а потому взываем к тем, от которых зависит ее свобода, и восклицаем: “Отдайте нам нашего друга, возвратите нам творца нашего и благополучия..., откройте двери темницы для гр. Паниной”» (13, т. 49, с. 196). Так, за стенами тюрьмы, неведомо для Софьи Владимировны, шла борьба за ее освобождение, которая, видимо, произвела некоторое впечатление на Смольный. По крайней мере, ее привозили туда и обещали выпустить на свободу, если она уплатит хоть часть министерских денег. Она отказалась это сделать. Ее вновь отправили в тюрьму.

Новая власть готовилась к первому в истории России суду революционного трибунала. Петроградский революционный трибунал был создан 3 декабря 1917 г. Его председателем стал большевик (с 1909 г.), столяр завода «Эриксон» Иван Павлович Жуков, член Петроградского совета с марта 1917 г. Следственную комиссию Петросовета, занимавшуюся «делом Паниной», возглавляли М.Ю. Козловский и П.А. Красиков. Ни присяжных поверенных, ни прокуроров на этом суде не предполагалось, и Паниной разрешили взять себе в качестве адвоката того, кого она пожелает. Софья Владимировна остановилась на Я.Я. Гуревиче – директоре частной гимназии и сотруднике театрального отдела Народного дома, редакторе журнала «Русская школа», председателе комиссии по народному образованию в городской думе. После Октября он продолжал трудиться на ниве народного образования, был активным функционером кадетской партии. Гуревич полагал, что страна после Октября находится в состоянии «современного всенародного распада, национального банкротства, гибели огромных культурных ценностей» (3, с. 298). О суде над Паниной он имел четкое убеждение. С одной стороны, «яркая личность, выдающаяся русская женщина, носительница прочно сложившихся культурных традиций, испытанная общественная работница русского просвещения», с другой – «группа авантюристов, захватившая насильственно власть, провозгласившая себя народным правительством, правительством рабочих, солдат и крестьян

накануне всенародного Учредительного Собрания... А между ними, между испытанной культурой и безудержной стихией революции – народный суд, именуемый народным трибуналом. Он, только что народившийся, открывает свою ответственную деятельность с рассмотрения дела, в котором столкнулись с такой исключительной контрастностью лучшие заветы прошлого с бешеным и сумбурным призывом к новому, такому, какого еще не видел свет» (3, с. 283). Еще небольшая деталь, «дополняющая» Гуревича: после разгона Учредительного собрания его депутаты «организовали заседание в частной гимназии Гуревича» (5, с. 93).

Гуревич, по доверенности Паниной, ознакомился с ее делом в Следственной комиссии. Ему также была разрешена встреча с Софьей Владимировной накануне суда. Во время их продолжительной беседы, причем без свидетелей, и не через решетку, а в дежурной комнате, Панина сообщила ему, что «со стороны тюремной администрации и низших служащих отношение к ней безупречное, даже внимательное» (3, с. 289).

Настал день суда – 10 декабря 1917 г. Революционный трибунал заседал в бывшем доме вел. кн. Николая Николаевича на Петроградской стороне. Все подступы к дому заполнила толпа, – зал не вмещал всех желающих присутствовать на процессе. Причем были приняты меры, чтобы «впустить побольше большевистских сторонников из простого народа» (3, с. 280, 289). Но в зале оказалось и много интеллигенции. Когда Панина вошла в судебный зал, вся публика встала и устроила ей шумную овацию. За судейским столом, который стоял на эстраде, председательствовал рабочий И.П. Жуков (в свое время ученик вечерних классов организации, родственной Народному дому) и рядом с ним шесть заседателей (от петроградских предприятий). Суд задумывался новой властью как показательный. На процессе присутствовал нарком юстиции Стучка. Гуревич был прав, характеризуя процесс, уже постфактум: «Дело гр. С.В. Паниной в революционном трибунале заслуживает общественного внимания в настоящем и должно сделаться достоянием истории в будущем, так как оно характерно не только для действующих лиц, но и для эпохи, которая его породила» (3, с. 283). В современной литературе отмечается, что Панину судили «главным образом за то, что она являлась активным членом ЦК партии кадетов, объявленной советским правительством партией врагов народа, и это уже была расправа за убеждения, за принадлежность к определенной политической группировке» (5, с. 91). Закономерно, что «Вестник партии "народной свободы"» поместил на своих страницах подробный отчет о заседании революционного трибунала по делу Паниной (№ 31, 28 декабря 1917 г.).

Судебное заседание открыл председатель революционного трибунала И.П. Жуков, сказав, что революционный трибунал будет самым ярым защитником прав и обычаев русской революции, будет строго судить тех, кто пойдет

против воли народа, а невинные найдут в нем надежного защитника. Жуков обратился к Паниной с вопросом, признает ли она себя виновной. Софья Владимировна отрицала свою вину. Далее был зачитан доклад Следственной комиссии. Ритуал суда требовал, чтобы председатель суда предложил желающим из публики выступить с обвинительной речью. На это предложение никто не откликнулся. Тогда было предложено желающим выступить с защитительной речью. Гуревич, как пишет Панина, сказал спокойные, добрые слова. Судя по «Известиям» ВЦИК, он оправдывал действия Паниной, ставил ей в заслугу ее благотворительную деятельность и упирал на то, что «теперь нет закона, который признавался бы всеми, а ваши декреты признают далеко не все». Он подчеркнул, что судить Панину по совести невозможно, «значит, остается судить ее партийно. Тогда незачем обставлять это всеми атрибутами судебных процессов. Тогда это – гражданская война» (7). Атмосфера в зале, хотя и была напряженная, но в целом, как ее понимала потом Софья Владимировна, была в пределах «умеренности и аккуратности». Дальше, однако, «случилось непредвиденное»: слово попросил человек из публики. «Ваша фамилия?» – «Иванов». – «Профессия?» – «Рабочий». Паниной он был совершенно не известен, этот житель «ее окраины» и посетитель Народного дома. «Его выступление произвело, – вспоминала многие годы спустя Панина, – эффект разорвавшейся бомбы» (13, т. 49, с. 197) и навсегда ярко запечатлелось в ее памяти. «Не чуждаясь народного пота и дыма, – сказал рабочий, – она учила отцов, воспитывала их ребят. Они видели от нее не только помощь, но и ласку. Она зажигала в рабочих массах святой огонь знания, который усердно гасило самодержавие. Несла в народ сознательность, грамотность и трезвость. Несла культуру в самые низы... Я сам был неграмотным, темным человеком. У нее в Народном доме, у нее в школе я обучился грамоте. На ее лекциях я увидел свет... Не позорьте себя. Такая женщина не может быть врагом народа. Смотрите, чтобы не сказали про вас, что революционный трибунал оказался собранием разнузданной черни, в котором расправились с человеком, оказавшимся лучшим другом народа...». И подойдя к скамье подсудимых, он поклонился и сказал громко: «Благодарю Вас!» (2, с. 81; 7).

Речь Иванова, по свидетельству Паниной, вызвала необыкновенное волнение среди судей: «Засуетился Стучка, народный комиссар юстиции, который тут же присутствовал и руководил всей постановкой. Тотчас же был выпущен с обвинительной речью один из большевистских ораторов» (13, т. 49, с. 197). Это был молодой рабочий с завода «Новый Парвиайнен» – Наумов. «Известия» ВЦИК с удовлетворением цитировали его речь. Наумов одобрил суд над Паниной как над саботажницей: «Класс угнетенных кровью добыл власть и не может, не должен претерпевать оскорблений этой власти». Он подчеркнул, что дело носит принципиальный характер: «Сейчас перед нами не отдельное лицо, а деятельница партийная, классовая, она вместе со всеми представи-

телями своего класса участвовала в организованном противодействии народной власти, в этом ее преступление, за это она подлежит суду». Касаясь того места в речи Гуревича, где он говорил о благотворительности Паниной, как ее заслуге, Наумов сказал: «Я готов согласиться, что в прошлом гражданка Панина приносила пользу народу... Но тем-то и отличается их благородство, чтобы давать или бросать народу куски, когда он поработен, и мешать ему в его борьбе, когда он хочет быть свободным. Пускай народолюбивая графиня Панина действительно добра и благородна. Но вот народ пришел к власти... Тут и благородство не помогло, и чем только можно была оказана помеха... Пускай трибунал помнит, что мы имеем право быть свободными, а кто этого не хочет понять – подлечит обезвреживанию. Гражданка Панина мешала народу в его работе. Действуйте, граждане судьи, не для одного благородства, а на пользу миллионов – и жизнь оправдает вас!» (7).

По мнению Паниной, Наумов нес «невероятную околесицу». Когда он говорил, из публики раздавались крики: «Врете!», «Неправда!» (13, т. 49, с. 197). Джон Рид, присутствовавший на суде, описал реакцию публики на процессе как неистовство, – она освистывала суд, громкими возгласами приветствовала Панину и т.д. И хотя в помещении находились вооруженные патрули Красной гвардии и была сделана попытка очистить зал заседаний, никаких актов насилия не наблюдалось. Лишь одного мужчину, который оскорблял суд и Советы и вопил не своим голосом, в конце концов выставили.

Защитник Паниной Гуревич, отвечая обвинителю, говорил, что Наумов всецело захвачен и опьянен успехами пролетарского восстания, что его устами говорит «больная узость до крайности доведенного классового самосознания, которое с гневом отвергает и хочет подавить все, что не идет за народными комиссарами». А в них Наумов «слепо верит как в истинных вождей народа» (3, с. 294). Затем заключительное слово было предоставлено Паниной. Она заявила, что исполняла только то, что считала своим долгом службы перед страной и постаралась выразить всем присутствующим ту благодарность, которая переполняла ее сердце после речи Иванова. Председательствующий объявил перерыв, и суд удалился на совещание. Софья Владимировна заметила, что Стучка немедленно этим воспользовался и юркнул за кулисы в совещательную комнату судей, – «факт, по судебным традициям прежнего времени, совершенно не допустимый» (13, т. 49, с. 198). Приговор, который ей вынесли, показался ей неожиданно мягким. Трибунал постановил оставить С.В. Панину в заключении до момента возвращения взятых ею народных денег в кассу Комиссариата народного просвещения. Революционный трибунал счел ее виновной в противодействии народной власти, но, принимая во внимание прошлое обвиняемой, ограничился вынесением Паниной общественного порицания (7). В конце суда ее спросили: «Вы согласны внести эти деньги, гражданка Панина?» Она ответила: «На основании всего мной уже сказанного –

нет». – «Тогда вы будете возвращены в тюрьму». – «За вами сила» (13, т. 49, с. 197).

Когда стража повела Панину тесным проходом между столпившимися зрителями, публика устроила ей бурную овацию. Софья Владимировна потом с удовольствием вспоминала: «Люди аплодировали, что-то кричали, руки тянулись ко мне – суд надо мной превратился в мой триумф» (13, т. 49, с. 198). Многие годы спустя Панина, оценивая судебный процесс в целом, отмечала, что интересен в этих событиях не личный элемент, а то столкновение, которое случайно разыгралось вокруг ее личности, столкновения между элементом насильственно-революционным с тем, что человеку по-настоящему полезно и нужно. В ее индивидуальном случае, утверждала она, – «обыватель городской окраины победил насилие революционного трибунала, открыл передо мной двери темницы и вернул мне свободу» (13, т. 49, с. 191).

По иронии истории ровно через 20 лет, в декабре 1937 г., бывший председатель революционного трибунала Жуков, к тому времени послуживший и в органах ВЧК, и в зам. наркомов у Орджоникидзе, и в Президиуме ВСНХ, и на посту наркома, пал жертвой репрессий. В 1956 г. этот представитель панинской «окраины» был реабилитирован посмертно. Панина еще и потому несла свет просвещения в «окраину», что хотела иной судьбы ивановым, наумовым и жуковым.

Ее собственная тюремная эпопея в 1917 г. продолжалась еще 10 дней: власть требовала вернуть министерские деньги. В то время собрать 93 тыс. руб. было большой проблемой. Союз учителей открыл подписку. Первый рубль был пожертвован рабочим. Выручили Панину Высшие женские курсы, предоставившие часть суммы. Забирал Панину из тюрьмы профессор И.М. Гревс. При этом разыгралась сценка, в которой проявился весь характер Софьи Владимировны. Не рассчитывая на столь скорое освобождение, она, еще сидя в тюрьме, получила разрешение устроить для заключенных и персонала рождественские чтения с волшебным фонарем. Они очень расстроились – чтения не будет, раз Панина выходит на свободу. Заметив это, Софья Владимировна обратилась к администрации тюрьмы: «Если разрешите, я с удовольствием приду в день Рождества и устрою обещанные чтения». Комиссар тюрьмы поцеловал ей руку. Панина приходила в тюрьму два раза и с успехом провела чтения. Более того, 19 декабря выйдя на свободу, она уже через день явилась в Петропавловскую крепость навещать «врага народа» А.И. Шингарева, единомышленника по партии «Народная свобода». Но под давлением событий вновь обретенная формальная свобода не смогла уже вернуть ее на Петроградскую окраину, которая стала «Ленинградской». «Я бы дорого дала за то, – писала Панина в 1948 г. – чтобы никогда с этой окраиной не расставаться, но, освободив меня из тюрьмы в 1917 г., мой город смог мне предложить только

трудную и долгую жизнь без него, вдали от него... очевидно, навсегда...» (13, т. 49, с. 191).

Кончился 1917 год, начался 1918. По всей стране полыхнула Гражданская война. Панина перебралась в Финляндию. Говорили, что до границы ее сопровождала «почетная охрана» из рабочих, бывших воспитанников Народного дома. А из Финляндии через Англию она устремилась на юг, где сражались белые армии. Панина ехала туда в крестьянской одежде, с маленьким, потрепанным, грошовым чемоданчиком, в котором были бриллианты и другие драгоценности ее предков. Панина рассчитывала часть своих ценностей передать Деникину на нужды белой армии. В пути на одной из станций среди тифозных больных, уложенных рядами в зале ожидания, она увидела одного из своих знакомых и политических друзей – И. Иваницкого. Она занялась им, стараясь перенести его в один из вагонов. В суете и спешке забыла на минутку о поставленном куда-то чемоданчике. Искать его было нельзя: надо было уносить ноги подальше от станции и чемоданчика. Так, «с пустыми руками явилась на Юг» (9, с. 170).

В годы Гражданской войны вместе с Н.И. Астровым они были, пожалуй, наиболее близкими людьми для Деникина. Панина представляла «Национальный центр», всемерно поддерживала белую армию. Но как общественная деятельница, для которой важнее всего были духовные и культурные ценности, она чувствовала себя в эти годы мировой и Гражданской войн совершенно выбитой из колеи. В ее письме Н.И. Астрову от 21 февраля 1919 г. это вылилось в настоящую проповедь отрицания войны, «следствием которой, считала Панина, явился и большевизм, и одичание масс». По ее мнению, если бы война закончилась в течение шести месяцев, то она действительно могла бы привести к торжеству гуманных и справедливых начал, а четыре года боины создали только озверение людей и понижение общего культурного уровня народов. Со всем не важны частные и личные трудности и неудачи, полагала Панина, они никогда не могут подорвать сил духа, но когда не видно нигде кругом той почвы, тех высоких качеств духа, которыми должна светиться жизнь, – а под «нигде» она подразумевала и Европу, и Америку, – тогда становится трудно, ибо длительность работы, безмерная длительность так ясна, что «в душу закрадывается безнадежность сизифовой задачи...». «Да, – признавала она, – я, несомненно, в «обличительном» настроении и ничего лестного о человечестве не склонна думать и говорить в настоящее время. Не знаю, что хуже: безнадежная ли ограниченность умственных горизонтов или черствая сухость сердца... Скучность в умах и сердцах, вот удел людей, которые могли бы быть... «подобны богам»» (19, оп. 1, д. 751). Но и в эти годы у нее были маленькие, но жизнеутверждающие радости. Еще в Финляндии ее чудом нашла крестьянка из Марфино. В узелке она принесла несколько художественных вещей,

спасенных из уже разоряемой усадьбы, в том числе несколько портретных миниатюр предков Паниной.

В первые годы эмиграции она жила в Швейцарии, потом в Чехословакии. Вместе с Н.И. Астровым, В.А. Оболенским, П.П. Юреневым и другими входила в группу кадетского Центра, была членом Земско-Городского комитета помощи российским гражданам за границей и Временного Главного комитета Всероссийского союза городов за границей. Занятия политикой не прельщали ее и в эмиграции. Это явствует уже из письма ее коллеги по общественной работе А.В. Жекулиной от 29 июня 1923 г.: «О политике ничего не пишу Вам. Мне все так надоело, я их всех (политиков. – В.Ш.) так, можно сказать, презираю, что и слышать ничего не хочу. Все это мне надоело не меньше, чем Вам...» (19. Оп. 1. Д. 1097. Л. 64). И как солнечный луч, озарило ее в этот год известие о праздновании 20-летней годовщины ее Народного дома в России. В мыслях своих она постоянно возвращалась к нему. Софья Владимировна отправила в далекий Петроград необыкновенно теплое приветствие, которое начиналось так: «Дорогие, бесконечно дорогие друзья мои!» В своем послании она говорила им, что всем сердцем своим она никогда не переставала быть с ними в течение тех бесконечных пяти лет, что она их не видела. Она писала, что у идей и чувств есть своя логика и своя история, своя непреклонная закономерность, которая сильнее невежества и лжи, и заблуждений, и насилий и которая никогда не может допустить, чтобы смерть стала сильнее жизни там, где эта жизнь зародилась. «Не бойтесь убивающих тело, душу же не могущих убить». И она говорила им, что эта живая душа жила, живет и будет жить в Народном доме. Она верила, что будущее «за нами, что именно наша любовь и правда и вера в человека победят все временные лишения и бедствия и построят когда-нибудь... царство радости и справедливости». Ее приветствие было прочитано в Народном доме в день юбилейного праздника. Правда, начальство не допустило его оглашения в Большом зале, где происходило главное торжество, считая, что дух послания Паниной «не соответствует времени и требуемой идеологии». Но старые ученики Народного дома собрались в другом, меньшем зале и прочли ее послание. Более того, они организовали между собой «панинский кружок», главной задачей которого стало поддержание в Народном доме тех основных принципов, которыми он руководствовался с самого начала своей деятельности (13, т. 49).

В следующем, 1924 г., она практически переселилась в Чехословакию. В Праге в 20–30-е годы жил и близкий ей человек Н.И. Астров, а также отчим – И.И. Петрункевич. В этом городе у Паниной всегда было много дел. Д. Мейснер вспоминает, что Панина умела быть внимательной и отзывчивой. Когда он болел туберкулезом в поселке близ Праги, она, уже немолодая грузная женщина, в любую погоду ежедневно приносила ему обед по размокшей глинистой дороге. Президент Масарик как-то лично навещил Панину и старо-

го Петрункевича и сделал так, что она получила средства на создание библиотеки и клуба-читальни для русских эмигрантов под названием «Русский очаг». Она сотрудничала и с русским зарубежным архивом, работала в других учреждениях. Перед оккупацией Чехословакии гитлеровцами Панина уехала в Америку, куда ее звала старый друг, основательница Толстовского фонда графиня А.Л. Толстая и где проживал ее сводный брат, профессор Йельского университета Александр Петрункевич.

Во время войны при содействии Софьи Владимировны русская эмиграция организовала, как сообщает ее родственник, крупномасштабную помощь советским военным в немецких лагерях. Помощь эта, однако, «не была допущена по личному приказу Гитлера». Зато, по распоряжению маршала Маннергейма, хорошо знавшего Паниных, Вяземских в предреволюционные времена, суда, везшие эту помощь из Южной Америки, «были направлены в Швецию, откуда она была переброшена в финский лагерь для советских военнопленных» (2, с. 82).

После войны Панина жила на ферме Толстовского фонда в штате Нью-Джерси, помогая А.Л. Толстой готовить к печати ее мемуары. Изредка она приезжала в Нью-Йорк поработать в Публичной библиотеке. Тогда ей было уже почти 80 лет, и она «как-то физически съезжилась, но духом была еще удивительно молодой и бодрой», эмоциональной, всем интересовалась, память ее оставалась прекрасной. К своему племяннику Г.И. Васильчикову, тогда работавшему в ООН, она приходила порой пообедать. И неизменно – с маленьким чемоданчиком, которым, говорила она, «ограничивалось все ее земное имущество». Не имея собственной квартиры, она переезжала то к одним знакомым или родственникам, то к другим. И никогда от нее не было слышно ни одного слова сожаления об утраченных богатствах или жалобы на трудности ее житейской судьбы (2, с. 82). В 1948 г. она написала свои воспоминания «На Петербургской окраине» и направила их в «Новый журнал» (Нью-Йорк) с тем, чтобы они были опубликованы там после ее смерти. Г.И. Васильчиков вносит как бы последний штрих в ее биографию: «Весной 1956 г. с тетей Софьей Паниной приключился удар, она долго и мучительно болела, меня к ней уже не подпустили, и она скончалась 13 июня того же года» (2, с. 83). Похоронена она в Нововидееве, недалеко от Нью-Йорка.

Источники и литература

1. Буданин В. Кому вершить суд. – М., 1975.
2. Васильчиков Г.И. Графиня Панина – последняя владелица Марфина // Наше наследие. – М., 1994. – С. 88–102.
3. Гуревич Я.Я. Дело графини Паниной в революционном трибунале // Русское богатство. – Пг., 1917. № 11–12.

4. Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. – М., 1988.
5. Ершова Е.В. Первый процесс Петроградского ревтрибунала в 1917 году. По материалам журнала «Русское богатство» и др. источникам // Неизвестные страницы истории Верхневолжья. – Тверь, 1994. – С. 88-102.
6. Жукова Л.А., Горелова Т.А. Общественная деятельность С.В. Паниной // Женщина в российском обществе. – М., 1996. – С. 59-66.
7. Известия. – Пг., 1917. 12 декабря.
8. Ленин В.И. ПСС. Т. 34.
9. Мейснер Д.И. Миражи и действительность. Записки эмигранта. – М., 1966.
10. Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. – М., 1990.
11. Михайловский Г.Н. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914-1920. Кн. 1. – М., 1993.
12. «Народный дом». Социальная роль, организация, деятельность и образование Народного дома. С приложением библиографии, типовых планов, примерного устава и первой анкеты о народных домах. Издание сотрудников Лиговского Народного дома гр. С.В. Паниной. – Пг., 1918.
13. Панина С.В. На Петроградской окраине // Новый журнал. Нью-Йорк, 1957. Т. 48, 49.
14. Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. Т. 21-22. – М., 1993.
15. Шингарев А.И. Как это было. – М., 1918.
16. ГА РФ. Ф. 629.
17. ГА РФ. Ф. 887.
18. ГА РФ. Ф. 5881.
19. ГА РФ. Ф. 5913.

В.С.Горобец

АКАДЕМИК ЛАНДАУ И ВЛАСТЬ

Горобец Борис Соломонович – доктор геолого-минералогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор Московского государственного университета инженерной экологии и Всероссийского института минерального сырья им. Н.М. Федоровского.

Гениальный ученый Лев Давыдович Ландау (1908–1968), добившийся принципиально новых результатов едва ли не во всех областях физики и астрофизики, уже к 25 годам вошел в мировую элиту физиков. Он, напомним читателю, создал теорию сверхтекучести, открыл эффекты диамагнетизма электронов в металлах, затухания волн в плазме, названных его именем, стал автором теории фазовых переходов матрицы плотности в квантовой механике и др. Его научные достижения отмечены самыми высокими наградами: званием Героя Социалистического Труда (1954), Ленинской и Нобелевской премиями (обе 1962), тремя Сталинскими премиями (1946, 1949, 1953).

Ландау основал советскую школу теоретической физики, которая в середине XX в. считалась сильнейшей в мире. Совместно со своим учеником и другом академиком Е.М. Лифшицем (1915–1985) он создал 10-томный классический «Курс теоретической физики», изданный на двадцати языках, без которого немыслимы физическое образование и становление современного ученого-физика. Научное сообщество уверено, что значение этого труда сохранится еще как минимум до конца XXI в.

К несчастью, в 1962 г. Ландау попал в автокатастрофу, потерял работоспособность, и, спустя пять лет, его не стало.

Размышляя о судьбе великого ученого, убеждаешься в том, что жизнь его, несмотря на всеобщее признание, принимала порой трагический оборот, особенно в ситуациях конфликтов с властью.

Люди, близко знавшие Ландау, были убеждены в его искренней приверженности марксистским взглядам, по крайней мере до ареста в 1938 г. Однако

на вопрос о свободе преподавания в СССР, заданный ему на одной из его лекций в 1931 г. в Германии, последовал ответ: «Необходимо провести различие между бессмысленными и небесмысленными областями знания. Небесмысленными являются математика, физика, астрономия, химия, биология, бессмысленными – теология, философия, особенно история философии, социология и т.д. Теперь ситуация проста. В преподавании небесмысленных дисциплин существует полная свобода. Что же касается бессмысленных наук, я должен признать, что некоторому способу мышления отдается предпочтение перед другими. Но в конце концов не имеет значения, какой вздор предпочитается другому» (1, с. 158).

Это высказывание содержит в себе сразу два вопроса, ответить на которые мог бы только сам Ландау. Действительно ли он отвергал значимость общественных наук как бессмысленных? Или не мог принять их идеологическую заданность в Советском Союзе?

Между тем времена наступали все более жестокие, но Ландау, по-видимому, считал, что вряд ли кто-то мог тогда посягнуть на его свободу высказываний и поведения. Пройдут годы, прежде чем он, достаточно изверившийся, с горечью скажет о себе: «научный раб».

Но вот в 1935 г. «Известия» от 23 ноября публикуют статью Ландау «Буржуазия и современная физика». В ней он пишет о трудном положении физики на Западе, о ее резком противоречии с общей идеологией современной буржуазии, все больше впадающей, по словам автора, в самые дикие формы идеализма. «Совершенно иначе относится к науке победивший пролетариат, – утверждает Ландау. – Партия и правительство предоставляют небывалые возможности для развития физики в нашей стране. ... Только в Советском Союзе могут быть использованы все действительно талантливые люди, которые, в противоположность выдвигаемой буржуазной теории, встречаются среди трудящихся не реже, чем среди эксплуатирующих классов. Только государственное управление наукой в состоянии обеспечить подбор действительно талантливых людей и не допускать засорения научных учреждений различными непригодными для научной работы “зубрами” от науки, по существу тормозящими ее развитие. ... Мы обязаны сейчас мобилизовать все свои силы на построение лучшего в мире физического вуза, на воспитание лучшего в мире состава физиков-исследователей и на создание самой богатой и здоровой популярной литературы» (2, с. 468).

Судя по этим строкам, Ландау в то время был убежденным советским патриотом, защищал СССР от нападок своих буржуазных коллег во время загранкомандировки. На предложение остаться работать в одном из европейских университетов, он ответил решительным отказом: «Нет, я вернусь в свою рабочую страну, и мы создадим лучшую в мире науку» (3, с. 29).

В сборнике «Воспоминания о Л.Д. Ландау» есть следующее примечание ответственного редактора сборника, человека, близко знавшего Ландау, академика И.М. Халатникова: «Сам Л.Д. часто утверждал, что он марксист и материалист. Особенно, когда речь шла об анализе общественных явлений» (1, с. 154). Халатникову вторит профессор В.Л. Покровский, который пишет: «Мне не приходилось видеть другого человека со столь цельным мировоззрением. Дау часто повторял, что он последовательный марксист» (1, с. 169). Теоретический марксизм и материализм в его сознании, по-видимому, представлял собой некую совокупность вполне разумных выводов из анализа хищнической стадии капитализма в XIX – первой половине XX в. Тогда как марксизм советского образца с его фантазиями о светлом коммунистическом будущем, обернувшись в реальности гибелью огромной части народа во время ленинско-сталинского террора, – был им решительно отвергнут. Недаром он так стремился пойти в Кремль и поблагодарить Хрущева за его «прекрасный доклад» на XX съезде КПСС, о чем автору статьи лично рассказывал академик Е.М. Лившиц.

Отношение Ландау к советской власти резко изменилось после года, проведенного в тюрьме. В 40–50-е годы, зная, что он плотно окружен сексотами и что его разговоры дома прослушиваются аппаратурой, он все равно был откровенен в оценке неприглядных сторон советской системы. Его высказывания фиксировались, а в 90-х годах были рассекречены и частично напечатаны в журналах.

Первое столкновение Ландау с властью произошло в Украинском (ныне Харьковском) физико-техническом институте (УФТИ) в 1935–1938 гг. Переехав из Ленинграда в Харьков, Ландау приступил к обязанностям заведующего теоретической группой УФТИ в сентябре 1932 г. В течение двух с половиной лет работа шла нормально. Но в начале 1935 г. в УФТИ возник острый конфликт, расколовший институт на две равные части и приведший к почти полному разгрому в 1937 г.

Суть конфликта состояла в отношении к новому, оборонному направлению работ, порученных институту в марте 1935 г. решением Наркомтяжпрома, которому он подчинялся. Речь шла о разработке сверхвысокочастотного генератора и антенны для радиолокации, технология которой в те годы в СССР еще отсутствовала, о создании новых видов авиационного топлива, смазок и т.д. Группа теоретиков и экспериментаторов во главе с Ландау была против данной тематики, мотивируя это тем, что большой объем работ технического характера снижает научно-теоретический уровень института. Эта группа пользовалась поддержкой директора УФТИ академика А.И. Лейпунского, однако Лейпунский в те месяцы находился в загранкомандировке.

У Лейпунского было высокое покровительство в Москве, в Наркомтяжпроме, в лице Орджоникидзе, Пятакова и Бухарина (последние двое занимали в

это время высокие посты в наркомате). Бухарин, кстати, был знаком с Ландау, встречался с ним (и с его другом Корецом) по поводу публикации вышеупомянутой статьи.

С апреля 1934 и до конца осени 1935 г. директором УФТИ стал никому не известный и непонятно откуда взявшийся Семен Абрамович Давидович. Вокруг него сплотилась группа инженеров и физиков, активно желавших заниматься военно-прикладными разработками. У этой группы также были высокие покровители – харьковские обком партии и управление НКВД. В связи с началом работ по оборонной тематике УФТИ стал режимным институтом: появился секретный отдел, построили ограду, ввели пропуска, собирались уволить иностранных специалистов. Привыкшие к свободному режиму, сотрудники были всем этим крайне недовольны. Некоторые выражали свое отношение своеобразно. Так, Ландау и немецкий физик Ф. Хоутерманс прикрепляли пропуска ниже пояса и предъявляли «все вместе» вахтеру.

Еще одно важное обстоятельство. Группа иностранных физиков и инженеров, работавших в УФТИ, состояла в основном из немецких граждан, покинувших нацистскую Германию. В одном из документов упоминается, что их было 11 человек (4, с. 534). Почти все иностранцы поддерживали Ландау в борьбе против военно-технических разработок. Хотя Ландау был основным идеологом этой борьбы, но, как ни странно, главным публичным застрельщиком всех действий сторонников Ландау был некто М.А. Корец, молодой человек 27 лет, ничем в науке себя не проявивший, пришедший в институт всего месяц-два назад из Уральского физтеха по инициативе Ландау. Они были дружны еще с ленинградских времен. По Корецу и пришелся первый удар дирекции, поддержанной НКВД.

Развязка наступила 27 ноября 1935 г. Корец был арестован на том основании, что он «является участником контрреволюционной подпольной группы, проводит разложенческую работу среди сотрудников УФТИ и занимается контрреволюционной агитацией». Корец был отдан под суд и приговорен к 1,5 годам исправительных работ в колонии общего режима. На суде был допрошен как свидетель ближайший помощник Ландау тех лет, его соавтор по писавшемуся в те годы 1-му тому курса теоретической физики «Механика» – Лазарь Моисеевич Пятигорский, убежденный коммунист, бывший беспризорник, инвалид, лишившейся руки во время еврейского погрома. На допросе он показал: «Мне известно, что в нашем институте существовала антисоветская группировка, в состав которой входили Корец, Ландау, Шубников, иностранно-подданные, прибывшие из Германии Вайсберг и Руэманны, прибывшие также из Германии. <...> Со мной вел целенаправленные переговоры и Ландау, говоря, что научные работники-партийцы, которые стоят во главе института, хотят развалить работу института, а для этого они набрали заданий оборонного значения, что снижает общий уровень института» (документ обнаружен

проф. Ю.Н. Ранюком и перепечатан в моей книге (2, с. 62). Ландау не простил этого Пятигорскому, уволил его из отдела и разорвал с ним все отношения. С тех пор соавтором Ландау по томам курса теоретической физики стал Евгений Михайлович Лифшиц, харьковский ученик Ландау.

Ландау смело вступился за репрессированного Кореца, написав письмо наркому НКВД Украины В.А. Балицкому. И произошло чудо. В июне 1936 г. НКВД, проведя «дополнительные следственные мероприятия» по делу Кореца, постановило: «материалов в достаточной мере по привлечению его в качестве обвиняемого не добыто, а посему ... дело ... по обвинению Кореца Моисея Абрамовича дальнейшим следствием прекратить, избранную меру пресечения в отношении обвиняемого, подписку о невыезде отменить» (2, с. 86).

Из УФТИ был уволен директор – Давидович, а прежний руководитель А.И. Лейпунский, отозванный из зарубежной командировки, предложил уйти из УФТИ нескольким сотрудникам, воевавшим с группой Ландау. Лейпунский был мастером компромисса, он считал необходимым сохранить в институте как инициативные фундаментальные исследования, так и военно-физические разработки по госзаказу.

Итак, Ландау одержал победу в первом раунде схватки с властью на Украине. Но наступил 1937 год. И события приняли совсем другой оборот.

Летом 1937 г. были арестованы несколько сотрудников УФТИ, трое из них – физики, союзники Ландау. Это были: Лев Васильевич Шубников, великолепный экспериментатор, сделавший в УФТИ несколько открытий первостепенного значения; Лев Викторович Розенкевич, соавтор Ландау и Лифшица по задачнику для физиков-теоретиков; Вадим Сергеевич Горский, кристаллофизик, любимый ученик академика И.В. Обреимова. В ноябре 1937 г. они были расстреляны. В реабилитационном деле от 1956 г. сказано: «Органами следствия Шубников, Розенкевич и Горский обвинялись в том, что они состояли в контрреволюционной организации, якобы существовавшей в УФТИ, и проводили в этом институте вредительскую деятельность. Шубников, кроме того, обвинялся в принадлежности к германской разведке, Розенкевич – в принадлежности к антисоветской группе, якобы входившей в контрреволюционную организацию в Ленинградском госуниверситете. Горский в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал, а Шубников и Розенкевич виновными себя признали <...> Шубников и Розенкевич на следствии своими соучастниками по контрреволюционной организации, помимо Горского, назвали Вайсберга, Бриллиантова, Обреимова, Ландау, Лейпунского, Руэманна М., Руэманн В., Хоутерманса, Иваненко, Румера» (2, с. 588).

Указанные лица, кроме Ландау, Бриллиантова и супругов Руэманнов, были на основании этих показаний позже арестованы, но остались живы, отсидев сроки от двух месяцев до примерно двух лет. Но Ландау тогда не тронули.

«Пока его защищает мировая известность, но ненадолго», – сказал следователь А.С. Вайсбергу (5, с. 274).

В начале 1937 г. Ландау срочно покидает Харьков и направляется в Москву, где по приглашению П.Л. Капицы приступает к работе в Институте физических проблем. В Москву он переводит и Кореца. В апреле 1938 г. Корец приносит Ландау проект антисталинской листовки и просит внести в нее поправки. В листовке выдвигались обвинения в адрес Сталина, который, «разрушая ради сохранения своей власти страну, превращает ее в легкую добычу озверелого немецкого фашизма... Единственный выход для рабочего класса и всех трудящихся нашей страны – это решительная борьба против сталинского и гитлеровского фашизма» (2, с. 601).

Корец намеревался распространить листовку во время первомайской демонстрации. Однако уже через несколько дней текст ее лежал на столе у следователей НКВД. Донос, по свидетельству дочери Кореца, совершил некий поэт-ифлиец «К.», входивший в группу Кореца («К.» погиб на фронте в начале войны).

28 апреля 1938 г. Ландау и Корец были арестованы и помещены во внутреннюю тюрьму на Лубянке. Дорого обошлась Корецу эта гибельная затея, в лагерях и ссылке он провел 18 лет.

Ландау же она едва не стоила жизни. В тюрьме он подвергался конвейерному допросу, стоя по 7 часов подряд. Спустя три месяца Ландау «сломался» и начал давать показания: «...Корец поставил передо мной вопрос о желательности перехода к агитации масс в форме антисоветских листовок. Вначале я отнесся к этой идее отрицательно <...>. Однако Корец сумел убедить меня, причем я поставил ему условие, что я ни с чем, кроме самого текста листовок, не знаколюсь, что он не знакомит меня ни с какими данными о людях, связанных с распространением этих листовок (о существовании которых он мне сообщил), и вообще ничего больше не рассказывает мне об этой деятельности» (2, с. 601, 603).

Дальнейшее пребывание в тюрьме означало для Ландау верную смерть. У него было слабое здоровье («у меня, – острил он раньше, – не телосложение, а теловычитание»). Ситуация усугублялась и его индивидуальными особенностями. Как говорил врач К.С. Симонян, «к натуре Ландау вообще неприемлемы категории и оценки инстинктов, как к обычным людям. Так, например, Дау был твердо убежден, что всякого рода каши так же несъедобны, как и опилки... Он медленно умирал с голоду... инстинкт самосохранения не срабатывал. Только вмешательство тюремного врача, настоявшего на смене пищи, помогло ему» (6).

В тюрьме Ландау был уже близок к гибели, он мог только лежать. Однако ему удалось выполнить некоторые работы по гидродинамике. Все расчеты он производил в уме. Позже он рассказывал, что научился в тюрьме мысленно

просчитывать тензоры (уровень абстракции в этом случае способны оценить специалисты, знакомые с тензорной алгеброй).

Однако основной компромат на Ландау составила, как это ни странно, не листовка, а события трехлетней давности в УФТИ. «Контрреволюционной группой, возглавляемой профессорами и Шубниковым», приписывался «срыв работ оборонного значения». Следователи были убеждены в реальном вредительстве обвиняемых из группы Ландау, в их совместных подрывных действиях с группой «иноспециалистов-немцев».

После выхода из тюрьмы Ландау рассказывал друзьям, что его обвинили в том, что он немецкий шпион. Говоря так, Ландау, очевидно, хотел сразу доказать полную абсурдность обвинения известного ученого-еврея в том, что он помогает гитлеровской Германии. Однако в обвинительном заключении по делу Ландау нет его обвинения в шпионаже в пользу Германии, а есть только – в «деятельности, направленной на срыв работ оборонного порядка». И лишь на последнем месте стояло обвинение в подготовке листовки.

Были ли у следователей серьезные основания в обвинении Ландау по «делу УФТИ»? Нет, конечно, Ландау не собирался подрывать обороноспособность СССР. Здесь дело в другом. У таких сверходаренных натур, какой был Ландау, познавательная мотивация заявляет о себе столь властно, что любое вмешательство в их творческие, исследовательские планы воспринимается как давление, ущемление свободы их выбора. Ему просто было неинтересно заниматься расчетами по военно-техническим заданиям. Это отрывало бы его группу от чисто научной работы, привело бы к отставанию в физике от мирового уровня, а именно последнее Ландау считал настоящим вредом СССР.

Кроме того, в 1935 г. Ландау не мог знать о том «чудесном» превращении, которое произойдет с его другом Хоутермансом шесть лет спустя. Арестованный НКВД и высланный в 1940 г. в гитлеровскую Германию немецкий коммунист Хоутерманс не только там уцелел, но и внезапно появился в оккупированном Харькове осенью 1941 г. в форме офицера Люфтваффе. В течение двух месяцев он исполнял обязанности директора УФТИ, работавшего «под немцами», оценивал оборудование и документы, частично переправлял их в рейх.

Ландау был освобожден 29 апреля 1939 г., отсидев ровно год. Это произошло благодаря действиям академика П.Л. Капицы в его защиту. Капица писал Сталину, Молотову, Берии. Помогло и то, что осенью 1938 г. началась «бериевская реабилитация» жертв репрессий 1937–1938 гг., после того как Сталин на место прежнего наркома НКВД поставил Берия с заданием приостановить волну арестов, посчитав, очевидно, что его цели в борьбе за власть выполнены. Ландау не мог знать о действиях Капицы, но он, как и другие заключенные, почувствовал, что в НКВД начались перемены. Многим предлагали отказаться от прежних показаний, начали пересматривать их дела. И в

начале апреля **Ландау отказался от всех своих прежних показаний**. А в конце апреля он был освобожден под поручительство П.Л. Капицы. Вот текст этого документа, направленного на имя Л.П. Берии 26 апреля 1939 г.

Прошу освободить из-под стражи арестованного профессора физики Льва Давыдовича Ландау под мое личное поручительство.

Ручаюсь перед НКВД в том, что Ландау не будет вести какой-либо контрреволюционной деятельности против Советской власти в моем институте, и я приму все зависящие от меня меры к тому, чтобы он и вне института никакой контрреволюционной работы не вел. В случае, если я замечу со стороны Ландау какие-либо высказывания, направленные во вред Советской власти, то немедленно сообщу об этом органам НКВД (2, с. 610).

Освободить Ландау было очень непросто: в деле фигурировала листовка, и были перечислены реальные действия его группы в Харькове против военнотехнических разработок в УФТИ. Наверное, нелегко было П.Л. Капице решиться на такой шаг, рискованный из-за непрогнозируемости Ландау и обязывающий «сообщать в НКВД» о нем. Но следствие в отношении Ландау было прекращено по приказу наркома внутренних дел Л.П. Берии, и в Постановлении об этом указывалось, что «Ландау Л.Д. является крупнейшим специалистом в области теоретической физики и в дальнейшем может быть полезен советской науке» (2, с. 611).

Выйдя на свободу, Ландау не предпринимал никаких публичных акций против вождя и его режима. Он принял участие в атомном проекте, в создании ядерного щита страны. Группа Ландау произвела практически вручную, на арифмометрах, невероятно сложные расчеты «коэффициента полезного действия» атомной и водородной бомб.

Когда началась работа над этим проектом, к Ландау, по указанию МГБ, должны были приставить телохранителей. Некоторые физики – участники проекта почитали это за честь, усматривали в этом подтверждение собственной значимости. Но Ландау наотрез отказался от «гавриков», как он их тогда называл. Это был очень рискованный шаг, – чреватый для него непредсказуемыми последствиями. Но его решение избавиться от «гавриков» было непоколебимо. «Иначе я не смогу работать», – заявил он и настоял на своем. «Гаврики» больше не появлялись, а он продолжал работать (7).

Вес личного вклада Ландау в реализацию проекта потянул на две Сталинские премии и Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. Дважды Берия представлял Ландау к Сталинским премиям и орденам Ленина, представлял, прекрасно зная об антисталинской листовке. И дважды Сталин подписывал постановления о присуждении Ландау этих наград, читая в сопроводительных документах справку о его бывших прегрешениях перед советской властью. Станный парадокс в отношениях между великим физиком и великим диктатором!

Когда Сталин умер, Ландау заявил друзьям: «Все, я его больше не боюсь». И решительно отказался участвовать дальше в работах по усовершенствованию водородной бомбы.

Список литературы

1. Воспоминания о Ландау / Отв. ред. акад. И.М. Халатников / М., 1988. – 352 с.
2. Горобец Б.С. Круг Ландау // Предисловие А.А. Рухадзе. – М.; СПб., 2006. – 656 с.
3. Бессараб Майя. Страницы жизни Ландау. – М., 1971. – 136 с.
4. Есаков В.Д., Рубикон П.Е., Капица С.П. Кремль и наука. В 2 т. Т. 1. Создание Института физических проблем. 1934–1938. – М., 2003. – 655 с.
5. Лейпунский А.И. Избранные труды / ГКАЭ СССР Физико-энергетич. ин-т; Отв. ред. Громов Б.Ф. – Киев, 1990. – 280 с.
6. Симонян Кирилл. Тайна Ландау // Газета «Вести» (Израиль), ежег. прилож. «Окна», 2, 9, 15 апреля 1998, Израиль.
7. <http://www.vestnik.com/issues/2004/0331/koi/ryndina.htm>.

Н. К. Меден

ГЕРМАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В МОСКВЕ

**Меден Наталия Кирилловна – научный
сотрудник Института экономики РАН.**

Традиции изучения истории зарубежных стран в германской историографии восходят ко второй половине XIX в. – эпохе всеобщего увлечения античностью. В объединенной Бисмарком Германии изучение античной истории идейно было связано с историей Священной Римской империи. Причем особенностью германской исторической школы, заложенной основателями метода исторической критики Л. Ранке, А.Л. Шлёцером и Б.Г. Нибуром, уже в то время стала скрупулезная, по-немецки добросовестная работа с историческими источниками. Поэтому решение Папы римского Льва XIII об открытии архивов Ватикана¹ сразу побудило немецких историков основать постоянный исторический исследовательский центр в Риме. Этот проект представил Папе германский император Вильгельм II. Со своей стороны Лев XIII, известный в истории папства как политик европейского масштаба, не препятствовал инициативе. Таким образом, Германский исторический институт в Риме, старейший из аналогичных учреждений, ведет свою историю с 1888 г.

В настоящее время функционируют девять зарубежных гуманитарных институтов², финансово и организационно подчиняющихся Федеральному министерству науки и исследований через специально созданный в 2002 г. фонд «Германские институты гуманитарных наук за рубежом» (www.stiftung-dgia.de)³. Московский институт занимает в структуре фонда особое положение: во-

1. Лев XIII принял решение открыть архив для ученых вскоре после своего избрания папой в 1878 г. Доступ открылся с 1883 г.

2. Германские исторические институты в Риме, Варшаве, Москве, Лондоне, Вашингтоне, Германский институт востоковедения в Бейруте/Стамбуле, Институт исследований Японии в Токио, Германский форум истории искусства (Париж).

3. Федеральный закон от 20.06.2002.

первых, как самое молодое учреждение, во-вторых, как институт, не финансируемый из средств фонда. Последнее обстоятельство обусловлено историей создания Германского исторического института в Москве (далее – ГИИМ).

В принципе, такой институт мог быть создан только после социально-политических перемен, произошедших в Европе вследствие краха коммунистических режимов. Немецкий историк Т. Зоммер, который по приглашению ГИИМа выступал в Москве с публичной лекцией о современном состоянии германо-российских отношений, отметил, что полвека назад он не мог даже представить себе, что в России будет работать немецкий институт, подобный ГИИМу.

В числе факторов, способствовавших открытию института, можно выделить следующие:

- наличие сложившейся сильной школы так называемых «восточных исследований» (Ostforschung), в которой изучению России традиционно уделялось основное внимание; отметим в этой связи, что Германский исторический институт в Варшаве начал свою деятельность в 1993 г.;
- резкое повышение интереса к России в начале 90-х годов в Германии, усиленное только что состоявшимся воссоединением страны;
- стремление к развитию бóльшего взаимопонимания между Германией и Россией.

Однако к реализации проекта приступили лишь в начале 2000-х годов. С официальной инициативой о создании института выступили два немецких фонда: фонд Круппа и фонд Цайт, взявшие на себя обязательство по финансированию московского института на первые пять лет его работы⁴. Идея была поддержана федеральным министерством науки и исследований и согласована с министерствами иностранных дел и финансов. Далее принципиальное решение принималось на высшем политическом уровне: вопрос обсуждался на встречах президента В. Путина с канцлером Г. Шрёдером в Веймаре в апреле 2002 г. и с президентом Й. Рау в Берлине в феврале 2003 г. На обеих встречах стороны изъявили желание содействовать открытию института. В мае 2003 г. сопредседатели германо-российской комиссии историков⁵ направили правлению фонда Цайт письмо, в котором выражалось одобрение инициативе. 6 июня 2003 г. в Эссене председатели трех фондов – Круппа, Цайт и фонда «Германские институты гуманитарных наук за рубежом» подписали договор о создании ГИИМа.

4. По окончании этого периода институт должен пройти аттестацию со стороны научного совета Фонда и в том случае, если итоги его работы будут положительно оценены, московский институт будет входить в состав Фонда на тех же юридических основаниях, что и остальные восемь институтов.

5. Совместная комиссия по изучению новейшей истории германо-российских отношений создана в 1997 г.

В ноябре 2004 г. институт получил аккредитацию при российском Министерстве образования и науки в качестве представителя фонда «Германские институты гуманитарных наук за рубежом». Торжественная церемония открытия института состоялась 12 сентября 2005 г. в присутствии министра образования РФ А.А. Фурсенко, федерального министра науки и исследований госпожи Э. Бульман, председателя совета фонда «Германские институты гуманитарных наук за рубежом», авторитетного историка В. Шинделя (Университет Кёльн-Геттинген), председателя правления фонда Цайт М. Гёринга и члена правления фонда Круппа Т. Кемпфа. Германская сторона выразила пожелание закрепить за институтом и его сотрудниками дипломатический статус, обеспечивающий более свободный доступ к архивным фондам. Таким статусом пользуются, в частности, сотрудники Института Гёте. Однако российская сторона предоставила немецким историкам возможность работать в архивах лишь на общих основаниях.

В настоящее время ГИИМ располагается в здании Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН. Здесь в относительно небольшом помещении находятся рабочие кабинеты сотрудников, зал для проведения заседаний и библиотека с компьютеризированными рабочими местами. Фонд библиотеки института включает издания, посвященные российско-германским отношениям в XVIII–XX вв., а также современные научные журналы. Основу собрания составили книги, переданные из частных библиотек немецких историков – В. Моммзена⁶, Г. Штёкля⁷ и В. Конце⁸. На момент открытия института его библиотека насчитывала 10 тыс. книг. Библиотечные фонды до настоящего времени пополняются за счет гранта, полученного от Дойче Банка.

Возможность пользоваться уникальным специализированным библиотечным фондом представляет большую ценность для российских историков-германистов. Здесь также постоянно работают стипендиаты из России и Германии; Германский исторический институт в Москве выдает за полугодие 25 стипендий сроком от одного до четырех месяцев. Существуют несколько видов стипендий: для немецких и российских молодых ученых, работающих в московских архивах; российских преподавателей вузов, работающих в ГИИМе, а также в московских библиотеках и архивах; немецких историков, ведущих исследование в Российском государственном военном архиве.

В ведении ГИИМа находятся также стипендии, предоставляемые молодым российским историкам двумя германскими фондами – фондом «Изучение дикта-

6. Вольфганг Моммзен, специалист по истории стран Восточной Европы, сын великого немецкого историка, автора классических трудов по истории Древнего Рима, лауреата Нобелевской премии 1902 г. Теодора Моммзена.

7. Гюнтер Штёкль (род. 1917), специалист по истории России.

8. Вернер Конце (1910–1986), крупнейший историк неолиберального направления, профессор Гейдельбергского университета.

туры СЕПГ» и фондом Герды Хенкель. В целях поддержки молодых историков двух стран ГИИМ выделяет ежегодные премии за российские дипломные работы и кандидатские диссертации по немецкой истории или истории германо-российских отношений.

Решение о предоставлении стипендий, равно как и другие важные решения, определяющие научную работу института, принимает Научный попечительский совет. В него входят немецкие и русские ученые, возглавляет Совет профессор М. Хильдермаейр, а заместителем его стал академик А.О. Чубарьян, директор Института всеобщей истории РАН. На Торжественной церемонии открытия института за вклад в развитие германо-российских отношений академик А.О. Чубарьян был награжден офицерским крестом – орденом за «Заслуги» первого класса. Директором ГИИМа в Москве утвержден профессор Гурского университета (г. Бохум) Б. Боветч, он принимал непосредственное участие в организации института и по сей день возглавляет его.

Поддержка исследований отнюдь не ограничивается предоставлением стипендий и грантов – институт проводит конференции, семинары, дискуссии, летние школы, приглашает немецких историков для выступлений с докладами, организует круглые столы и презентации книг немецких и российских авторов.

Институт реализует также собственные исследовательские проекты и выполняет издательскую программу. В частности, планируется выпуск серии «Классики германской историографии» и серии диссертаций, получивших премию ГИИМа.

Среди прочих проектов – трансфер культур; история германо-российских взаимоотношений в XVIII–XIX вв.; социальная история и организация армии России XIX–XX вв.; история СССР; сталинизм и террор; СССР во Второй мировой войне и в послевоенное время; страны Варшавского Договора в период «холодной войны»; германско-советские отношения.

Научная работа института охватывает три столетия истории российско-германских отношений, наиболее пристальный интерес вызывает история XX века. Это в немалой степени связано с введением в научный оборот новых исторических источников, относящихся к событиям этого века, и меняющейся интерпретацией исторического процесса. Данное направление было определено как приоритетное с самого начала работы института и нашло отражение, в частности, в проведении международной научной конференции «Сталинизм в советской провинции, 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447». Конференция состоялась в рамках проекта ГИИМа «Сталинизм в советской провинции», который спонсируют фонд Тиссен и фонд «Немецкое научно-исследовательское общество». Цель проекта – проследить на основании архивных источников (в настоящее время 60 российских историков работают в

архивах Кемерово, Твери, Воронежа и Ярославля) практический механизм осуществления репрессий.

Другой крупный проект института – создание учебника для российских студентов по истории Германии российскими историками из Томска, Кемерово и Барнаула на основе немецких источников. Финансирование проекта осуществляет фонд «Фолксваген», сотрудники которого сначала предлагали директору ГИИМа ограничиться переводом на русский язык одного из уже существующих в Германии учебников. Однако, по мнению директора ГИИМа профессора В. Бонветча, учебник для россиян должен быть создан именно в России, поскольку только в этом случае он будет органично вписан в образовательную среду и станет востребованным пособием для российских вузов. С одной стороны, российские авторы свободны от устоявшихся в германской историографии шаблонов, а с другой – с большей убедительностью проводят аналогии между событиями немецкой и российской истории. Новое издание будет отличаться от традиционных пособий также и наличием специального тома – сборника документов, оставленных без комментариев авторов учебника. Такого рода учебные комплекты, принятые в Германии, развивают у студентов способность к самостоятельной оценке исторических событий и критический подход к историографии.

Исследовательские проекты Института будут продолжены, а их содержание расширено. Историческая наука находится в движении, и введение в научный оборот новых архивных материалов, чему немало способствуют сотрудники Института, является важнейшим стимулом дальнейшей его работы. При этом по мере увеличения временной дистанции роль осмысления событий прошлого века на современном этапе возрастает. В этом отношении изучение советского периода наиболее интересно. Превосходно документированная история Германии XX в. также остается полем исследовательской работы, на котором сосуществуют разные и порой противоречащие друг другу концепции, не утихают споры, в том числе и по поводу фигур некоторых ученых-историков. Например, в 1998 г. на германском Конгрессе историков имела место острая дискуссия о роли, которую сыграли в идеологическом обосновании нацистской расовой политики по отношению к восточноевропейским народам, германские ученые Т. Шидер, В. Конце, А. Бракманн и О. Бруннер. С этой точки зрения особый интерес представляет переданная в ГИИМ библиотека В. Конце.

Укрепление научных и личных связей между российскими и германскими историками представляет собой значительный вклад в развитие гуманитарных контактов между Россией и Германией, содействующей построению единого гуманитарного и информационного пространства между Россией и ЕС.

О.В.Белова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОГО И ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО ЕВРЕЙСТВА

**Белова Ольга Владиславовна – доктор
филологических наук, руководитель
отдела издательских программ Центра.**

«Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства» создан в 2003 г. в Москве. Это благотворительная некоммерческая организация, которая занимается изучением истории, культуры российского и восточноевропейского еврейства, а также богатейшего наследия еврейской цивилизации. В последнее время эта проблематика привлекает внимание многих выдающихся исследователей во всем мире: историков, филологов, культурологов, социологов и др. Деятельность Центра способствует ее более глубокому анализу на уровне международных академических стандартов. В сфере образования Центр содействует повышению квалификации преподавателей, поддерживает учебную и научно-исследовательскую деятельность студентов, аспирантов и преподавателей.

Сегодня в России практически отсутствуют research universities (исследовательские университеты), в которых сочеталась бы образовательная и исследовательская деятельность. Еще в большей степени это относится к еврейским учебным заведениям. Центр заполнил эту лакуну, иницируя крупные исследовательские проекты. Он в значительной степени оживил ситуацию в указанной области и за пределами России. Ежегодные конференции Центра вошли в международный календарь, а совместные конференции за рубежом собирали как научную элиту, так и наиболее перспективных молодых ученых.

Центр постоянно расширяет сотрудничество с различными академическими и общественными организациями в России и за рубежом. Среди его партнеров – академические, исследовательские, общественные организации и издательства из России, Великобритании, Израиля, Литвы, США, Украины, Швеции.

Наряду с перечисленными целями деятельности Центра можно также назвать следующие: распространение знаний об истории и культуре российского

и восточноевропейского еврейства; содействие возрождению национальной идентичности российского еврейства на базе культурного наследия и исторических традиций народа, развитие международного сотрудничества.

Основные направления деятельности Центра:

- предоставление на основе конкурсного отбора грантов для специалистов, занятых в преподавании и исследовательской работе;
- проведение международных конференций и семинаров;
- организация ежемесячных научных чтений и лекций;
- публикация научных материалов, приобретение печатной продукции;
- изучение и публикация архивных материалов;
- обеспечение доступа российских и зарубежных исследователей к архивным материалам по политической и социальной истории, истории литературы, искусства, кино и театра российского и восточноевропейского еврейства;
- экспертная оценка академических проектов по всем указанным темам.

Специальная программа предоставляет гранты гражданам России и гражданам, постоянно проживающим на ее территории и ведущим исследовательскую деятельность в указанной области. Все конкурсы открытые и проводятся на базе независимой экспертизы.

Программы включают:

- поддержку научно-исследовательских проектов;
- публикацию документальных материалов и результатов научных исследований;
- содействие диссертационным исследованиям;
- подготовку монографий на базе диссертаций;
- международные семинары и конференции в России и за рубежом, работу в библиотеках и архивах;
- предоставление стипендий студентам, магистрам и аспирантам;
- конкурс на лучшую курсовую, дипломную или иную работу, выполненную студентами российских вузов.

За годы работы Центра гранты присуждались ученым из Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Барнаула, Благовещенска, Великого Новгорода, Челябинска, Иркутска, Казани, Краснодара, Улан-Удэ, Махачкалы.

Научно-исследовательская программа

Центр осуществляет собственные исследовательские проекты, которые объединяют усилия ведущих российских и зарубежных специалистов в области истории и культуры евреев Восточной Европы, иудаики, историографии, источниковедения, архивного дела.

В настоящее время в рамках международных проектов:

- изучается история еврейской эмиграции из России – СССР – России;

- издается документальное наследие Бунда (Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России – самой влиятельной и массовой из еврейских партий, действовавших на территории России в конце XIX – начале XX в.);

- готовится к изданию аннотированный указатель еженедельника «Еврейская трибуна», сыгравшего в 20-е годы большую роль в становлении еврейской эмиграции в странах Европы;

- готовится к изданию научная биография выдающегося историка еврейского народа, политика и публициста С.М. Дубнова.

Научные конференции

Начиная с 2003 г. Центр ежегодно проводит международные конференции, ставшие традицией в его академической и общественной деятельности. В конференциях принимали участие ученые из России, Белоруссии, Великобритании, Венгрии, Германии, Израиля, Латвии, Литвы, Новой Зеландии, Польши, США, Франции, Чехии, Швеции.

Первая конференция «История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы» состоялась в Москве 8-10 декабря 2003 г. Конференция носила междисциплинарный характер: были представлены доклады по истории, антропологии, литературоведению и истории литературы, источниковедению, историографии. В дальнейшем проблема новых источников и новых подходов рассматривалась в рамках более узких, но не менее значимых тем. Сборник материалов конференции издан в 2004 г.

Вторая конференция – «Мировой кризис 1914-1920 гг. и судьба восточноевропейского еврейства» (7-9 ноября 2004 г., Санкт-Петербург) была приурочена к 90-летию начала Первой мировой войны, ставшей переломным этапом в судьбе Европы. Наряду с докладами из области политической и социальной истории прозвучали выступления, в которых события рассматривались в культурологическом аспекте. Сборник материалов конференции вышел в свет в 2005 г.

4-6 декабря 2005 г. в Москве состоялась третья конференция – «Русско-еврейская культура», в которой приняли участие историки литературы, филологи, театроведы, искусствоведы. Рассматривались проблемы модернизма в русско-еврейской литературе, взаимодействия немецкого авангарда и творчества еврейских и русских художников, отношения к еврейскому культурному наследию русских и еврейских искусствоведов, анализировались страницы творческого наследия еврейских писателей, живших в России. Сборник материалов конференции издан в 2006 г.

Четвертая конференция – «Еврейская эмиграция из России. 1881-2005» прошла в Москве 10-12 декабря 2006 г. Обсуждались вопросы, связанные с

историей и периодизацией эмиграционных процессов, с судьбами российской еврейской эмиграции в различных странах мира, с развитием эмигрантской печати и отражением эмигрантской темы в искусстве и литературе. Сборник материалов конференции готовится к печати.

Центр регулярно проводит совместные конференции с зарубежными университетами и исследовательскими учреждениями. В 2003–2006 гг. Центр участвовал в Международных форумах молодых исследователей восточноевропейского еврейства в Лейпциге и Вильнюсе, конференциях «Русское слово на земле Израиля – еврейское слово в России» (Израиль), «Антиеврейское насилие: переосмысление “погромов” в современной истории Европы» (Швеция), «Евреи и русские революции» (США), «Русско-еврейский Нью-Йорк» (США). Летом 2006 г. Центр принял самое активное участие в проведении московского VIII Конгресса Европейской ассоциации иудаики.

Научные чтения

В октябре 2003 г. Центр совместно с Центром восточной литературы Российской государственной библиотеки организовал цикл научных чтений, ставших одним из самых удачных проектов Центра, успешно выполняя двойную задачу – популяризации и распространения знаний об истории и культуре российского еврейства и формирования научного сообщества. Чтения стали своего рода постоянно действующим научным семинаром и дискуссионным клубом, площадкой для апробации новых исследований. Чтения проводятся в третий четверг каждого месяца (кроме летних месяцев). Состоялось уже 30 таких собраний.

Издательская программа

Центр сам публикует книги и поддерживает другие издания по истории, литературе и культуре евреев России и Восточной Европы. В 2003–2006 гг. помимо уже упомянутых сборников материалов конференций вышли в свет три тома научного ежегодника «Архив еврейской истории». В него вошли обзоры исследований, архивные материалы, воспоминания, дневники, обзоры архивных фондов, связанных с историей и культурой еврейского народа. Благодаря поддержке Центра свет увидели более десятка монографий и сборников, посвященных еврейской культуре, истории евреев различных регионов России, историческим событиям и персоналиям.

Более подробную информацию о Центре, его программах и издательской деятельности можно получить на сайте www.crjs.ru.